ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 12 МАРТ 1983

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 12 (2905)

19 МАРТА 1983

Идет сев люцерны.



Муратберды Сопыев.

Георгий РОЗОВ
Фото автора

Тракторист Д. Мурадов и бригадир П. Мамедов.

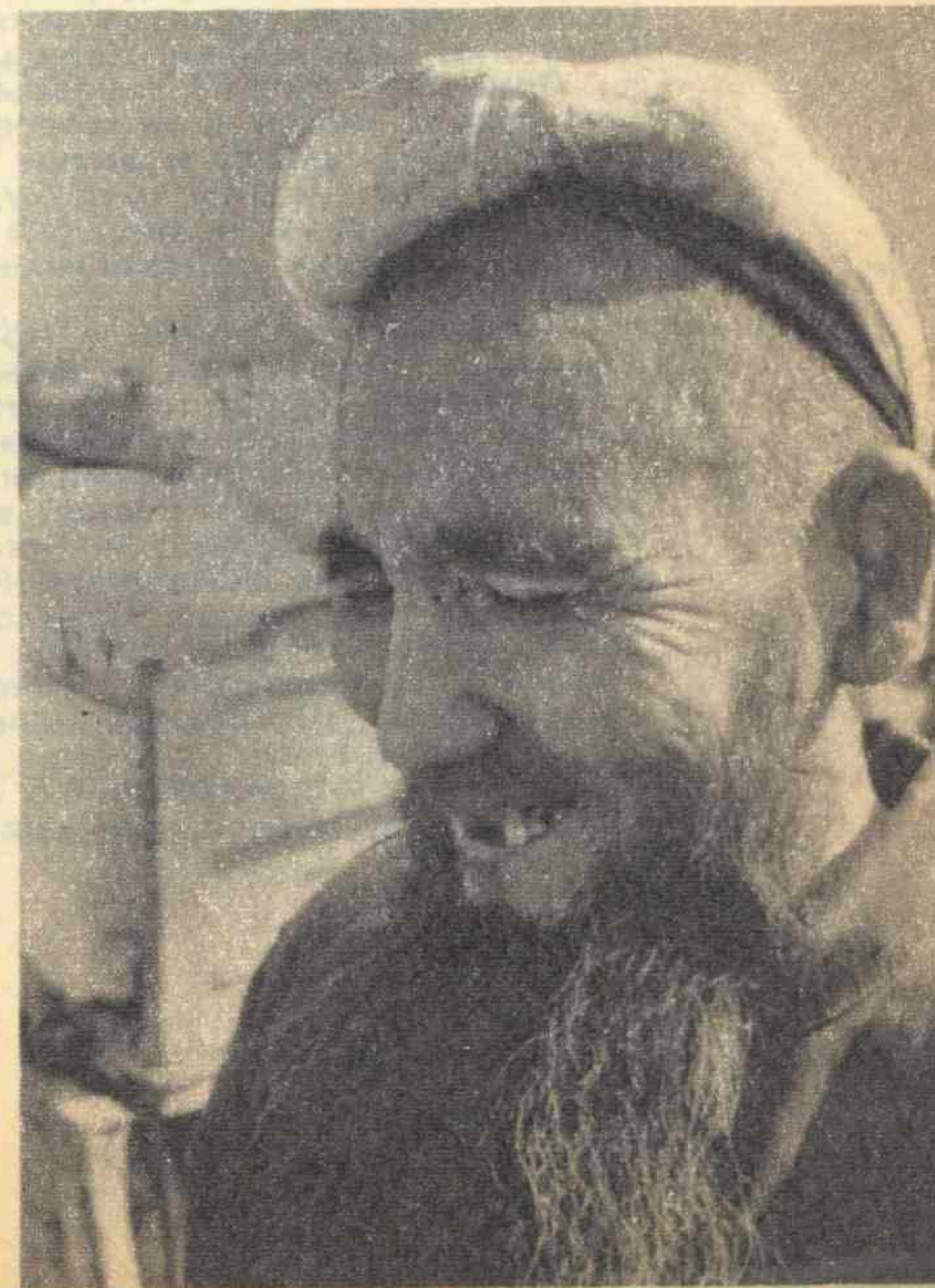


ЛОДКА В ПЕСКАХ

См. стр. 4



Капуста растет под пленкой.



Сеяльщик А. Аннабердыев.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА РОДИНЫ



За мужество и стойкость, проявленные трудящимися города в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, город Мурманск удостоен ордена Отечественной войны I степени.

10 марта состоялось торжественное собрание представителей партийных, советских и общественных организаций, трудовых коллективов, ветеранов войны и труда — участников обороны Советского Заполярья, посвященное вручению высокой награды.

С воодушевлением участники собрания избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС.

На собрании тепло встреченный присутствующими выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов. От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР он сердечно поздравил трудящихся города с высокой наградой Родины и передал им сердечный привет и горячие поздравления от Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова.

Товарищ Д. Ф. Устинов огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Мурманска орденом Отечественной войны I степени и под бурные аплодисменты прикрепил награду к знамени города.

С подъемом участники торжественного собрания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР.

Во время вручения награды.

Фото С. Майстермана (ТАСС)

СОЮЗ ИСКУССТВА И ТРУДА

В Большом зале Центрального дома работников искусств собрались столичные представители искусств и гости из Сибири — передовики производства, партийные и советские работники, деятели культуры и искусства. Такие встречи стали традицией. В прошлом году столица встречала красноярцев, а ныне прибыли посланцы Кузбасса.

Нынешний Кузбасс — это свыше трех миллионов человек, где почти миллион — рабочий класс, по праву называемый главным богатством Сибири: замечательные люди, чьими руками добывается уголь, выращивается хлеб, строятся важные хозяйственные объекты. Это они дают стране металл, продукцию химических и машиностроительных предприятий. И они не просто трудятся, а перевыполняют намеченные планы.

Однако не только трудовыми успехами известен и интересен Кузбасс. Здесь любят и знают искусство, умеют ценить труд художника. Стремление к высотам труда живет наравне со стремлением к духовным высотам.

«Превратим Сибирь в край высокой культуры!» — называется постоянная рубрика газеты ЦК КПСС «Советская культура». Публикуемые здесь материалы именно и повествуют о тесной взаимосвязи материального и духовного. Это и рассказ о творческой лаборатории мастеров искусств, о культурно-массовой работе, воспитании подрастающего поколения, различных интересных начинаниях. Критическая оценка, как и одобрение, — прекрасный стимул для поиска нового, для совершенствования того, что существует. Газетная строка — зачинщик многих славных дел сибирского края, поддержанных местными партийными и советскими работниками, деятелями культуры. И поэтому не случайно вечер-встреча в ЦДРИ, проведенный совместно редакцией «Советской культуры» и правлением Центрального дома работников искусств, проходил под лозунгом «Превратим Сибирь в край высокой культуры!». Представительную делегацию, куда входили секретарь Кемеровского обкома КПСС П. Дорофеев, Герой Социалистического Труда, бригадир шахты «Нагорная» Е. Дроздецкий, машинист электровоза, лауреат премии «Молодость Кузбасса», член Союза писателей СССР В. Баянов, приветствовали ведущие мастера сцены — Герой Социалистического Труда, народный артист СССР М. Царев, народный артист СССР Е. Симонов, народный артист СССР А. Эйзен... Они говорили о прекрасных людях — металлургах, шахтерах, химиках, с которыми довелось им встречаться на земле Кузбасса, о подлинно творческом отношении к искусству, о союзе искусства и труда; о том, насколько важны эти взаимообогащающие контакты. Председатель правления ЦДРИ Евгений Симонов подчеркнул, что в таких поездках всегда чувствуешь «живой ветер жизни»: художники находят то, что помогает им правдиво отображать действительность.



Режиссер Е. Симонов, машинист экскаватора С. Логинов, космонавт Б. Волынов.

Много было сказано добрых и гордых слов на встрече. Они прозвучали в выступлениях и Петра Михайловича Дорофеева, и дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта Алексея Леонова, которому довелось увидеть свой родной Кузбасс с высоты космоса... Всем запомнились слова П. Дорофеева, что Сибирью можно и должно гордиться! И ее делами и ее людьми!.. На карте нашей Родины, сказал он, Кемеровскую область легко найти по очертаниям: это большое сердце...

Такие встречи подсказаны самой жизнью. Они крайне важны для творческих контактов художников с действительностью.

М. КОРОТКОВ



ГЛАВНОЕ — РЕЗУЛЬТАТ РАБОТЫ

СЛОВО РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА

Наш завод «Торгмаш» выпускает оборудование для кафе... Коллектив у нас дружный, работаем без срывов. За успехи в десятой пятилетке завод награжден орденом Трудового Красного Знамени. И тем не менее волнуют меня и моих товарищей вопросы производственной дисциплины, поднятые в беседе товарища Ю. В. Андропова с московскими станкостроителями. Я сужу по своей бригаде. Нас шестнадцать сварщиков и слесарей. Мы не год, не два, а десять лет работаем по единому бригадному наряду. Всю продукцию обязались сдавать с первого предъявления. И мы слово держим. Теперь каждый из нас контролер, а себя не обманешь. Замечание товарища не вызывает обиды. Взаимовыручка — обычная в бригаде вещь. Бережливо относимся к сырью. И не подводим тех, кто зависит от нашей работы.

Однако сейчас что получается? Кто старательно трудится, с того и спросу больше. Все меры дисциплинарного и материального воздействия рассчитаны на сознательного рабочего: обсуждение в бригаде, лишение премии, осложнения с отпуском и очередью на получение квартиры... Исправляет ошибку тот, кто дорожит всем этим. А лодыря ничем не проймешь: забрал трудовую книжку, его и след простыл...

У нас коллектив стабильный, но все равно какой-то процент ручейком течет через отдел кадров: «вход — выход, здравствуйте и — прощайте»... Приходит такой человек на завод, его оформляют, учат технике безопасности, вводят в курс дела. При этом от него пока никакой отдачи, а время, конечно, отнимает. И вот иной новичок смекает, что режим нашей жизни не для него, и через месяц-другой увольняется.

Мне кажется, существующее трудовое законодательство поставило предприятие в неравные условия с летуном. Принимая человека на работу, завод берет на себя немало обязательств, а вновь поступивший — по сути, никаких. Нужен испытательный срок — допустим, год.

Материальный ущерб, который причиняют производству летуны и пьяницы, велик. Не менее велик и ущерб моральный, потому что безответственные люди, циники плохо действуют на окружающих. Конечно, борьбу за дисциплину не следует сводить к формальным мелочам. Главное не в том, чтобы отстоять восемь часов у станка или верстака, а в том, чтобы использовать эти часы наиболее продуктивно. И тут возрастает роль планирования производства, организации снабжения, активности инженерных служб.

Вот мы делаем лицевые двери торговых автоматов. Изнутри на них надо приваривать десяток крепежных винтов. Два человека в бригаде были заняты только этим. Но вот появилась на участке ударно-конденсаторная установка, созданная учеными института имени Е. О. Патона. Мы ее освоили, и теперь производительность труда возросла вдвое.

Я к чему веду? В наше время средства информации настолько развиты, что позволяют с высоты рабочего места увидеть многое. И как обидно бывает, когда в телепередаче, по радио, в газете или журнале рассказывают про новые технологии, о станках и механизмах, которые облегчают труд, делают его красивее, но новшества годами не могут пробить дорогу на завод, в цех...

Бороться с потерями рабочего времени надо не только в цехах. Хорошо, что многие ателье, мастерские, приемные пункты изменили часы работы, сделали их более удобными для тех, кто занят в промышленности. Однако взять работу городского транспорта. В Киеве он в общем-то работает неплохо.

Но бывает и такое. Когда в шесть утра на остановке собирается толпа, а маршрутного автобуса нет, подъезжает... «халтурный». Но он может и не приехать. К тому же вдруг его, халтурщика, как и положено, пресекут? И пресечь надо, и график движения городских автобусов наладить четкий. Вот так я думаю.

А. ЧЕРНЯК,
бригадир электросварщиков

Киев.

«МАНКА» ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

НОВИНКИ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Причуды женского нрава неисповедимы. Героине рассказа О. Генри «Персики», например, захотелось среди ночи съесть персик. А когда Малыш, бросившийся исполнять волю молодой супруги, все же добыл южный плод, преодолев массу опасных приключений, она объявила, что гораздо охотнее съела бы апельсин.

Моя жена, простая труженица, не так капризна, но и она порой ставит меня в тупик. Известно, что зимой холодно и без теплых сапожек не обойтись. Когда-то давно предметом мечтаний была «аляска». Потом оказалось, что эта обувь лишена изящества и необходима только «шпилька», в которой, по словам моей жены, можно появиться везде: на работе, в гостях и даже в театре. Время шло, и стало ясно, что «шпилька» при всем своем изяществе и красоте тяжела в повседневной носке. Тогда появилась надежная, устойчивая «платформа». Практичность этой обуви, казалось, обеспечивала ей долгую жизнь. Но нет. И она оказалась отвергнутой: «груба, тяжела, неудобна». И снова каблук стал уже, подошва тоньше. Казалось бы, все хорошо, но сугробы, ухабы на дорогах требовали опять чего-то другого. Появилась «манка» — танкетка новой формы из каучука, микропористой резины или полиуретана. Модницы в этой «манке» импортного происхождения щеголяют, блаженствуют уже не один год, а вот промышленное ее производство у нас еще не раскачалось. Мне уже надоело смотреть на умоляющие глаза жены, и я взялся провернуть эту «операцию» самостоятельно. И представьте себе, нашел прекрасное, на мой взгляд, решение вопроса. Зайдя в мастерскую по ремонту обуви № 24 по Селезневской улице, я узнал, что здесь ставят эту злополучную «манку».

— Да, действительно, у нас в мастерской вместо подошвы с каблуком устаревшей формы можно поставить модную танкетку из микропористой резины или каучука,— любезно сообщил мне заведующий мастерской Э. А. Юхан.— В создавшейся ситуации рацпредложение прекрасного мастера, художника-модельера, моего друга и коллеги заведующего другой мастерской № 15 (Дегтярный переулок, 6) Эдуарда Николаевича Мирзы оказалось как нельзя более кстати. Он первый придумал и разработал изготовление подошвы, которую в просторечии называют «манкой», из обычной микропористой листовой резины, которую мы получали для ремонта. Это не единственное его изобретение, которое освоили и мы. Не за горами лето, а мы уже имеем образцы, как из старых туфель на «неснашиваемой» полиуретановой подошве сделать элегантные сабо, как обновить туфельки-шпильки, придав им новое, современное звучание.

Беседа с Эдуардом Александровичем Юханом затянулась, но я не жалею, что познакомился с людьми такой древней профессии, как сапожник, и убедился, что и здесь может быть простор для творчества, если относиться к своему делу профессионально и с любовью.

Зима уже заканчивается, но я спокоен, что следующий снег моя жена встретит в удобных современных сапожках, новую жизнь которым дали прекрасные московские мастера-обувщики. Жаль только, что не все женщины смогут разделить радость моей жены. Оказалось, что в мастерских не хватает и материала и мастеров, а очереди не скудеют, несмотря на приближающееся лето.

Л. МАТВЕЕВ, инженер

Москва.

ЧТОБ КУПИТЬ ПОРОСЕНКА

РЕЗЕРВЫ ПРИУСАДЕБНЫХ ХОЗЯЙСТВ

В рубрике «Опыт наших друзей» прочитала статью Н. Крыловой «Таблица умножения по-болгарски». Как будто сама побывала в Болгарии. Толково и по-деловому рассказано о приусадебных хозяйствах НРБ.

Мы живем в Кингисеппском районе Ленинградской области. Вокруг Ивангорода и Кингисеппа растут дачные участки.

Я считаю, что для выполнения Продовольственной программы надо лучше использовать наши возможности. У болгарских друзей можно перенять немало полезного.

Многие из ивангородцев держат коров, овец, свиней, кур. В этом году и мы с мужем вырастили двух свиней. Одну зарезали. Вторая, пудов на десять, еще растет.

Люди сдали излишки в ресторан Ивангородского общепита или в заготконтору райпотребсоюза. Ну, а у нас большая семья (четыре сына и дочь), так мы себе насолили сала и тушенки заготовили.

В условиях города содержать скот тоже можно. На окраинах растет крапива, лебеда, другие травы — отличный корм для свиней. Да и дома остается немало пищевых отходов. Кроме того, я договорилась с детскими учреждениями и там брала отходы от пищи. Короче, не прибегая к покупке хлеба и муки, вырастили мы отличных поросят. Так и у соседей.

Но у нас очень трудно достать поросят, бройлерных цыплят или гусят. Чтобы купить поросенка, надо объехать несколько районов или сел. В совхозах если и продают, то из числа выбракованных: «На тебе, боже, что нам негоже». В Ивангороде есть подсобное хозяйство в комбинате общественного питания. Там больше ста голов свиней, но борова нет. А если его завести, то можно было организовать продажу поросят для личных хозяйств. Окупились бы все расходы.

Недалеко от Ивангорода, в Волосове, есть инкубаторная станция. Хотелось бы, чтобы оттуда присылали машину с цыплятами в Ивангород. Пусть будут и подороже, но мы бы знали, что купим непременно.

Очень надо помочь в этом деле. Государство от этого только выиграет. Будет мясо и в магазинах и на рынке.

К. ЛУЧЕЗАРНАЯ,
контролер

Ивангород.



ЛОДКА В ПЕСКАХ

См. 2-ю стр. обложки.

«Гями» — по-туркменски «лодка». Так называется село, в котором расположился колхоз «Совет Туркменистаны», Ашхабадской области. Не странно ли? Каким ветром занесло в пески такое название?

— Старики говорят: сто один год назад на село обрушился сель,— разъяснил председатель колхоза, Герой Социалистического Труда Муратберды Сопыев.— Тогда вот там, на взгорке, рядом с правлением, жили люди. Поток все вокруг смел, а дома на горке пощадил. Село стояло среди ревущей воды, как лодка в море. С тех пор оно и называется Гями.

— А не пора ли еще раз переименовать деревню, повысить рангом? Была лодка — стала флагманским кораблем,— шутит бригадир садоводов Ораз Рустамов.

Председателю шутка нравится, потому что колхозники и в самом деле уже много лет гордятся своими успехами. Пять миллионов чистой прибыли в год. Неплохо, правда? Впрочем, эта цифра мало о чем говорит сама по себе. Поэтому перечислю, что продал колхоз государству в прошлом году: двадцать шесть тысяч тонн овощей, четыре с половиной тысячи тонн арбузов и дынь, три тысячи тонн винограда, семьсот тонн фруктов, двадцать три тонны коконов шелкопряда, восемьсот тонн мяса, сто тридцать — шерсти, тысячу шестьсот — молока и пять миллионов штук яиц. Этот длинный перечень еще далеко не полон.

Весна под Ашхабадом в разгаре, и у председателя забот хватает. Нет, однако, той сумасшедшей гонки, какая бывает у его коллег на севере, когда надо отсеяться за неделю. Здесь тепло девять месяцев в году, и потому, нагрузки распределяются более равномерно. С каждого поля получают по два, а иногда и по три урожая. Капусту, скажем, или помидоры выращивают к определенному сроку, чтобы не весь урожай сразу созревал, а постепенно. Уже засеяны поля с люцерной. На очереди — кукуруза на зерно и на силос. Капуста под пленкой за неделю вымахала величиной с ладонь. Идет первая обработка плантаций лука и огурцов. В начале мая все эти богатства поступят в магазины, а в конце его начнется уборка помидоров. И так до последних чисел декабря: на одних полях будут сеять, на других — убирать.

Муратберды широко шагает по цветущему яблоневому саду. Останавливается, срывает цветок, улыбается. Накануне ночью ударил мороз. Всю ночь жгли старые покрышки: спасали урожай. Не зря старались: выстоял сад.

— Недавно приезжали к нам в гости крестьяне из Афганистана,— говорит вдруг Муратберды. — Я их пригласил в один дом — смотрят, руками вещи трогают, головами качают. Нет, мол, тут не простой крестьянин живет... Я их в другой дом веду, потом в третий. Они свое твердят. В шутку предложил: идите, говорю, сами, куда глаза поведут. Они обрадовались, и прямиком к сараю. А там, естественно, корова стоит, овцы и другая живность. Тут поневоле вспомнишь, что полвека назад сами в бедности жили. А теперь... — Председатель ничего больше не сказал. Он просто оглянулся назад. Там, за цветущим садом, под вешним солнцем ярко блестели шеренги парников, укрытых полиэтиленом, а за ними радостно зеленели молоденькие листочки тополей и белели кирпичные стены домов его родного села Гями.

НАШ ВЗГЛЯД

ЛОЖЬ И КЛЕВЕТА

Юрий КОРНИЛОВ

«Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете». Так говорил В. И. Ленин, и сколь актуально звучат эти слова сегодня, когда империалистические круги США и НАТО, пытаясь, хотя и тщетно, преодолеть идейный тупик, в котором находится капитализм, обеспечить хоть какое-то пропагандистское подкрепление своей антинародной, агрессивной политике, открыто призывают к новому «крестовому походу» против коммунизма — все сильнее разжигают ожесточенную психологическую войну, развязанную ими против всех сил мира и прогресса.

В последний период в Вашингтоне особенно усердно рекламируется разработанная в высших американских эшелонах власти некая новая «глобальная программа», помпезно именуемая «программой демократии и публичной дипломатии». Эта программа, как сообщается, «рассчитана на страны Азии, Африки, Латинской Америки и Восточной Европы», на ее реализацию уже в следующем финансовом году планируется израсходовать 65—85 миллионов долларов, и госсекретарь США Дж. Шульц недавно во всеуслышание охарактеризовал ее как «важнейший элемент внешней политики США».

Что же сия программа собой представляет? Ее стержень — в том, чтобы под предлогом «защиты демократии» осуществлять массированное вмешательство в дела других государств, прежде всего развивающихся, которые Вашингтон хотел бы пристегнуть к американской политике. С этой целью ставится задача сколачивания в суверенных странах своего рода «пятой колонны», в которую, как об этом прямо говорится, будут включены «люди и институты, связавшие себя обязательством способствовать демократическому развитию»,— разумеется, на вашингтонский манер. Целая серия мер призвана подвести псевдоидеологическую основу под империалистическую политику США, еще более активизировать идеологическую интервенцию.

Хорошо известно, что для психологических атак против социализма, для насаждения идеологических мифов, призванных замаскировать смысл агрессивных акций, в США создана гигантская пропагандистская машина. Она включает в себя и Информационное агентство США (ЮСИА) — главный рупор вашингтонской внешнеполитической пропаганды (годовой бюджет — 640 миллионов долларов, штат — 8 тысяч сотрудников), и Пентагон, в распоряжении которого до 300 разбросанных по всему миру радио- и телевизионных станций, и, конечно же, ЦРУ, которое, по свидетельству печати, держит «в сфере своего влияния» свыше 800 различных изданий. Ныне предусматривается еще более усовершенствовать этот беспрецедентный по масштабам конвейер лжи. Так, бюджет ЮСИА будет, как сообщается, увеличен почти на 114 миллионов долларов. Крупные «финансовые «инъекции» предусмотрены для окопавшихся в Мюнхене (ФРГ) подрывных радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа», этих содержанок ЦРУ. Значительные суммы выделены для проведения в США под маркой «международных конференций» и «симпозиумов», антисоветских сходок, на которых вашингтонские мастера по «черной пропаганде» будут «промывать мозги» специально отобранной зарубежной клиентуре. И вот эти-то провокационные акции, на которых за версту видно клеймо ЦРУ, облачаются в одежды «демократии», выдаются за некую «публичную дипломатию»!

О том, какими методами действуют в США инициаторы нагнетания напряженности и милитаристского психоза, можно судить и по книжонке «Советская военная мощь», выпущенной в Вашингтоне. Комментируя первое издание этого опуса, вышедшего в конце 1981 года, даже многие эксперты на Западе отмечали, что публикация, о которой идет речь, не более чем пропагандистская фальшивка, с помощью которой Белый дом и «золотые галуны» Пентагона пытаются оправдать курс на форсированную гонку вооружений, теснее привязать к своей милитаристской политике «строптивых» западноевропейцев. Что же нового преподнес Пентагон читателям во втором издании той же книжки? Ровным счетом ничего. Да иначе и быть не могло, ибо остался прежним сам метод, с помощью которого очередная фальшивка выдана на-гора́: беззастенчивая манипуляция взятыми с потолка «данными», грубая дезинформация и подтасовка фактов...

В свое время американского сенатора Мундта осенила мысль радиофицировать высеченные в Скалистых горах Южной Дакоты гигантские каменные изваяния бывших президентов США, дабы они громогласно воспроизводили некогда произнесенные ими речи об американской демократии. Газета «Крисчен сайенс монитор» не без сарказма заметила тогда, что в сложившейся в США обстановке красноречивое молчание бывших президентов предпочтительнее. И это верно! Разве стерпели бы нынешние вашингтонские «крестоносцы», рекламирующие Америку как некий «образец для всех», если бы, например, изваянный А. Линкольн стал беспрерывно произносить такие явно «крамольные» слова: «Воротилы денег будут пытаться укрепить свою власть в ущерб народу, пока все богатства не сосредоточатся в руках немногих и республика не будет подорвана». Разве стерпели бы эти господа, изрыгающие хулу и клевету в адрес социализма, его широко известное изречение: «Можно обманывать некоторых людей все время, можно обманывать всех людей в течение некоторого времени, но нельзя обманывать всех людей все время»?!

Да, у лжи, как гласит известная пословица, короткие ноги. И как бы ни изощрялись новоявленные вашингтонские «крестоносцы», волю народов к миру им не сломить, великие достижения социализма не перечеркнуть!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА



Рис. КУКРЫНИКСЫ.

Однажды, находясь в Канаде, советский писатель Юрий Рытхэу познакомился с единственной тогда в этой стране студенткой-эскимоской Мери Карпентер. Она была студенткой университета Западного Онтарио и даже знала имя Пушкина, хотя считала его... канадским поэтом.

Несмотря на то, что Мери выросла в семье довольно зажиточной и в ее жилах есть и кровь белого человека, она считает себя эскимоской и с болью и гневом рассказывала гостю из далекой страны о бесправии и нищете своего народа.

В одной из брошюр, изданных Индейско-эскимосской ассоциацией Канады, можно узнать о том, что из каждой тысячи новорожденных эскимосов умирает во младенчестве почти пятая часть — вдесятеро больше, чем у белых жителей Онтарио.

Но, пожалуй, больше этих цифр, больше увиденного в жалких жилищах эскимосов писателя потряс эпизод с «нумерацией». Впрочем, лучше о нем расскажет сам Юрий РЫТХЭУ.



ЧЕСТЬ ИМЕНИ

— При прощании я попросил Мери Карпентер записать свой адрес в мой блокнот. После имени Мери вывела W-3-244. Прочитав адрес, я уточнил, показав на букву и номер:

— Это почтовый индекс?

— Нет,— ответила Мери,— это мой номер.

— Не понимаю,— сказал я.

— Эскимосы Канады по правительственной статистике не имеют имен. Объясняют это тем, что эскимосские имена слишком трудны для произношения и написания. Поэтому решили каждому эскимосу присвоить номер. Западные эскимосы перед своим номером имеют букву «W» — как у меня, а восточные «E». Легко и просто. У нас в Тиюктоюктаке номера выбиты на деревянном кружочке, и этот кружочек каждый эскимос носит на шнурочке на груди, рядом с крестиком.

— Что же это такое, Юрий Сергеевич? Сорок тысяч человек, целый народ, пронумерованный, словно стадо оленей, клейменый, словно толпа узников! Чем объяснить это немыслимое бессердечие и жестокость страны к ее коренным жителям?

— На этот вопрос мне точнее всего ответил прогрессивный канадский ученый Фарли Моуэт, посвятивший всю свою жизнь борьбе за улучшение положения народов канадского Севера. Он сказал коротко и ясно: «Это не Советский Союз. Все, что не приносит денег, не представляет в Канаде большого интереса».

— Но ведь, отняв у человека честь носить свое имя, у него подрубают корни, питающие его лучшими традициями, нравственными законами предков, его лишают и прошлого и будущего...

— Да, это действительно так. Всего четыре километра сто шестьдесят метров отделяют от Чукотского полуострова американский остров Малый Диомид, но наших чукчей и островитян-эскимосов от американских отделяет бездонная пропасть в социально-экономическом и духовном смысле. Не так уж давно моего первого старого учителя Ивана Ивановича Татро попросили провести в новой красивой двухэтажной Уэленской школе урок-воспоминание о первых годах чукотской школы. Я присутствовал на этом уроке.

— Кто видел ярангу, пусть поднимет руку,— сказал учитель.

Ни одна рука не поднялась.

— Кто знает, что такое жирник?

Девочка, сидевшая рядом со мной, подняла руку и бойко ответила:

— Жирник — это мешок, в котором жир хранят.

— Вот когда он,— Татро показал в мою сторону,— пришел в школу, во всех ярангах Уэлена единственным источником света был жирник — каменная плошка с тюленьим жиром и фитилем из тундрового мха. А сейчас у нас в округе построена атомная электростанция. Вот какой путь мы прошли — от жирника до атома!— с гордостью сказал мой первый учитель.

А я последний раз видел жирник не так давно в маленькой землянке на острове Святого Лаврентия, где живет старушка Рультына.

В городе Номе на Аляске я узнал, что там восемьдесят пять процентов эскимосов — безработные. Для утоления их духовной жажды в городе семь кабаков и семь церквей. Выбор невелик: или к богу, или к спиртному.

— Но ведь сейчас, Юрий Сергеевич, интерес к Северу — к эскимосам в частности,— кажется, растет. Наиболее предприимчивые туристские компании и здесь разрабатывают свою «золотую жилу», как это уже сделано с американскими индейцами.

— Да, Север вошел в моду. Там строятся комфортабельные отели, туда организуются специальные туристские рейсы, а местных жителей подают как приложение к экзотической природе, почти как белых медведей, которые вдобавок умеют говорить и плясать. В чем выражается «доход» эскимосов? В семьях появляются «турист-беби» — живые результаты общения с туристской цивилизацией, растет уровень алкоголизма и неведомых ранее болезней.

— А что приносит местным жителям открытие и освоение промышленными компаниями северных богатств?

— Если внимательно посмотреть на Канаду, которая по всем показателям считается процветающим капиталистическим государством, то обнаружится, что древние жители этой страны «супер ситизаны» оказались в самом плачевном положении. От большого пирога, который ежегодно выпекается в пекарне капиталистического производства, люди без имени получают жалкие крохи, настолько жалкие, что над этими людьми постоянно витает угроза голодной смерти.

На Аляске нашли нефть, и это привело к тому, что земли у эскимосов скупают, скупают за бесценок. Их лишают потомственных угодий, единственного источника существования — реки. Побережье, море Бофорта с его рыбой, тюленями, китами отравляются.

Многие годы хорошо оснащенные китобойные флотилии гонялись не столько за мясом и жиром кита, сколько за драгоценным в те времена китовым усом. Прибрежные охотники с изумлением наблюдали, как белые промысловики, вырезав ус, выбрасывали в море туши китов, вырубив бивни, оставляли гнить на берегу глыбы моржового мяса, как варварски истребляли бельков, морских львов и котиков.

Веками освященные ценности рушились на глазах, моральные устои, выработанные многими поколениями, рухнули перед «соблазнами» цивилизации. Так у «нумерованных» людей отняли прошлое. Что же касается будущего, так называемых «возросших возможностей работы» для местного населения, скажем, в США... На сооружении гигантского Аляскинского нефтепровода мне удалось встретить только одного эскимоса. Он работал... прачкой. Конечно, и на Аляске и в других регионах и странах есть общественные организации, борющиеся за сохранение окружающей среды, за предоставление эскимосам человеческих прав. Это настоящие энтузиасты, самоотверженно преданные благородному делу спасения народов Севера. Но их немного, средства, отпускаемые капиталистическими государствами, ничтожны. В США, например, федеральная помощь эскимосам практически свелась к нулю с приходом к власти Рейгана. На церемонию, посвященную его вступлению в должность президента, эскимосы послали подарок — две отборные собачьи упряжки. Но что Рейгану какие-то там сорок тысяч человек...

Один из крупных американских адвокатов сказал мне: «Если бы нефть на Аляске обнаружили в начале века, то с туземцами сделали бы то же, что с индейцами». Вот оно, горькое будущее людей, лишенных самого святого — права на труд.

— Помните, Юрий Сергеевич, как на острове Малый Диомид резчик по кости Дуайт Мылыгрок рассказывал вам о том, что очень любит слушать советское радио, ловит передачи из Анадыря на эскимосском языке. «Что тебе в этих передачах нравится?» — спросили вы его тогда. «Ваше радио много говорит о работающих, прославляет их, рассказывает, как они соревнуются»,— ответил старый косторез.

— Да, эти слова часто приходят мне на память, особенно в последнее время. Ведь мы, советские люди, сыновья и дочери всех народов нашей страны, воспринимаем право на труд, на образование, на обеспеченность как нечто само собой разумеющееся, как незыблемый закон жизни, часто не видя в этом ничего особенного, не задумываясь, какой ценой достигается это не виданное ранее миром человеколюбие.

Вспомню случай из своего детства. В сорок четвертом году у нас в Уэлене началась небывалая эпидемия вирусного гриппа, перед которым в те годы были так беззащитны северяне. Все лежали в своих ярангах. Некому было ходить на охоту. Поэтому и продуктов было купить не на что. Мы

уже ели вареные ремни, куски моржовой кожи. И вдруг по ярангам разнеслась невероятная весть: каждый может пойти в магазин и взять себе продуктов, какие ему нужны и сколько он хочет. Совершенно бесплатно. Сначала этому никто не поверил, потом кое-кто решился встать и пойти посмотреть. Пошел и я. Все оказалось правдой. До сих пор при воспоминании об этом у меня комок подкатывает к горлу. Страна воевала, на жестком пайке сидел весь рабочий тыл, и вдруг — открытый настежь магазин в Уэлене, и мы, берущие в пустом, без продавца, помещении хлеб, выпеченный русским пекарем дядей Колей.

Может быть, именно этот хлеб спас тогда и мою землячку Анну Нутэтэгрынэ, ставшую потом председателем Чукотского окрисполкома, членом Президиума Верховного Совета СССР. И чукотскую поэтессу Антонину Кымытваль. И мою сестру Галю, которая стала звероводом. И меня, чьим первым учителем в литературе был Александр Твардовский, и многих из тех, кто сегодня честно трудится на благо родной страны.

Я всегда, особенно находясь вдали от родных мест, с волнением читаю свежие номера газеты «Советская Чукотка». За короткими, подчас излишне скупыми строчками какие судьбы видятся, какие характеры! Ну вот один из них — Александр Караугье. В детстве у своего дяди, знаменитого в ту пору оленевода Яуккая, он учился управлять оленьей упряжкой, догонять отбившихся от стада оленей, разжигать одной спичкой костер. Потом учился сначала в техникуме, потом в сельскохозяйственном институте. Сейчас коммунист Александр Караугье — главный зоотехник одного из передовых оленеводческих хозяйств.

— Я знаю, Юрий Сергеевич, что труженики Чукотки, люди разных национальностей — основные герои ваших произведений. Они очень разные по характерам, привычкам. Бывает, ошибаются, причиняют боль близким, страдают сами. Но всех их объединяет и роднит главное — любовь к родной земле, удивительно честное отношение к труду, к своему долгу перед людьми. Один из первых ревкомовцев Чукотки Булатов («Конец вечной мерзлоты»), погибший от рук белогвардейцев, английский моряк Джон Макленнан, ставший председателем Совета («Иней на пороге»), современный парень Вэкэт, пасущий оленей в тундре, учитель Яков Спешнев, ставший председателем колхоза («Вэкэт и Агнес»), — эти и многие другие герои отличаются огромным позитивным потенциалом. Не приходилось ли вам слышать, однако же, упреков в излишней «положительности» ваших героев?

— Мне довелось и приходится бывать среди людей действительно высокого романтического настроя, какой-то особой цельности — полярников, геологов, моряков... Я не называю их имен, потому что они этого не любят, для них это действительно не главное. Это та среда, где человечку нечестному, темноватому душой, озабоченному корыстным интересом, так же трудно находиться, как бурому медведю среди белых. И среди других профессий — на первый взгляд менее романтических — я встречаю таких людей. Это руководители некоторых крупных производственных объединений в Ленинграде — люди огромной ответственности за дело, постоянного беспокойства, люди высокой чести.

Встреча с ними — это и праздник и экзамен. Беседа всегда интересна и поучительна, хоть они и не стремятся поучать.

Недавно судьба подарила мне встречу с замечательным, по-настоящему государственным человеком — председателем колхоза со Ставрополья Героем Социалистического Труда Александром Блесковым. Старое село из саманных хат, разбросанных по краям длинной балки, которую народ нарек Горькой, он превратил в современный благоустроенный цветущий розами поселок с красивыми двухэтажными виллами для колхозников. Его хозяйство — одно из лучших в стране. А чего все это стоило израненному фронтовику, пришедшему лет тридцать назад в самый отсталый колхоз... Вот какая книга могла бы получиться, возьмись за нее талантливый, современно мыслящий писатель. Так что дефицит положительного героя, о котором вы говорите, я в большом смысле объясню не тем, что его нет, и даже не тем, что, как правило, писать его труднее, чем отрицательного. А тем, что мы этого положительного героя плохо знаем, мало с ним общаемся, берем лишь то, что лежит на поверхности. Разумеется, это совсем не значит, что недостатки, отрицательные явления нашей жизни надо замалчивать. Очень точно сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов: «Одними лозунгами дела с места не сдвинешь». Социалистический образ жизни — это наше огромное достижение. Но сам по себе социализм — дело настолько грандиозное, что мы со своим грузом пережитков, даже житейских, не всегда соответствуем его высшим задачам, начинаем пользоваться его благами «для себя», пытаемся слепить свое семейное, карманное благополучие, не осознавая истинного смысла и значения этой потребительской психологии.

То, что раньше достигалось огромным трудом, было смыслом всей жизни — заработать на хлеб, — теперь, оказывается, можно иметь и не работая. Видимость легкости добычи жизненных благ порождает и слой социальных иждивенцев, которые четко понимают, что общество не даст им пропасть — станет их воспитывать, уговаривать, учить и... кормить. Отсюда перебои в качестве труда. Отсюда поток «летунов», прогульщиков, пьяниц, бракоделов, ворюг — людей с недоразвитым самосознанием. Между прочим, мы их сами плодим тем, что терпим в своей среде, прощаем великодушно. А вот тут бы и надо нашей пропаганде, нашей воспитательной работе раскрыть скобки истинного смысла заработной платы. Человек часто и не подозревает, что он зарабатывает не только то, что получает два раза в месяц. Часть его заработка идет на новые больницы и школы, на бесплатные учебники и завтраки школьникам, на санаторные и туристические путевки, на все то, что кажется жителям капиталистических стран красивым вымыслом, коммунистической пропагандой. Уж если мы хотим воспитать человека, гордящегося своим трудом, он должен знать степень своего участия в создании общих благ. Почему же мы так стеснительно, редко, малоинтересно говорим об общественных фондах потребления? Если бы люди знали, сколько в действительности они получают, то для многих исчезла бы магия цифр заработка американского рабочего, львиная часть которого уходит на оплату жилья, лечения, учебы детей, на борьбу с постоянным ростом цен.

Мне случалось читать: вот такой-то столько-то похитил из государственного кармана или причинил ущерб государству. Но у нас государство трудящихся. Карман у нас один — общий. Это значит: лодырей и пьяниц кормит не государство, а мы сами. Некачественная стройка, бракованная партия изделий, отравленная река — это все из нашего кармана. Об этом надо не стесняться говорить вслух. Человек хорошо работает, когда видит результаты своего труда. А если научно-исследовательскому институту дают задание вырастить гектар капусты? И люди ездят за пятьдесят километров, платят почти по тридцать рублей за рейс, покупают инструменты, учатся сажать рассаду (а их прямое дело стоит!). В результате затраты на гектар составили 850 рублей, не считая зарплаты служащих и не выполненных ими работ. Капусту же продали за 27 рублей. Это не просто бесхозяйственность, это надругательство над трудом и над людьми, удар по авторитету дела.

У нас иногда бесхозяйственность оправдывают размерами государства: мол, за всем не углядишь. Бесхозяйственность у нас не от системы, как пытаются утверждать наши враги. Она от безответственности многих людей, привыкших к спокойной, обеспеченной жизни за спиной государства.

Мне очень по душе курс нашей партии и государства на резкое повышение ответственности каждого за порученное дело. За примерами далеко не пойду. Один известный мне директор совхоза сел пьяным за руль, перевернул машину, поранил бухгалтера. Ясное дело, надо было отдать его под суд. Приезжаю через год, а он как ни в чем не бывало руководит.

— Почему его не судили? — спросил я в райкоме партии.

А мне отвечают:

— Мы его наказали в административном порядке и по партийной линии.

Разве это наказание? Это же попустительство! Надо, чтобы каждый человек точно знал: административное наказание — за служебный проступок; партийное — за нарушение партийной дисциплины. А за уголовное деяние — отвечай по закону. Об этом надо больше и смелее говорить и писать. Тут и литераторам есть о чем сказать свое слово. Не надо стесняться говорить правду об издержках нашего сложного и славного пути. Ведь и днища больших кораблей обрастают множеством ракушек — паразитов, мешающих им плыть. Важно вовремя их очистить. И отбить заодно хлеб у наших врагов, которые нашими соринками хотят замаскировать свои бревна.

— Вы очень правильно, Юрий Сергеевич, сказали насчет «хлеба наших врагов». Развивая вашу мысль, хочу добавить: в сущности, это ведь даже не хлеб, а заплесневелая горбушка, которую они грызут начиная с 1917 года. Имея, по официальным данным, двенадцать миллионов безработных, сегодняшние американские политиканы вознамерились порассуждать о том, что-де в Советском Союзе людей работать принуждают. Как тут не вспомнить знаменитую гоголевскую унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекла.

Недавно американский журналист К. Маккарти «сменил профессию», перевоплотился в безработного! «Потребовалось лишь поверх помятого плаща надеть телогрейку, обуться в стоптанные ботинки и два-три дня не побриться, — рассказывает он, — чтобы превратиться в бездомного, бесправного человека, именующегося «свободным гражданином преуспевающей страны». А ведь, в сущности, эти люди, как и канадские эскимосы, утратили в своей родной стране право не только на труд, но и на имя. Превратились в одну из цифр общего числа безработных. Только что бирку с номером на шее не носят... Так что судьбу народов Севера нынче разделяют и те, от чьего якобы имени эти народы безжалостно эксплуатируют.

— Да, к сожалению, это так. В мире все взаимосвязано. Каждый человек и соответственно народ, даже маленький, расплачивается дорогой ценой за безудержные претензии американских империалистов на мировое владычество. Я могу себе позволить судить об этом еще и потому, что ЮНЕСКО доверила мне высокую честь быть редактором книги и сценаристом фильма, посвященного судьбам северных народов, живущих в приполярных районах. ЮНЕСКО озабочена грозящей им опасностью постепенного исчезновения в результате безжалостной их эксплуатации в капиталистическом мире. Но нас опередила вышедшая в начале этого года в Дании книга группы авторов «Гренландия — жемчужина океана». В книге говорится о том, что США сделали эту землю одним из своих атомных полигонов, о том, что даже вне ядерной войны ее население ежедневно подвергается смертельной угрозе. Достаточно вспомнить катастрофу американского самолета «B-52», 21 января 1968 года взлетевшего с гренландской военной базы и имевшего на борту четыре водородные бомбы. А ведь американская техника массового истребления народов с тех пор еще более усовершенствовалась, и направлена она на нашу страну. Безымянные гренландцы для агрессоров — лишь маленькая пешка в большой бесчеловечной игре...

Обо всем этом надо думать каждому из нас, советских людей, кем бы он ни был, где бы ни трудился. Что касается меня, то главной темой моих книг, как я понимаю, является жизнь людей в мире. И если эти книги вышли тиражом более семи миллионов на семнадцати языках, не считая языков народов СССР, я думаю, у меня есть столько же единомышленников. Людей, которые не хотят быть цифрами в смертоубийственном американском балансе. Людей, у каждого из которых есть имя, и честь его они берегут.

Беседу вела Ирина ПИРОГОВА

ДИАЛОГ С ДМИТРИЕМ НАЛБАНДЯНОМ

Анатолий **СОФРОНОВ**

Только недавно, в конце 1982 года, вышел альбом с репродукциями картин художника Дмитрия Налбандяна. Это — событие и для самого художника и для всех его почитателей. Дмитрий Аркадьевич Налбандян прошел большой жизненный и творческий путь. С двенадцати лет он уже познал физический труд. В 1918 году его отца в Тбилиси убили меньшевики,— на плечах мальчика осталась семья, четверо младших ребятишек. Вот тут он как бы поступил в первый класс трудовой — в полном смысле этого слова — жизни. В те же годы он делал первые зарисовки, с тетрадкой в руках ходил по улицам Тифлиса, наблюдал быт и все это оставлял на бумаге.

...Дмитрий Налбандян — академик, лауреат Ленинской и Государственных премий. Он Герой Социалистического Труда, народный художник СССР. Все звания и отличия сошлись, как в зените, в судьбе этого действительно выдающегося таланта, художника, который привык работать каждый день. Как говорят о некоторых литераторах — ни дня без строчки, так и наш добрый друг Налбандян — ни дня без работы на природе или в мастерской, где бы он ни был и какая бы погода ни была: лето, зима, дождь, мороз,— с небольшим мольбертиком то ли на Москве-реке, то ли на одной из московских площадей, этот подтянутый человек с черными, добрыми глазами оставляет на холстах свидетельства быстротекущего времени.

Художники бывают разные. Дмитрию Налбандяну трудно выдать какую-либо определенную характеристику, прикрепить его к какому-либо точному жанру. Да, он прекрасный портретист. Да, у него немало больших жанровых картин. У него есть великолепные пейзажи, живые, гармоничные, в которых он с особой любовью показывает широкие степи с виднеющимися вдали горными снежными вершинами.

Налбандян любит людей, наполненных соками земли, людей добрых. Когда вы ходите по его выставке от полотна к полотну, вы невольно ловите себя на мысли, что на картинах мастера не видите людей злых. Это прежде всего действительно сыновья своей земли — Армении, Грузии, вы встречаете их на Черноморском побережье, на улицах и площадях Москвы, в цехах заводов... Широк мир художника Дмитрия Налбандяна. И может быть, вы это особенно замечаете в альбоме, где исчерпывающая статья о жизни и творчестве живописца принадлежит заслуженному деятелю искусств РСФСР, кандидату искусствоведения Анатолию Парамонову.

Я не пишу рецензии на альбом Дмитрия Налбандяна. Но волей-неволей обращаюсь к этому прекрасно сделанному в «Изобразительном искусстве» изданию, ибо такой альбом — своеобразная автобиография самого художника, связанная с биографией его родной страны да и с другими странами мира, в которых пришлось побывать нашему другу.

Много раз мне приходилось бывать в мастерской Дмитрия Налбандяна. Меня всегда поражала и потрясала наглядно видная работоспособность этого внешне подтянутого доброго человека, о котором никогда не скажешь, что ему за 75 лет. В этой мастерской все интересно. Пейзажи. Портреты. Фотографии тех, с кем он встречался в своей жизни. Различные скульптуры.

Я всегда думал: что же главное в творчестве Дмитрия Налбандяна? Какая ведущая тема? Перелистываю страницы альбома, и мне хочется процитировать слова самого художника:

«И тут нельзя не напомнить, что искусство — это поле идеологической борьбы между миром капитализма и миром социализма. И от каждого из нас требуются не только преданность своему призванию, основательная профессиональная вооруженность, но и твердость идейно-эстетических позиций, чувство гражданственности. Создавать произведения, идейно и художественно обогащающие народ, зовущие его вперед, может только человек глубокой коммунистической убежденности, руководствующийся принципом ленинской партийности.

Мне кажется, что для художника все это означает в первую очередь необходимость воссоздавать яркие образы героев нашего времени, передавать пафос великих свершений трудового народа, раскрывать направляющую роль партии Ленина, романтику революционной борьбы, героику Великой Отечественной войны, красоту родной земли. Каждая из этих тем не может не волновать сердце художника-патриота, служит для него неисчерпаемым источником творческого вдохновения.

Да, воистину безграничен круг жизненных явлений, открывающихся взору мастеров социалистического реализма. В то же время у каждого из нас есть свои пристрастия в искусстве, есть свой круг излюбленных тем. Для меня, как и многих других мастеров, это, во-первых, тема историко-революционная, ленинская тема. Она вызвала к жизни подлинно новаторские, по своей природе художественные явления, определила многие завоевания нашей художественной культуры.

Я отдал этой теме более сорока лет напряженного труда и отчетливо ощущаю, сколь высокие требования предъявляет она к уровню мастерства, идейной зрелости того, кто к ней прикасается. Воссоздать неисчерпаемый по богатству мир чувств и мыслей Ленина — здесь недостаточно быть только психологом. Также невозможно обойтись без глубокого понимания движущих сил истории, величайшей роли преобразовательной деятельности партии и народа. Потому всякий раз, приступая к работе над образом Ильича, я чувствую, будто вновь сдаю серьезный экзамен не только на художественную, но и на идейную зрелость. Тут от художника требуются предельная точность и конкретный историзм мышления.

Но разве не требует этих же качеств другая вдохновляющая задача — отображение свершений нашего современника, продолжателя дела Ленина? Донести до зрителя, до подрастающего поколения величие народного подвига, пафос коммунистического строительства — значит прежде всего показать духовную силу и красоту творцов этого подвига, участников этого строительства — рабочих, колхозников, ученых и так далее. Мне хочется рассказать о них как можно ярче языком своего искусства. И мои требования неотделимы от интереса к живому, реальному труженику моей страны, стоящему сегодня на переднем крае борьбы за претворение в жизнь планов нашей партии».

Вот так, с таким посылом мы и оказываемся перед холстами Дмитрия Налбандяна. Так мы начинаем беседу. Она возникает незаметно, казалось бы, совершенно неожиданно перед картиной «А. М. Горький у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне».

Странный вопрос — когда появляется ощущение законченности, когда наступает это чувство: при полной отделке или даже при каких-то на первый взгляд расплывчатых линиях? Но главное ты видишь перед своими глазами. Да, это Толстой, а это молодой Горький. Какие два разных художника, так непохожие друг на друга и вместе с тем оставившие всем будущим поколениям то, что мы привыкли называть классической литературой!

Перед Толстым сидит молодой Горький. Еще нет «Фомы Гордеева», нет «Матери», нет фундаментальнейшего романа «Клим Самгин». А Толстой уже сделал все главное в жизни. И вот это ощущение ты испытываешь даже при некоторой, казалось бы, незаконченности полотна. Вероятно, художник сам должен пройти через «Войну и мир», «Анну Каренину», «Воскресение», даже через философские заблуждения Толстого, чтобы увидеть, какой он, этот писатель, которого вдруг потянуло еще к молодому, но уже испытавшему жизненные потрясения Максиму Горькому.

Я спрашиваю Налбандяна:

— Почему, Дмитрий Аркадьевич, ты пишешь таких гигантов литературы, политики — некоторых тебе удалось писать с натуры, иных, как на этом полотне, на основании исторического и собственного опыта жизни?

— Этот вопрос и легкий и трудный,— отвечает Налбандян.— Ну какой из уважающих себя художников не пожелает попробовать взять самые большие вершины? Я очень люблю писать пейзажи, натюрморты, цветы. Ты посмотри, сколько их у меня: роз, тюльпанов, цветущей сирени...

— Да, действительно, даже как будто чувствуешь их запахи.

— Я люблю писать цветы. Это моя страсть. Но цветы писали до меня и будут писать после меня. Цветы всегда были и останутся на первый взгляд как будто теми же, но это не так. Каждый цветок растет по-своему. Также и человек. Каждый человек живет по-своему.— Налбандян улыбается.— Как же я могу не писать Толстого, или Горького, или Маяковского в Багдади? Я люблю стихи Маяковского. Я знаю его жизнь. Он рос в Грузии. Его отец был лесничим, но Маяковский стал всемирно известным поэтом, потому что он видел весь мир перед собой, потому что чувствовал свою ответственность перед всем миром и прежде всего перед своим народом. Ты помнишь эти строки: «Мне и рубля не накопили строчки, краснодеревщики не слали мебель на дом. И кроме свежевымытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо»? Я очень люблю эти строки Маяковского. Что нужно человеку? Дворцы? Семиэтажные дома? Мебель из красного



Д. Налбандян. Род. 1906. АВТОПОРТРЕТ. 1982.



Д. Налбандян. МОСКВА. СОВЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ. 1982.

дерева? Бриллианты? Алмазы? Ему нужна жизнь и ощущение собственной нужности для тех людей, с которыми он общается.

Налбандян замолкает...

— Дмитрий Аркадьевич, а скажи, как рождалась у тебя картина о Ленине «Последнее подполье»? Извини, я не хочу льстить тебе, но чувствую какое-то рембрандтовское начало в этом глубоком тоне за плечами согнувшегося над столом Ленина.

— Когда я писал эту картину, то не думал о Рембрандте. Я думал о Ленине. Ленин для меня самый главный герой моих работ.

— Это давно замечено твоими почитателями, любителями изобразительного искусства.

— Я очень люблю писать Ленина в различных ситуациях. Ленин на трибуне. Ленин в ссылке. Как ты относишься, например, к моей картине «Ленин и Горький на Капри»?

— К этой картине можно относиться, Дмитрий, только очень хорошо. Там все живые, все разные: и Горький, сидящий рядом с Лениным, и рыбаки, и горные склоны.

— А теперь я хочу тебя спросить,— уже обращается ко мне Налбандян,— какое у тебя впечатление от моей картины «Ходоки у Ленина»?

— Когда смотришь на полотно, ощущаешь, что Ленин чувствует себя там совершенно своим среди этих людей, стоящих возле него,— крестьянина, моряка, рабочего... Все это страницы великой биографии. Каждая твоя картина, связанная с жизнью Владимира Ильича, дает возможность представить наглядно, увидеть жизнь Ленина, который жил для того, чтобы людям, которые общаются с ним, было хотя и трудно, но радостно жить на земле. Мы, например, с интересом сейчас рассматриваем твою картину 1966 года «Ленин на IX съезде партии». Там и Ленин и Калинин, другие делегаты. Или «Выступление В. И. Ленина на Красной площади». Я бы назвал твои работы о Ленине действительно Ленинианой — большой, глубокой, разносторонней, представляющей жизнь и деятельность Ленина, целиком отданные победе нашего народа.

Налбандян смущенно слушает мои слова, пожимает плечами и говорит:

— Я не ставил перед собой такую обширную задачу. Но, конечно, рад, что создается такое впечатление...

— Ты много путешествовал. Я знаю, ты побывал в Англии, Франции, Италии. Несколько раз был в Индии. Один раз даже прожил там три месяца.

— Да, был такой случай.

— Мне кажется, дорогой мой друг, что Индия тебе оказалась очень близкой. Я даже не знаю, почему: то ли где-то ты почувствовал мотивы своей родной земли — Грузии, на которой ты вырос, или в Армении, в которой ты стал значительно чаще бывать в последние годы, написав много прекрасных картин об Армении, сделал живые портреты своих земляков — виноградарей, писателей, гончаров, скотоводов... Индия надолго западает в память. Я много раз бывал, Дмитрий, в Индии, и как раз в тех местах, которые вижу у тебя изображенными на полотнах. Нам в свое время повезло: во время первой конференции солидарности народов стран Азии мы встречались с Джавахарлалом Неру, беседовали с ним. И это осталось в душе. Уже позже мы виделись с Индирой Ганди, его дочерью. Мне лично кажутся очень интересными портреты Неру и Индиры Ганди, которые ты в свое время сделал. Они позировали тебе?

— Они мне позировали. Но ведь настоящий художник должен уметь писать в любых условиях. Каждый человек позирует, хотя он этого не замечает, не специально принимая ту или иную позу.

Я люблю Индию, Бомбей с его красками, Мадрас. Они у меня написаны, как и молодые индийцы, продавцы фруктов. Ты все видел.

— Да, видел. Ты обобщил бы все картины об Индии?

— Это очень сложно. Могу лишь сказать, что писал Индию с большим удовольствием. И добавлю: жизнь советских художников стала такой широкой, появилась возможность бывать в разных местах, в самых разных странах. Сейчас уже никого не удивишь Монмартром или берегом Сены. В Бомбее, Калькутте, на улицах Токио, в городах Японии можно увидеть разное. Не случайно именно там ты понимаешь, как много сделал наш народ. Какой подвиг совершил для всего человечества. Ты говорил о Ленине, о моих работах, посвященных ему. Все это для меня очень тесно связано. Это не слова, не фразы. Когда где-нибудь в Бомбее или Дели пишу индийского мальчишку, то думаю о нашей земле. Там очень трудно живут, но они начинают жить по-новому.

— А что ты думаешь, Дмитрий, о нашей современной живописи?

— Ну что же? У нас много замечательных художников, творчество которых наследует лучшие традиции. Лично же я вырос с большой любовью к русской живописи. Она меня воспитала. Могу назвать таких художников, как Ива́нов, Репин, Суриков, Левитан. Меня горячо интересовали картины Веласкеса, Рембрандта, но именно русская живопись, народное творчество стали для меня главным учителем. И не только живопись. Ты помнишь мою картину «Русский сувенир»?

— А как же.

— Так вот эта картина — тоже мое отношение к русскому народному искусству.

— Но я думаю, что национальное лежит в корне искусства всех народов нашей страны и всегда влияет на художника. Настоящий художник не может не быть поклонником и тем самым продолжателем национального искусства. Ты согласен со мной?

— Конечно. Поэтому ты видишь, что для меня родное, армянское искусство всегда было дорого и влияет своими красками и контурами на мои работы. Это характерно для любого из нас. Возьми такого, например, крупного популярного мастера, каким является азербайджанский художник Таир Салахов. Или грузинских живописцев. Каждый из них вносит свою струю в общенациональное искусство и в искусство, которое воспевает родную землю. Для меня дорого творчество художников Украины, Белоруссии, Узбекистана. Но, конечно, вершиной изобразительного искусства для меня всегда была, есть и на всю жизнь остается русская живопись, ее классика.

— Расскажи мне о судьбе твоего «Автопортрета», который напечатан на нашей вкладке.

— В 1982 году по случаю 400-летия галереи Уффици ее директор Лучиано Берти предложил мне пополнить галерею автопортретов. Я согласился. Прошло время. И ныне, 5 марта 1983 года, открылась выставка портретов галереи Уффици во Флоренции, где и был представлен мой «Автопортрет». Для меня это большая радость и честь.

— Дорогой Дмитрий, так хорошо у тебя, в твоей студии. Каждый раз, когда попадаешь сюда, чувствуешь, что ты не оторван от жизни. Как ты думаешь дальше построить свою работу? Что тебя волнует в жизни?

Налбандян раскрыл передо мной альбом и показал на последний абзац своей вступительной статьи:

«С особой ответственностью приходится задумываться о не решенных еще задачах, о путях развития искусства, о творческой молодежи, идущей на смену мастерам старшего и среднего поколений. Радостно, что у нас много делается для того, чтобы молодые таланты имели все условия для плодотворной работы, глубже и правдивее отражали нашу социалистическую новь. Но на иных молодежных выставках еще нередко встречаешь работы, в которых видны заигрывание с авангардизмом, следование худшим образцам западной моды, а то и просто разрыв с реалистическими традициями. Этим молодым авторам хочется сказать: «Не теряйте времени, дорогие товарищи! Не растрачивайте попусту свои дарования. У вас за плечами могучая художественная культура, которая всегда была совестью народа и которая поэтому навсегда останется в его благодарной памяти. Будьте достойными продолжателями ее традиций!» Что ты думаешь об этом?



Д. Налбандян. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ГОР

— Я считаю, Дмитрий, что ты абсолютно прав.

...И вот сейчас, представляя читателям нашего журнала новые работы Дмитрия Налбандяна, я невольно думаю о том, что полностью разделяю главные творческие позиции художника, которые выражены всей практикой его жизни, его многосторонней яркой живописью.

Каждый раз, когда попадаешь в мастерскую Дмитрия Налбандяна, оказываешься одновременно как бы и в сфере искусства и в сфере обычной и вместе с тем необычной нашей жизни.

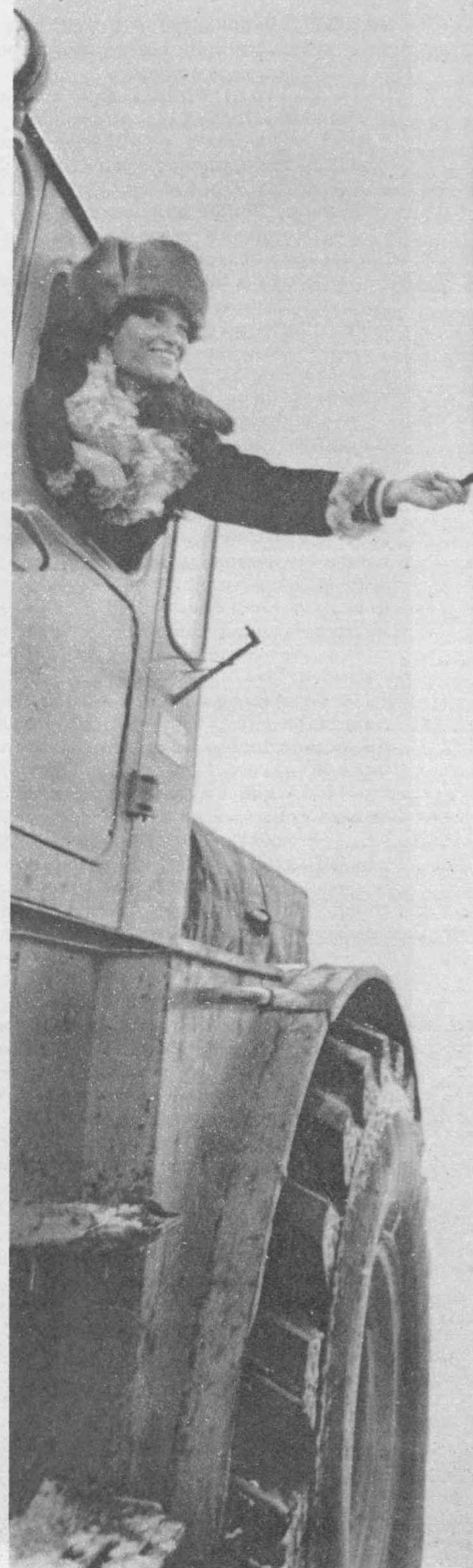
— Время такое, что не надо болтать,— говорит Налбандян.— Болтовня надоела. Работать надо. Мы художники, вы писатели — на наших плечах лежит большая ответственность. Мы должны показывать жизнь во всех ее противоречиях. Еще классики марксизма говорили, что жизнь — это борьба и единство противоположностей. В этом и есть движение вперед. Через борьбу и единство мы идем вперед. А у меня какое оружие? Вот!— Показал Налбандян на тюбики с красками, на новое начатое полотно, на котором плескались, словно живые, морские волны.

НАТАШИН КАРАВАЙ



Юрий ЛУШИН

Фото автора



Было так. Под вечер, когда они уже возвращались домой, внезапно обрушилась снежная метель. Вмиг потемнело, и колея дороги, по которой двигался трактор, исчезла из виду, словно ее не существовало. Свет фар в отчаянии бился о плотную белую стену мятущегося снега и, не в силах преодолеть ее, вдруг совсем погас.

— Ой, мамочки,— чисто подетски вскрикнула от неожиданности Тамара Акулич,— что теперь делать, Наташка?

— Ехать, подружка, ехать, пока мотор стучит,— ответила Наташа Геллерт, яростно работая рычагами ДТ-75. Теперь она вела трактор вслепую, пытаясь удержаться в глубокой колее, но он то и дело норовил выбраться из нее и свернуть в открытую степь.

Девушки-механизаторы (первые, между прочим, в Кургальджинском районе), почти девчонки, недавние выпускницы СПТУ, они тем не менее хорошо знали, что такое целинная степь в пору бурана да еще ночью. Обе выросли в здешних местах, видели первые борозды поднятой целины, первые урожаи и неимоверные трудности на пути к ним. Но это не остановило их. После окончания восьмилетней школы Наташа сказала матери: «Хочу на трактор». Та вроде бы и не удивилась, лишь ответила: «Пойди с отцом посоветуйся». Владимир Иванович выслушал дочь и надолго замолк. Она знала эту его привычку — тщательно обдумывать каждое свое действие — и терпеливо ждала. А он думал примерно так: возможно, труд механизатора тяжел для женщины, но техника день ото дня становится все лучше, надежнее, комфортабельнее. И потом не он ли сам, опытнейший тракторист и комбайнер, исподволь прививал своим детям (а их у Геллертов одиннадцать, Наташа — вторая дочь) любовь к технике, не он ли частенько говаривал, что ключевая фигура на целине — механизатор? И если теперь сказать ей «нет», то получится, что он изменит своим убеждениям. Он окинул взглядом хрупкую фигуру дочери-подростка, увидел тревожно-нетерпеливый блеск ее глаз и сказал: «Ну, что же, попробуй, дочка. Только не отступай, когда будет трудно». А про себя подумал: «Не отступай, иначе сломаешься».

...Уже который час пробивался сквозь буран трактор, но девушки давно потеряли счет времени. Они смертельно устали, потому что поднялись в пять утра и до самого вечера протаскивали через непролазную грязь (это теперь на целине всюду асфальт) буксовавшие машины с зерном.

Стараясь перекрыть грохот мотора и вой ветра, Наташа кричала подруге:

— Начала я как-то пахать одна, без Воробья (Григорий Ильич Воробей — бывший наставник Натальи Геллерт), самостоятельно. Веду первую борозду, гордая такая, а на краю поля все бригадные трактористы собрались и со смеху, вижу, чуть не лопаются, то на трактор мой пальцем покажут, то за трактор. Оглянулась я и чуть из кабины не выпала: не борозда за мной, а какие-то зигзаги. У них смех, у меня слезы...

— А помнишь,— подхватила Тамара,— как они посылали нас с ведром за солидолом? Мы спрашиваем: «Для чего?» «Чтобы бороны смазывать, видите — сухие»,— отвечают на полном серьезе. Мы отошли в сторонку и шепчемся: никогда не слышали, чтобы бороны смазывали. Потом догадались — разыгрывают нас, только виду не подали, пошли. Приходим обратно, мужики наши уже смеяться приготовились, но смотрят, а в ведре вместо солидола вода. «Это еще зачем?»— удивляются. «Чтобы лемеха охлаждать, ужас как раскаляются при пахоте»,— и смеемся...

Буран, похоже, начал терять силу. Трактор вдруг словно в ямину ухнул или в овраг, его крепко тряхнуло, нарушенный где-то контакт восстановился, фары вновь зажглись и высветили впереди что-то большое и темное. Подъехали ближе — стена дома. Добрались наконец-то! Шел четвертый час утра...

Еще было так. Трактор Наташе достался на первых порах старенький, но с норовом. Скорости в нем постоянно перескакивали, магнето барахлило, и он не желал заводиться. Хоть плачь, да что толку. А всякий раз обращаться к старшим за помощью становилось стыдно. Она поняла, что если не познает досконально все узлы трактора (не теоретически, а практически), то настоящим механизатором ей не быть. Решила начать со злополучного магнето. Промучилась однажды полдня, но так и не завела трактор. Что было делать? Взяла книгу и по книге с помощью братишки Роберта начала разбирать узел. Потом собирали. Она читала, брат собирал. Поставили магнето на место, попробовали завести, и чудо-трактор завелся с пол-оборота. «Едем пахать?»— спросил Роберт. Она молча стала снимать магнето: «Теперь читай ты, а я буду разбирать и собирать. Пахать — после этого». Так она набиралась опыта и вскоре по звуку мотора могла определить, чем тот болен.

А потом было так. Наташа уже работала на мощном «Кировце», окончив дополнительные курсы в Атбасаре и пройдя там стажировку. Наступила весна: река Нура очистилась ото льда, с озера Шолак доносилось кряканье уток, берега покрывались нарядным цветочным ковром. Но ничего этого Наташа не замечала. Начался сев. От зари до зари перед глазами ровные строчки вспаханных полей, и от нее зависит, чтобы они покрылись такими же ровными строчками зеленых всходов. Часа свободного не оставалось. Пришлось даже свою длинную косу — предмет острой зависти подруг — отрезать: некогда было за ней ухаживать. И в такой вот жаркий день приехал на райкомовском «газике» нарочный из райцентра: «Прервись, Наташа, на час, тебя срочно в райком требуют».

Испугалась, стала гадать, что такого могла натворить, чтобы ее с посевной срывали... А нарочный ничего не объясняет, лишь иногда смешинки в глазах проскальзывают. А ждал ее в райкоме сюрприз — первая в жизни награда — медаль «За трудовую доблесть». Случилось это в 1971 году, ей только что исполнилось восемнадцать.

Потом будут у нее награды и повыше — ордена Трудового Красного Знамени, «Дружбы народов», орден Ленина, наконец, придут и другие достижения. Она будет участвовать и занимать призовые места в международных конкурсах пахарей, отстаивая честь Советского Союза. Ей вручат приз Паши Ангелиной — не о нем ли она мечтала с детства? Но до сих пор самой дорогой кажется эта первая награда — медаль «За трудовую доблесть».

Но было и так. Наташу Геллерт многие называли уже Натальей Владимировной. И был в том резон. Хоть и молода, но член бюро райкома партии, депутат Верховного Совета СССР, вожак передового тракторного звена. Однажды в райцентре встретилась ей односельчанка, пожилая женщина. Поздоровались.

— Что-то вы, Наталья Владимировна, не торопитесь долг отдавать.

— Какой долг?— опешила Наташа и даже покраснела от смущения, но, как ни напрягала память, долга за собой не вспомнила.



Взаимопомощь.



И зимой тракторы не «спят» — идет снегозадержание.

Здесь лишь половина семьи Геллертов.



— Как же! Когда мы вас депутатом выбирали, вы обещали похлопотать, чтобы в село водопровод провели, а его как не было, так и нет... Ты уж не обижайся, дочка, придет по трубам вода — я тебя снова Наташей буду звать...

На всю жизнь врезался тот разговор в ее память. Он зримо дал ей понять, что у депутата звание «народный» не просто красивый эпитет. Это звание нужно заслужить. Кстати, та односельчанка величает своего депутата по-прежнему просто Наташей.

Было. Пела и плясала веселая свадьба Наташи и чудесного парня Газидуллы Бекишева. И смешались на той свадьбе казахские обычаи с немецкими, и никого в совхозе это не удивляло. Ей кажется — лишь вчера это было, но дочке Жанаргуль уже шестой год пошел, сынишке Арману почти два.

Было. Урожай такой выдавался, что не слезала с комбайна по двадцать часов. Как выдерживала, сама не знает...

Но было и так. Весенние всходы обещали щедрый урожай, а потом наступала засуха и все сжигала на корню. Наташа плакала, уткнувшись в сухую землю, да разве оросишь слезами четыре с половиной тысячи гектаров, закрепленных за ее звеном?

Всякое бывало, не было только в ее жизни скуки. В неудачах креп ее характер, в радостях расцветала душа. От аксакалов-казахов слышала: «Чтобы увидеть, как далеко ушел, надо оглянуться и посмотреть, откуда сделан первый шаг». А сделан он на этой вот целинной земле, превращенной трудом людей в гигантскую хлебную ниву. На ней стоит Наташин просторный дом, смотрится окнами в степь. Через дорогу — дом ее родителей, на той же улице живут братья и сестры. Если вся семья Геллерт выйдет на улицу, на улице станет тесно. Если Геллерты в пляс пустятся, земля задрожит. Если за работу примутся... Только какая же сейчас работа в полях? Степь бела и пустынна.

— Э, нет,— возражает Наташа,— очень важная сейчас работа в поле — снег надо задерживать, чтобы весной землю досыта напоить. Нам буран бы сейчас хороший...

В хрустальной вазе на столе не цветы — снопик пшеницы с ее поля. Узкая нежная рука с длинными тонкими пальцами «на зависть пианисткам» машинально ласкает колосья. Такая вот у нее рука, рука современной трактористки... За окнами бело, но весна уже не за горами. Значит, оглянуться не успеешь, как начнется новая посевная. Круг жизни повторится, только на новом витке. И выйдет Наташа на край засеянного поля, возьмет в ладонь землю — влажную, теплую, ласковую, увидит в горсти проросшие семена, скажет привычно: «Проклюнулись, маленькие? Живите все, вырастайте в наш целинный каравай».

Я смотрю в белую степь и пытаюсь представить, какой же величины ее, Наташин, каравай.

Целиноградская обл.

П. КОЗЛОВ

МЕДОВЫЙ ШТУРМОВИК

Шел третий год Великой Отечественной войны. Она требовала все больше и больше военных машин и боевого снаряжения. Куйбышевский авиационный завод работал день и ночь. Неподалеку от завода расположилась 1-я запасная авиабригада. После соответствующей подготовки экипажи, если так можно выразиться, своим ходом улетали в действующую армию. Забот у командира бригады полковника А. И. Подольского было много — он сутками не уходил с аэродрома. Как-то среди дня прилег на полчасика прямо в кабинете. Вдруг звонок. Дежурный говорит, что у ворот стоят три колхозника и просятся к командиру.

— Веди!

И вот перед полковником предстали двое мужчин и женщина, одетые в тулупы.

— Проходите, присаживайтесь, — пригласил гостей полковник. У меня не жарко, так что раздеваться не предлагаю.

— Благодарствуем, — степенно ответил старший. — Мы ненадолго.

Помолчали.

— Может, чайку?— предложил полковник.

— Чувствительно благодарны,— поклонился чернобородый дед.— В другой раз... Вот по радио говорят, что люди покупают самолеты да танки и дарят нашей армии. Мы тоже посоветовались и надумали подарить самолет. От себя, стало быть... Сказывали нам, что у вас можно купить. Не брешут люди?..

— Не брешут,— улыбнулся Подольский.— Продать самолет можно. Но недешево. И не всем!

— Это мы понимаем,— полез за документами чернобородый.— Это председатель нашего колхоза Николай Васильев.— Он показал на соседа.— Я — пчеловод Болотин. Иван Болотин. А это Мария, моя помощница... Лето в этом году выдалось медвяное. Вот и накачали медку-то, порядочно накачали. И с казной рассчитались и на базар съездили, деньги-то и завелись.

— Кабы мирное время, так стройку бы затеяли,— вступила в разговор Мария.— А нынче не до строек. Ребята наши воюют, им пособить надо. Вот про самолет и надумали.

— Так уж вы будьте добры, поспособствуйте нам в этом деле,— закончил старший.

— Поспособствуем,— пообещал полковник.— Непременно поспособствуем. Тем более, что вы уже обращались с такой просьбой в Москву и я уже получил телеграмму, в которой говорится, что вашу просьбу я должен удовлетворить. Так что приходите завтра утром, и мы все порешим. Да, если вам негде переночевать, то скажите дежурному, он вас устроит.

Утром А. И. Подольский повез покупателей на аэродром ближайшего запасного авиаполка. Там комбриг подвел Болотина и его товарищей к самолету ПО-2 и сказал, что они могут купить вот такую машину. Те внимательно осмотрели самолет, пощупали его полотняную обшивку, покачали за крылья и, немного смущаясь, попросили показать что-нибудь покрепче.

Следующим самолетом, представленным покупателям, был учебно-тренировочный УТ-2. Этот самолет им больше понравился, но взоры их все чаще обращались в сторону штурмовиков. Наконец председатель колхоза попросил показать им ИЛ. Подольский подвел их к одному из штурмовиков и приказал механику принести молоток.

— А это, уважаемые покупатели, такая машина, что крепче и не бывает,— сказал полковник и, размахнувшись, ударил молотком по бронекорпусу.

Покупатели так и ахнули!

— Хороша машина, да, наверное, нам не по карману,— вздохнул Болотин.— Какая же ей цена?

— Цена говорите?— улыбнулся полковник.— Да этой машине в бою нет цены, так она хороша! А государству каждый штурмовик обходится в двести двадцать пять тысяч рублей.

Покупатели озадаченно покряхтели и отошли в сторонку, сказав, что им надо посоветоваться, дескать, не корову покупаем. Подольский не стал им мешать и стоял в сторонке. Но по долетавшим до него словам полковник понял, что на штурмовика у Болотина не хватает около пятидесяти тысяч рублей. Председатель сказал, что у него есть аккредитив с колхозными деньгами, он их может одолжить, но ненадолго. Болотин сказал, что может продать боченок меда, оставленный для подкормки, но это может обернуться гибелью всех пчел. В конце концов ударили по рукам — берем штурмовик! По старинному обычаю Болотин достал из кармана копеечную монету и передал ее Подольскому как задаток, в знак состоявшейся покупки.

Через несколько дней, оформив соответствующие документы и перевод денег через банк, колхозники снова пришли в штаб бригады. На аэродроме запасного авиаполка в тот день был организован торжественный митинг, на котором новенький самолет ИЛ-2 с надписью на борту «Иван Болотин» колхозники передали командиру эскадрильи штурмового авиаполка капитану Цыганкову. После выступления комбрига слово предоставили И. Болотину.

— Хочется мне сегодня, товарищи дорогие, вспомнить наших предков Козьму Минина и Дмитрия Пожарского,— рассудительно начал пчеловод.— Это они показали нам пример, отдали свое имущество на снаряжение русской рати. С тех пор много русских людей жизни свои не щадили, защищая Родину. Теперь пришел наш черед, и мы, люди русские, отдаем на защиту земли нашей и детей своих кровных и оружием им пособляем. Потому как твердо верим: как ни силен враг, но и он будет разбит!

Закончен митинг. Можно бы и расходиться, но Иван Болотин никак не мог расстаться со своей покупкой: он по-хозяйски осматривал крылья, хвост и шасси самолета, попробовал покачать машину, кулаком постучал по бронекорпусу, потом поднялся на крыло и заглянул в кабину. Подивившись обилию приборов и пошептавшись с летчиком, он вдруг обратился к Подольскому:

— Товарищ командир, разрешите хоть разок прокатиться, а? Я на место стрелка сяду. Летчик-то согласен, но без вашего разрешения боится.

— А вы когда-нибудь летали, хотя бы на пассажирском самолете?— спросил полковник.

— Да какое там! Я и самолеты-то вблизи увидел только здесь,— простодушно признался Болотин.

— Задали вы мне задачку,— улыбнулся полковник.— Если формально решать,— начал он рассуждать вслух,— то не положено на боевой машине катать посторонних, тем более штатских. А если неформально, то самолет-то ваш — значит, вы уже не только не посторонний, а хозяин, так сказать, владелец транспортного средства. Так что не выполнить вашу просьбу будет неправильно и нехорошо. Капитан Цыганков,— обратился он к летчику,— разрешаю десятиминутный полет в районе аэродрома с колхозником Болотиным. Распорядитесь, чтобы подготовили самолет, да шлем с очками для «стрелка» возьмите.

Когда самолет приземлился, Болотин еле вылез из кабины и, покачиваясь, побрел к теплушке. Подольский, обеспокоенный видом Болотина, строго сказал летчику:

— Товарищ Цыганков, я же вас просил летать без фокусов.

— Ты парня не ругай,— перебил полковника Болотин,— он свое дело знает. Это мне с непривычки небо с овчинку показалось. Спасибо тебе, сынок.— Болотин обнял летчика.— Теперь мы с тобой и вовсе как родные. А машина, доложу я вам,— продолжал он,— машина первый сорт! Так что купили в аккурат то, что нужно.

Прощаясь, Болотин троекратно расцеловал Цыганкова.

— Бей нещадно супостатов, сынок! Но на рожон зря не лезь. И себя и машину береги. Даст бог, после войны свидимся.

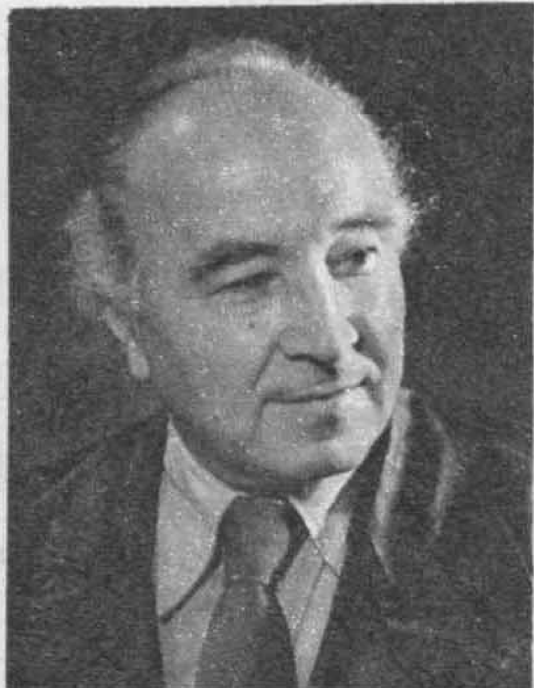
Они не свиделись. Но штурмовик «Иван Болотин» сказал свое веское слово в боях на Курской дуге, потом и на других фронтах. А с авиационных заводов все чаще стали улетать самолеты, построенные на средства рабочих, колхозников, артистов и даже детей. Прав был мудрый колхозник: в лихую годину советские люди готовы отдать Родине и своих детей и последнюю копейку.



Справа — Иван Болотин, рядом — полковник А. Подольский, крайний слева — капитан Цыганков, который воевал на штурмовике «Иван Болотин».

Отсвет аула родного

Алим КЕШОКОВ



ДВА МНЕНИЯ

— Как петушиный хор
разноголос! —
Кузнечик восторгался
среди злаков.
— У этих дурней голос одинаков,—
Жук прожужжал и спрятался
в навоз.

РОЖДЕНИЕ ЧУДА

— Вода! Вода!—оратор лил слова
И вызвал чудо вдруг под небесами:
На мельнице проснулись жернова,
Чтобы мешки наполнить
словесами.

РЕЧЕТ МОЛВА

Не всадник ты, а сел на лошадь
бодро.
Остерегись! Не зря речет молва:
Важнее, чем седалище и бедра,
Для храброго джигита голова.

ХОРОШАЯ ЖЕНА

Знай, горе не горе с хорошей
женой,
За радостью выйдет она из ворот
И вскоре две радости вместо
одной
В звездных очах для тебя
принесет.

СОБАЧИЙ НРАВ

Тебе велели выступить с приветом,
А ты, наверно, позабыл об этом
И, разъярившись, бросился на нас,
Как пес, что получил команду
«фас!».

НЕПОЛНОЕ СЧАСТЬЕ

Хоть чаша полная твой дом,
Но этого, мой друг, для счастья
мало,
И дом не зря грустит о том,
Что детского в нем смеха
не звучало.

ДРЕВНИЙ ОБЫЧАЙ

Слитно звучало во все времена
Имя наездника и скакуна,
А к именам матерей кабардинских
Всегда прибавлялись сынов имена.

ЗЕМЛЯ, ЧТО УВИТА ЛОЗОЙ ВИНОГРАДНОЙ

Круговой полынной чаше
Не иссякнуть никогда
На земле, где раздирает
Души старая вражда.
И лозою виноградной
Та земля к добру увита,
Где в кругу разноплеменном
Рог вздымает тамада.

ЗМЕЯ И ПЧЕЛА

Змея сказала: — Я веленьем ада
Пью из цветка во имя капли яда.
Пчела сказала: — А моя свобода
Пить из цветка во имя капли меда.

ПУСТЫНЯ И ЗВЕЗДЫ

Вернулся я из аравийской дали,
Там дул в лицо мне встречный
суховей,
И скорбь пустыни звезды
отражали
И лили слезы горестно над ней.

ЦЕНА СЛАВЫ

Губы скручены. Всадник груб.
Изменив полудикому нраву,
Конь ценою скрученных губ
Обретет ипподромную славу.

НОЧНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Звезды на морском кочуют дне,
Словно в небесах, зеленоваты,
Им в морской не спится глубине,
Там, светясь, на дне кочуют скаты.

НА ВЕЧЕРЕ

Конферансье, что номер объявил,
Хотел в ладоши хлопнуть,
но сдержался,
Заметив, что очьми ему грозил
В партере тот, кому он
подчинялся.

СТАРИК И ЮНОША

Смех парня разобрал:
Старик о кость споткнулся.
А тот ему на это:
— Аллах тебе судья!
Жив будешь — глядь, уже
Ты мною обернулся.
А коль помрешь —
Тем будешь,
О что споткнулся я.

КОГДА ЯЗЫК ЖЕНЫ...

Когда язык жены — неукротимый
пламень,
То муж ее, будь воск он
или камень,
Еще, я знаю, пустится не раз,
Как кукуруза на жаровне, в пляс.

МОЛЧАНИЕ

Известно, что во все года,
Хоть люди часто говорливы,
Молчанье — золото,
когда
Бывают пушки молчаливы.

ПАМЯТЬ

Могильники времени смоет волна,
Свидетельство камня ветшает.
Лишь память нетленна,
и только она
Былые века воскрешает.

ГОРОД ЛЮБВИ

В звездном городе былой
моей любви
Лег туман и отгремели соловьи,
Свет уже не льется из окон,
Только я в них, словно месяц,
отражен.

НА ВЕТРУ РАЗЛУКИ

Вода огонь возьмет надежно
в руки,
До искорки последней истребя,
Но чем загасишь на ветру разлуки
Огонь, что вспыхнул в сердце
у тебя?

КОЛЕСНИЦА

Встретимся — солнце спешит
в небеса,
Расстанемся — тучами небо
клубится.
Вот так и летела любви колесница,
Чьи рядом крутились два колеса.

НИТЬ ЛЮБВИ

На мысль я звезды нанизал,
Как будто бы на нить,
И ожерелье это смог
Любимой подарить.

Потом я нить любви продел
Через ее окно,
И на моей груди теперь
Все светится оно.

ПОХВАЛЯЛАСЬ НЕПОГОДА

Похвалялась непогода:
— Не согнуть меня в дугу,
Я в любое время года
Гору одолеть могу.

КТО ЕСТЬ ТЫ?

— Кто есть ты?
Представиться снова
Могу, головы не клоня:
Я — отсвет аула родного,
Я — тень его ночи и дня.

СТРЕЛЫ ОЧЕЙ

Как два лука, изогнуты брови.
Этот образ не нов, как не внове
Из очей тебе стрелы метать,
Грудь навылет мою пробивать.

ВДОХНОВЕНИЕ

Все испытавший, и радость,
и муку,
Знаю, входя в облака:
Если ведет вдохновение руку,
Вольной должна быть рука.

ДЕРЕВО

Было древо молодым,
Гибкий стан имело
И под ветром потому
Гнулось то и дело.
А состарилось когда
И окостенело,
То под ветром вдруг его
Надломилось тело.

НРАВ НАЧАЛЬНИКА

Среди служебных коридоров,
Среди служебной кутерьмы
Начальника способны норов
Узнать по секретарше мы.

ЦЕНА ГНЕВА

На отчий лес медведь во гневе
был
И, побороть в себе не в силах
гнева,
Пустился сокрушать что было сил
Деревья он направо и налево.

Дров наломал немало, говорят,
И рухнул обессиленный в малине,
Где был легко охотниками взят
И на потеху в цирке пляшет ныне.

ГРОМОВЕРЖЕЦ

Он в подчиненных молнии метал,
И гром, как громовержец,
исторгал.
И сослуживцам было суждено
Поныне б жить, как в черных тучах,
но
Однажды люстра при раскатах
грома
На громовержца рухнула весомо.
И стало тихо. Кончилась гроза...
И не упала ни одна слеза.

СЕРЫЙ ВОЛК И СВЯЩЕННЫЙ КОРАН

Надумал волку серому чабан
Читать, как правоверному, коран,
Чтоб о душе подумал наконец
Он, беспощадно резавший овец.

Листалась за страницею страница,
И волк вздыхал под пологом небес,
А в это время серая волчица
Овцу тащила из отары в лес.

«ВХОД ПОСТОРОННИМ ВОСПРЕЩЕН!»

«Вход посторонним воспрещен!»...
И я, привыкший чтить закон,
Туда проникнуть не стараюсь,
Где посторонним я считаюсь.

И не возьмет меня досада,
Когда, от жизни отлучен,
Прочту я на воротах ада:
«Вход посторонним воспрещен!»

Перевел с кабардинского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

18 МАРТА — ДЕНЬ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

ПОЭТ КОММУНЫ КЛОВИС



Провозглашение Коммуны

Наряду с Эженом Потье и Луизой Мишель Кловис Гюг принадлежит к крупнейшим поэтам Парижской коммуны. Он родился в 1851 году в местечке Манерб (департамент Воклюз). Родители Кловиса были крестьянами, они надеялись, что их сын станет священником. Кловис выбирает дорогу журналиста. И поэта. Когда в Марселе была провозглашена Коммуна, он избирается ее членом. Позже переезжает в Париж. Там он активно сотрудничает в социалистической печати, становится членом палаты депутатов от социалистической партии. К этому времени относится его бурная деятельность, направленная на то, чтобы склонить общественное мнение Франции на сторону парижских коммунаров, томящихся на острове Новая Каледония. Страдания ссыльных коммунаров были ему хорошо понятны, ибо сам он отсидел в тюрьме неполных три года за участие в Марсельской Коммуне. Эти моменты в биографии поэта в значительной степени предопределили удачу его стихотворения «Вторая амнистия». Острая социальная направленность этого стихотворения очевидна.

Кловис Гюг выпустил несколько томов стихотворений, известен он как драматург и романист. 26 мая 1890 года орган социалистической партии газета «Комба» напечатала его стихотворение «Салют, Коммуна!». Яркие эти строки, написанные задолго до создания Французской коммунистической партии, несомненно, хорошо знали первые французские коммунисты. Поэт-социалист Кловис Гюг оказался отверженным буржуазной французской литературой, она карала непризнанием бывшего коммунара. Кловис Гюг умер в 1907 году.

Михаил АКСЕНОВ

Кловис ГЮГ

САЛЮТ, КОММУНА!

Салют, Коммуна! Не напрасно
Была воспета ты в стихах.
Над ратушей трепещет красный,
Прекрасный, словно солнце, флаг.
Сейчас в Париже он хозяин —
Ремесленный рабочий люд!
Прикрыли толстосумы ставни:
Притихли, шепчутся и ждут.
О Дева красная, салют!

Сегодня все народы знают
Слова великие твои:
«Поднимем выше наше знамя
Согласья, Дружбы и Любви!»
Торопятся в Версале: «Нужно
Сломить Коммуну! Поскорей!
Поставьте к городу все пушки —
Их разговор куда милей!»
Салют, о Колыбель идей!

Ты нам дороже год от года,
Коммуна, славная страна!
Ты рождена была народом
И для народа рождена.
«Смутьянов, этих коммунаров
Расстреливайте без суда!»
(Так скажет Тьер — палач
кровавый —
И будет проклят навсегда.)
Салют, Отечество труда!

Молить напрасно: у бандитов
Виновны все: старик, малыш...
Не счесть сынов твоих убитых,
Их кровью залит весь Париж.
Тьер хвалится расправой дикой:
«Как воробьев, стреляли их!»
На улицах Бельвиля тихо:
Лишь мертвые на мостовых.
Салют, Живая из живых!

Сражалась храбро ты, как надо,
Но в щель измена проползла.
Ты не просила о пощаде:
Достойно, с честью умерла.
Когда же ветер с дальних пашен
Влетит в разбитое окно,
По коридорам пыль запляшет,
На окнах дрогнет полотно.
Хозяйки нет в живых давно.

Но нет, жива, жива Коммуна!
И я ее пою сейчас.
Мир старый переделать трудно,
Но есть оружие у нас,
Ее идеи, что навечно
В сердца рабочие вошли.
И буржуа пускай трепещут.
Как трепетали короли!
Салют, о светлый день земли!

ВТОРАЯ АМНИСТИЯ 1879 г.

Стучались волны в борт,
высоко поднимались.
Домой изгнанники из ссылки
возвращались
И думали: «Быть может,
это сон?»
— Дуй, ветер, посильней
и к Франции далекой
Неси изгнанников, забытых,
одиноких.
Их волосы белы, как лен.

Открылись, наконец,
железные засовы.
За эти восемь лет от сторожей
суровых,
О, сколько им пришлось
перестрадать.
Страданья кончились, их ждут
друзья, родные.
Трепещут паруса упругие, тугие.
Кругом простор, морская
даль,
Вдруг налетит волна и разбросает
брызги.
Одежда высохнет! А Франция
так близко!
Горят и разгораются мечты.
Когда над кораблем пройдет
большая птица,
Они следят за ней, и молодеют
лица:
— Эй, птица, мы вольны,
как ты!

Но мало, мало дать свободу
этим людям.
Должны мы доказать, что их
по-братски любим.

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

В литературу приходят разными путями, разные судьбы ложатся в основу художественного опыта, в разном возрасте берутся за перо. И нередко в начале пути даже не помышляют о литературном поприще.

Не помышлял о нем сперва и деревенский парень с Ивановщины Николай Сизов, которого трудовая стезя привела в 30-е годы в Москву на строительство 1-го Государственного подшипникового завода. Далее жизнь все убыстряла свой бег. Студент пединститута комсорг огромной столичной стройки, где возводились корпуса завода малолитражных автомобилей, первый секретарь Московского комитета ВЛКСМ в годы войны, руководитель органов московской милиции... Он никогда не был «свободным художником», занимая ряд ответственных партийных и государственных постов.

Писателем Николай Сизов стал уже в зрелом возрасте — писателем со своим голосом, со своей темой.

За пределами «Избранного» остались завоевавшие читательское признание романы «Трудные годы», «Наследники», «Сердца беспокойные». Но еще ярче проступило многообразие конфликтов, ситуаций, характеров в рассказах и повестях, собранных под обложкой книги.

Многие произведения в ней посвящены героической работе нашей милиции и рассказывают о раскрытии опасных преступлений. За каждой историей — подлинный случай, богатые личные наблюдения автора.

Николай Сизов *Избранное*



Вот почему такой достоверностью проникнуты повести «У последней черты», «Антиквары», «Код «Шевро», рассказы «Кто виноват?», «Сычиха», «Коралловая брошь» и другие остросюжетные миниатюры. Они подкупают читателя не столько запутанной интригой, динамикой действия (хотя и умело используемыми), сколько напряженным исследованием моральных аспектов дела. Неотвратимость возмездия, показывает писатель, возникает не в последнюю очередь из сознания человеком собственной вины — кары, от которой ему, по словам советника юстиции Белова из рассказа «Окно на шестом этаже», не освободиться до конца своих дней.

Читая этот и другие рассказы Н. Сизова, видишь живых людей, их драматическое противоборство. Автор не подсказывает героям готовых решений, не навязывает расхожих схем поведения, но исподволь, самой логикой событий подводит к пониманию причин нравственного падения. Так документальные факты обрастают художественной тканью, делаются предметом искусства.

К числу «невыдуманных рассказов», как назвал писатель одну из своих книг, относится и включенная в сборник повесть последних лет «Конфликт в Приозерске».

Что заставляет нас с неослабным вниманием следить за го-

Николай Сизов. Избранное. Повести и рассказы. М., «Советский писатель», 1982 г., 576 стр.

...С ГЮГ

Они ведь братья нам —
твои, мои.
Стоят несчастные у биржи
темной тучей,
Работу требуют: им нужен
хлеб насущный
И для себя и для семьи.
«Освободители!» — о нас
кричат газеты.
Какая чепуха! В их семьях
хлеба нету.
Нам постесняться бы
красивых слов.
Былые узники стоят,
согнулись шеи.
Бич безработицы любой тюрьмы
страшнее,
Любой тюрьмы и кандалов!

Им щедрый Мессидор *
на золотистом поле
Снопов сверкающих, увы,
не приготовил.
Никто и ничего им не припас.
Их всех собрал сюда
царь беспощадный — Голод.
Так дайте в руки им мотыгу
или молот
Без промедления, сейчас!

Пусть станет ткач к станку,
соткет узор веселый,
Пусть в шахту спустится шахтер
с киркой тяжелой,
Пусть загорятся в кузницах
огни.
Верни им, Франция, на Труд
святое право!
Вниманья твоего они достойны,
право!
Свободу полностью верни!

Перевел с французского Михаил АКСЕНОВ.

* Мессидор — месяц по календарю Французской буржуазной революции с 20 июня по 19 июля.

...рячим спором молодых архитекторов, которым поручено создание проекта нового жилого района в далеком городе? Думается, дух времени и важность проблем современного градостроительства, затронутых в повести. Как надо строить сегодня, когда неизмеримо возросли требования к задачам архитектуры, к бытовым удобствам наших жилищ? В столкновении двух точек зрения — прагматической, утилитарной и творческой, отстаивающей необходимость сочетания колоссальных жилых массивов с окружающей средой, вновь проявляются нравственные критерии, присущие творчеству Николая Сизова.

Представляя читателям «Избранное» Николая Трофимовича Сизова, известный советский прозаик Михаил Алексеев выразил надежду «на встречи с новыми его яркими произведениями». Те, кто познакомится с однотомником писателя, несомненно, разделят эту надежду.

А. ВАСИЛЬЕВ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Я. ЯШИНА

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Александр Яшин—известный советский поэт и прозаик, человек «ранней», характерной для 20—30-х годов судьбы: печататься стал с пятнадцати лет, в семнадцать преподавал в сельской школе, в девятнадцать стал председателем Вологодского оргкомитета Союза советских писателей. Поэт истинной, непоказной гражданственности, для которого призвание является высоким долгом. «Писать, пока хочется, пока тянет к столу... Дело художника сидеть и трудом своим, постоянной творческой напряженностью, сосредоточенностью и прилежанием расплачиваться за великое счастье жить на земле»,— скажет он, уже прикованный к постели.

...Начало 1963 года. Раздается звонок. Открываю дверь, и в нашу маленькую переднюю начинает вливаться семейство — я бы сказал, племя — Яшиных: высокие, статные, с горящими озорством глазами — папа, мама, две дочери, два сына. Сразу влюбляюсь во всю семью. С Яшиными просто — их все интересует, любопытство — до всего. У всех шестерых одно имя — Яшины (одно понятие). Через год Александр Яковлевич спросит меня: «Кого в нашей семье вы любите больше?» «Не знаю — всех вместе».

Александр Яшин — любознательный, азартный, озорной, с диапазоном настроений от заразительного веселья до черной меланхолии. С трудным характером? Да. Для себя, для других. А бывает легкий? Уж если есть характер, то непременно трудный: это и проявление и защита индивидуальности. Натыкаются на «углы» и тут же — «трудный характер».

Александр Яковлевич мечется: слишком многое в жизни для него интересно, но он понимает: «Так нельзя». А потому постоянно в состоянии подготовки к «побегу». В это время почти готов дом на Бобришном Угоре. С какой надеждой говорит он об этом:

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным Угором...

и дальше:

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям.

Надо уехать. Там только и можно что-то написать. А вдруг не напишется? А в это время здесь пропустишь что-нибудь интересное. На вопрос одной знакомой «Как живете?» ответил по-вологодским «о»: «Нелепо». Знакомая обиделась — «насмехается». На самом деле ответ был совершенно искренен, я бы сказал, выстрадан:

Не завершил ни одного пути.
Как незаметно наступила осень!
Летит листва.
Куда уж там летит —
Ее по свету шалый ветер носит.

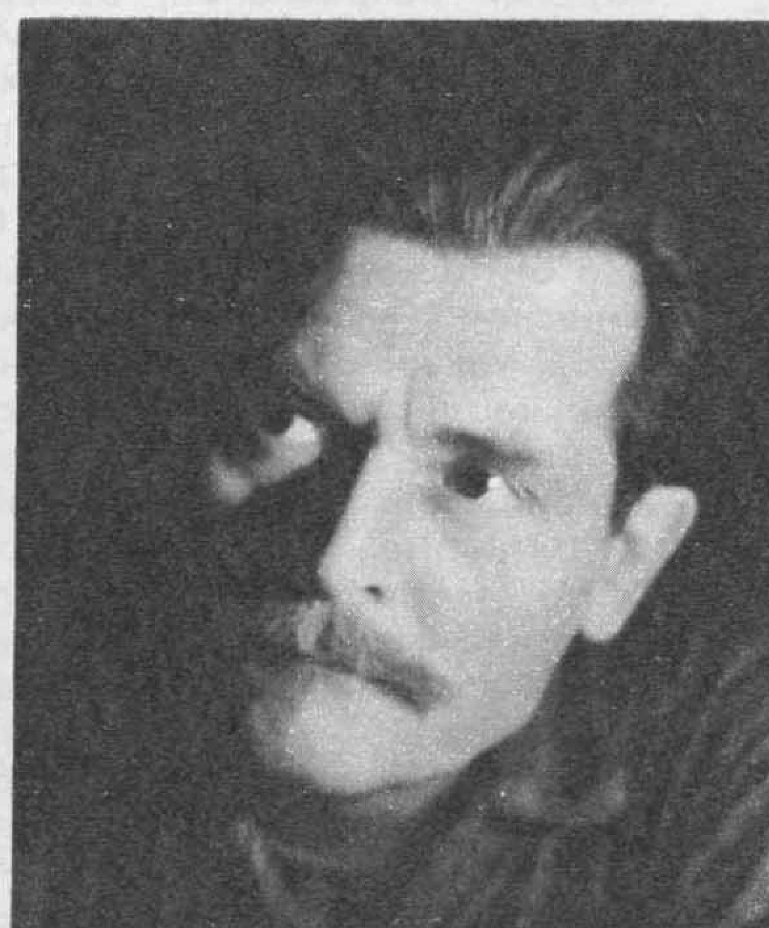
К этому прекрасному стихотворению — «Отходной» — я еще вернусь.

Когда «не шло», мог вскочить и воскликнуть: «Поехали!» Так, внезапно в сентябре 1965 года сорвались в Константиново на двух машинах. «Надо съездить, 70-летний юбилей Есенина»...

А теперь — Яшина. 27 марта ему исполнилось бы 70 лет. А я хорошо помню вечер в ВТО — пятидесятилетие Александра Яковлевича, где мне открылась еще одна грань его характера. Когда предоставили слово юбиляру, он поднялся, потирая руки, переступая с ноги на ногу, несколько растерянно улыбаясь, и вдруг сказал: «Нет, я пока еще стесняюсь»,— и сел на место. Через некоторое время он начал читать, читал долго и хорошо. Эта заминка была особенно неожиданна по контрасту с шумным весельем дома. К этому периоду относится и надпись на книге, сделанная им 9 апреля 1963 года, то есть двадцать лет назад: «Вере Васильевне и ее Вадиму, профессорам музыки и физики, от души — Александр Яшин».

Как-то узнал от меня, что я пишу («для себя»). «Давайте, мы вас напечатаем». Он, я видел это неоднократно, с удовольствием помогал начинающим поэтам. Я принес, а в следующий раз увидел свои стихи с его карандашной правкой. В одном из московских журналов ему ответили, что одно стихотворение безвестного поэта напечатают, а сразу подборку — нет. Очень рассердился: все-таки его рекомендация. Когда мы встретились, мрачно сказал: «Одно печатать не будем. Давайте в другом журнале». А еще через несколько дней, озорно улыбаясь: «Я их подпишу своей фамилией, а когда уже будут идти в набор, скажу, что эти стихи ваши». Это было в конце 1967 года. А в марте следующего выяснилось, что он безнадежно болен.

В 1975 году, раскрыв «День поэзии», среди подборки стихов Яшина с удивлением увидел свое: «Я выдержу, выдержу...» Публикация З. К. Яшиной. Звоню Злате Константиновне: «Вы знаете, что опубликовали мое стихотворение, такое-то?» Поверила: на копии написано — Александр Яшин, но карандашом, слабо. Значит, одно из тех, что он собирался напечатать «хитрым способом». Ну что ж, все-таки напечатал, только уже не смог сказать, что это не его, а мое. Так реализовалось через семь лет после смерти и его желание мне помочь, и его озорство, и азарт.



Теперь еще раз о стихотворении «Отходная». Он много думал о болезни, которая потом так жестоко расправилась с ним: предчувствовал или накликал? Но тогда, в 1966 году, ее ничто не предвещало. Как-то гуляли по Переделкину, и он вдруг сказал: «Если я смертельно заболею, то от меня это будут скрывать, так принято. Меня будут обманывать из жалости. А я не хочу, чтоб меня жалели. Дайте слово, что скажете». Я с легкостью дал ему это слово, так как был уверен, что он совершенно здоров и крепок. Мне не пришлось потом ему ничего говорить — весной 1968 года он слишком ясно осознал, чем болен.

О, как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать
дыханье!
Не уходить жалею —
Покидать,
Боюсь не встреч возможных —
Расставанья.

Несжатым клином жизнь лежит
у ног.
Мне никогда земля не будет
пухом:
Ничьей любви до срока не сберег
И на страданья отзывался глухо.

У меня хранится своеобразный автограф «Отходной». В июле 1966 года Александр Яковлевич с группой литераторов выступал в Одессе, где мы встретились, предварительно договорившись в Москве. По дороге в Дом ученых, там было одно из выступлений, спросили какого-то одессита, как пройти. Он с чисто одесским радушием и расторможенностью подробно объяснил и тут же без перехода: «А вам шариковая ручка не нужна?» Тогда они были в новинку. Незнакомец достал блестящую на солнце четырехцветную ручку. Я купил ее. На следующий день в гостинице Александр Яковлевич попросил ее показать: «Дайте я что-нибудь напишу». На листе писчей бумаги он записал «Отходную», только недавно написанную им (еще не произошло «отторжения»). Он еще жил ею, понимая, что она — большая удача. Первая строфа была написана черным, вторая — синим, третья — красным, четвертая — зеленым. А так как строф всего было пять, то последняя вышла пестрой: каждая строчка своим цветом...

После похорон на Бобришном Угоре был в городе Никольске вечер, посвященный памяти Яшина. Выступали с воспоминаниями друзья, знакомые. Читали его стихи. Выяснилось, что текста «Отходной» ни у кого нет. Я ее помнил наизусть со времени Одессы. И прочитал, как смог:

Потери сердца людям не видны,
А радости стучатся в дверь
все реже.
Ни от своей,
Ни от чужой вины
Не отрекаюсь,
Но долги все те же.

Сбылось ли что?
Куда себя девать
От желчи сожалений и упреков?
О, как мне будет трудно
умирать!
И никаких
нельзя
извлечь уроков...

Человеку свойственно вспоминать. Однако воспоминания, преданные гласности, это особая ступень ответственности, когда надо решить для себя два вопроса: первый — имею ли я право на воспоминания и второй — имею ли я право не вспоминать. Сел писать, так и не решив для себя ни того, ни другого вопроса. А начав писать, осознал вдруг, что срок, отделяющий меня от последней встречи с Александром Яковлевичем в больнице за несколько дней до смерти, куда больше длительности нашего знакомства. Мы познакомились в 1963 году, а уже через пять лет его не стало. Но мне казалось и до сих пор кажется, что мы дружили очень долго.

Вадим КНОРРЕ

ВСЕ О СЕРДЦЕ

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Всесоюзный кардиологический научный центр (ВКНЦ) Академии медицинских наук СССР молод, он организован семь лет назад. И вот совсем недавно, весной прошлого года, на самой окраине Москвы, в тихой, лесистой местности Кунцева, вступил в строй новый комплекс зданий центра, построенный на средства, заработанные всей страной в день Всесоюзного ленинского коммунистического субботника 1971 года. Великолепно архитектурное решение комплекса, а современное аппаратурное оснащение и оборудование центра подтверждают высочайшую важность задач.

Об этих задачах, о принципах решения одной из важнейших проблем современности — лечении болезни сердца и сосудов — рассказывает генеральный директор ВКНЦ, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий академик Евгений Иванович Чазов.

— Начну с цифры,— говорит Евгений Иванович.— В сороковых годах до шестидесяти процентов больных, перенесших инфаркт, погибали в течение года с начала заболевания. И хотя эта грозная статистика не охватывала много инфарктов, которые тогда просто не распознавали, положение действительно было тревожным. Гибель пациентов во многом была обусловлена тем, что в острый период болезни и после него они не могли получить той помощи, которую оказывают теперь в отделениях неотложной кардиологии, созданных в большинстве городов нашей страны.

Чуть больше десяти лет назад мы пришли к убеждению, что без работ на молекулярном уровне кардиологи больше обходиться не могут. И я предложил организовать в институте клинической кардиологии имени А. Л. Мясникова новую лабораторию. В те дни уже обсуждались планы создания ВКНЦ, и этой лаборатории предстояло составить ядро будущего института экспериментальной кардиологии. Профессор В. Н. Смирнов, ныне член-корреспондент АН СССР, директор этого института, лауреат Ленинской и Государственной премий, специалист по биохимии ферментов, предложил тогда мне взять в эту лабораторию не медиков, а химиков и биохимиков.

Так мы и сделали, и это был, казалось, совершенно «немедицинский» подход к задаче. Лечение ферментами давно признано одной из перспективнейших методик, но здесь были свои значительные трудности. Теперь же все они успешно преодолеваются.

У нас сформировалось новое отношение к клетке. Мы теперь представляем ее не как мешок с жидкостью, а как сложный завод, где движение каждой молекулы строго упорядочено, связано с клеточными структурами, обусловлено логикой идущих в ней процессов. Это позволило нынешней теоретической кардиологии по-новому представить себе, например, ход событий, итогом которых оказывается атеросклероз — одна из самых тяжких проблем кардиологии.

С принципиально иных позиций мы относимся теперь к вопросам профилактики сердечнососудистых заболеваний, ставшей ярко выраженной научной дисциплиной. Создание нового института профилактической кардиологии — единственного пока кардиологического института такого типа — убедительно подтверждает это.

Я привел примеры нескольких научных направлений, отнюдь не акцентируя предпочтительную их важность перед другими. Нужен был комплексный подход к проблеме — вот главное, что мы понимали, организовывая ВКНЦ. Сегодня он объединяет институты клинической кардиологии имени А. Л. Мясникова, экспериментальной кардиологии, профилактической кардиологии, Сибирское отделение, базирующееся в Томске.

Совместно с конструкторским бюро и промышленными предприятиями нами было создано более 20 аппаратов для оценки функции сердца и сосудов. Созданы новые лекарственные средства, разработаны принципиально новые научные направления.

Задачи в центре решаются на всех уровнях — от молекулярного до... социального. Мы понимаем, что только сбалансированным, комплексным решением вопросов можно добиться серьезных успехов в исполнении нашего высокого научного и врачебного долга перед человеком.

АТЕРОСКЛЕРОЗ В ПРОБИРКЕ

— Длина волны возбуждающего света — 514 нанаметров, мощность лазера — 400 милливатт, регистрация флуоресценции — свыше 580 нанаметров, усиление флуоресценции — 700 на четыре, усиление светорассеяния на два.

— Даю пробу...

— Сколько клеток копить?

— Пятьдесят тысяч. Данные ввести в ЭВМ.

— Какие параметры гистограммы регистрировать?

— Положение моды, медианы и рассчитывать среднее значение.

Идет эксперимент в лаборатории культуры клеток и тканей. Еще в прошлом веке крупнейший немецкий патолог, реформатор научной и практической медицины Рудольф Вирхов говорил о том, что любая болезнь является болезнью клеток. Объект изучения в этой лаборатории — атеросклероз, уровень изучения — клеточный.

Атеросклероз характеризуется образованием на стенках артериальных сосудов так называемых бляшек — наростов, состоящих из жировых веществ, соединительной ткани и клеток. Стенокардия, инфаркт миокарда, нарушение мозгового кровообращения, инсульты — все они происходят от атеросклероза.

Изучать эту болезнь на животных оказывается уже неэффективным. Вызвать атеросклероз у них можно, но протекает он совершенно иначе, чем у людей. Однако оказалось, что основные признаки заболевания, описанного врачами на целом организме, сохраняют клетки культуры, взятой у человека. Так появилась великолепная возможность не только изучать саму клетку, но и воздействовать на нее, а значит, и следить за ее реакцией. Само собой напрашивается: атеросклероз в пробирке.

Так клетки человека стали моделью для поиска следов заболевания атеросклерозом. ВКНЦ — единственное учреждение, где исследования атеросклероза проводятся на культуре клеток сосудов и органов человека. В лаборатории культуры клеток и тканей удалось получить уникальную культуру клеток печени и кишечника. В культуре ученые могут оценить изменение состояния клеток, их обмен веществ, взаимодействие между собой. Так создается клеточная теория атеросклероза.

Устранять причину, породившую болезнь,— вот цель кардиологии уже недалекого будущего. Это как тайна звездной материи, путь к разгадке — подъем длиною в годы...

Несколько месяцев назад 24-летний сотрудник лаборатории Анатолий Крушинский, исследуя клеточный состав культуры стенки кровеносных сосудов, обнаружил, что в области атеросклеротических бляшек наблюдается значительное увеличение клеток звездчатой формы, причем их количество растет с увеличением тяжести поражения сосуда. Недавно на выставке ВКНЦ я слышал, как Евгений Иванович Чазов рассказывал об этом группе зарубежных ученых — гостей центра.

Может быть, найден ключ к разгадке одной из тайн атеросклероза? Что думает об этом заведующий лабораторией культуры клеток и тканей доктор медицинских наук В. С. Репин?

— Наука, как известно, не терпит скоропалительности выводов,— говорит Вадим Сергеевич.— Но результаты получены очень интересные. Происхождение и функция «звездчатых» клеток сейчас интенсивно изучаются. Установлено, что клетки атеросклеротической бляшки очень «прожорливы» и поглощают массу питательных веществ из окружающей среды. Обычно в нормальном сосуде клетки очень редко обновляются, но вот сейчас нами установлено, что в зоне ранних атеросклеротических повреждений скорость обновления клеток увеличена.

Наши исследования используются для отработки методов борьбы с атеросклерозом на клеточном уровне. Большинство специалистов рассматривает эти исследования как магистральный путь изучения причин и лечения других сердечно-сосудистых заболеваний.

Я полагаю, что в будущем одним из методов предотвращения атеросклероза станет подсадка донорских клеток печени, хотя сейчас это может показаться фантастикой. Перспективна также профилактика или исправление нарушения обмена веществ с помощью лекарств, избирательно действующих на отдельные популяции клеток. Ясно пока одно — нужно точное опознание клеток, «запускающих» развитие атеросклероза. Над этим мы и работаем.

МИКЕЛАНДЖЕЛО И ФЕРМЕНТЫ

Шел очередной выпуск популярной телевизионной программы «Что? Где? Когда?». Знатоки, как всегда, бойко расправлялись с самыми замысловатыми вопросами, проявляя чудеса эрудиции и сообразительности... Впрочем, отношения с литературой в тот день у знатоков не складывались. Так, никто не мог вспомнить, о ком написал Н. Заболоцкий в стихотворении «Любите живопись, поэты», как именно закончил Пушкин «Пиковую даму», никому не удалось узнать стихотворение Микеланджело...

Человек же, ответивший на все эти вопросы, очков не получил, потому как выступал «вне конкурса», а точнее — находился дома у телевизора и состязался лишь с женой и дочкой.

Владимир Торчилин не филолог, не литературовед, хотя и член выставочной комиссии при президиуме московского городского отделения Всесоюзного добровольного общества любителей книги РСФСР. Мыслями об отношении к книге делился в печати, выступил недавно в телевизионной передаче «Круг вашего чтения». Но это не профессия, а лишь содержание свободного времени доктора химических наук, лауреата Ленинской премии, заведующего лабораторией инженерной энзимологии ВКНЦ. Как при таких заботах и достигнутых к 36 годам результатах удалось вместить в себя и столь внушительную сумму отнюдь не служебной информации, понять трудно. Но попытаться можно.


По образованию Торчилин химик, окончил МГУ. По специальности, в общем, тоже, и это для ВКНЦ явление нормальное.

Среди целого ряда проблем, которыми он занимается, большое место уделяется ферментам — природным белкам, обладающим двумя выдающимися свойствами. Во-первых, невероятно высокой эффективностью каталитического действия — скорость реакций они повышают в сотни миллиардов раз. И, во-вторых, исключительной избирательностью действия: даже из многих близких по типу реакций фермент узнает только свою, вступает в отношения именно с ней, а ни с какой другой.

Эти свойства ферментов давно привлекали исследователей. Тысячи лет человек использует многие ферментативные процессы в производстве вина, в хлебопечении, при выделке кож. Ферменты бурно живут сейчас во многих сферах промышленности, несмотря на свою дороговизну, сложность получения и, главное, чрезвычайную неустойчивость при хранении и употреблении.

Генеральный директор ВКНЦ АМН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, академик Е. И. Чазов * Всесоюзный кардиологический научный центр: административный корпус и здание Института экспериментальной кардиологии.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Лауреат Ленинской премии В. П. Торчилин * Портативный ультразвуковой эхокардиограф «Аргумент» * Подготовку к работе с аппаратом «искусственная почка» проводят медсестра С. В. Жукова и врач А. Б. Синюшин.






ВКНЦ
АМН СССР
выставка


COMMAND:



И вот в конце шестидесятых годов, как раз тогда, когда Владимир Торчилин оканчивал университет, ученые решительно настроились приручить ферменты. Задача эта не имела в ту пору ни медицинской, ни кардиологической направленности. И никакой другой. Она была принципиальной, фундаментальной. Вспомним при этом, что и исследовательские работы по расщеплению ядра поначалу также были безадресными. Но химики знали: потребителей, заказчиков будет много. А пока нужно было понять, почему ферменты теряют активность, а затем найти пути и способы придания им свойства постоянства.

Установили, что можно, например, связывать ферменты с инертным и стабильным носителем. Так возник термин «иммобилизованные ферменты». Развитие биохимии этих ферментов привело к рождению нового научного направления — инженерной энзимологии («энзим» по-латыни — «фермент»).

Однажды Е. И. Чазов, который первым стал применять ферменты при лечении сердечно-сосудистых заболеваний, приехал на химфак МГУ и попросил декана факультета члена-корреспондента АН СССР И. В. Березина рекомендовать на работу в создаваемый кардиологический центр группу научных сотрудников. Вместе с товарищами Торчилин перешел на работу в ВКНЦ, сначала руководителем группы; в 1981 году он возглавил лабораторию.

Тромбозы сосудов — причины множества заболеваний, от инфаркта миокарда до потери зрения. Тромболитические ферменты здесь если не панацея, то решение проблемы. Вчера обещающее, сегодня существенное, завтра, быть может, единственное. Значит... панацея? Время покажет. Но здесь нужны свои иммобилизованные ферменты.

И вот первый из них. Появилось название — стрептодеказа. Медицинская промышленность приступила к серийному его выпуску. Пока он дорог, применяется только в клиниках и только в наиболее тяжелых случаях. Скоро обретут права гражданства и другие подобные препараты, ведутся их биологические или клинические испытания.

Мы сидим с Владимиром Петровичем в его кабинете, разговор то и дело прерывается короткими беседами с входящими сотрудниками. Вечером ему на вокзал, завтра он оппонирует в Ленинграде, а послезавтра снова в лабораторию. К тому же сегодня у него поднялась температура... и мне неловко его мучить. Тут он бросает:

— И кстати, о Ленинской премии, этой высокой и такой неожиданной для меня оценке работы. Дело прежде всего в том, что волею судьбы мы оказались на острие важнейшей проблемы, и она была решена. И еще: мы оснащены новейшими методами физической химии. Уверен, что не хуже, чем я, эту работу выполнили бы многие наши сотрудники.

При неизменном сужении специализации, которым, как известно, отмечена нынешняя наука вообще, круг общения инженерной энзимологии все ширится. Торчилину приходится объясняться на многих научных языках — на физическом, математическом, физиологическом, офтальмологическом, онкологическом. Приходится вникать во многие, причем далеко не всегда смежные, научные дисциплины.

Но как он постиг эти языки? Здесь, думается, уместно вспомнить о его успешном «выступлении» в той телевизионной программе. Такой человек.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА

Среди нас живут многие десятки тысяч людей, которые по представлениям даже двадцатилетней давности должны были умереть. И живут они, перенеся инфаркт миокарда, полноценной творческой жизнью, даже занимаются спортом, правда, оздоровительным.

Помните еще недавнюю заповедь для инфарктного больного? Полная неподвижность с первого же мгновения, где бы то ни случилось. С постели он поднимался в первый раз в лучшем случае через месяц. Весь предписанный образ дальнейшей жизни фактически превращал человека в борца за право остаться в этом мире. Какой там бег или плавание?

Наше повествование отнюдь не нацелено на то, чтобы уверить читателя, будто нынешнее отношение медицины к инфаркту миокарда сравнялось с ее взглядами на бронхит. Инфаркт был и остался тяжелым заболеванием, оставляющим след в организме навсегда.

Но отношение, конечно, изменилось. Потому что другими стали научные знания об инфаркте, лечебные возможности. Иным стало восстановительное лечение — реабилитация. Будем более точными: появилась система поэтапной реабилитации больных, перенесших инфаркт миокарда, причем государственная система. Основы ее заложены здесь, в ВКНЦ.

Каждый этап, каждая фаза восстановительного лечения нормированы, дозированы, рассчитаны до мельчайших деталей. Лечение ведется с учетом особенностей доинфарктного состояния больного, степени поражения сердца, течения острой фазы болезни, уровня работоспособности, текущего состояния. Сейчас врачи считают: независимо от того, какой был инфаркт — тяжелый или легкий,— необходима комплексная оценка состояния больного. Она и определяет формы, методы восстановительного лечения, а затем и образ его дальнейшей жизни.

По-разному справляется с последствиями инфаркта психика человека. Один запуган, другой махнул на все рукой и просто положился на волю судьбы, ничего не меняя в образе жизни, третий вдруг стал залихватски смел, а потому крайне к себе небрежен, четвертый чрезмерно рационален, проглатывает фолианты медицинской литературы вместо того, чтобы заниматься полезным делом.

В комплексную систему реабилитации больных, перенесших инфаркт миокарда, входит и психологическая подготовка. Разработана оригинальная методика тестирования. Методы психологической реабилитации? Конечно, психотерапия. Но еще и аутогенная тренировка и применение различных психотропных препаратов.

Важный этап реабилитации — санаторное лечение. Направляют больных только в санатории, где есть специализированные для этих целей отделения, работающие также по единым принципам и методикам. Причем уже сегодня в нашей стране столько кардиологических санаторных мест, что практически каждый человек, перенесший инфаркт и не имеющий противопоказаний, обеспечен лечением в специальном санатории. Разумеется, бесплатным.

Но вот больной возвращается домой и оказывается в прежней, привычной среде. Многое теперь зависит от него. Но не все. Немало и от домашней обстановки. И это также не осталось без внимания специалистов центра. Разработана «школа» для больных и их родственников. Домочадцы тоже должны обладать определенными знаниями и навыками.

Центром проделана большая исследовательская работа по оценке государственной системы реабилитации. «Полигон» — 11 крупных городов страны. Установлено, что среди больных реабилитационной группы повторные инфаркты миокарда и серьезные осложнения возникают реже, работоспособность восстанавливается быстрее, чем у больных, не получавших восстановительного лечения.

Кстати, а почему не получавших? Пока что не все больные по состоянию здоровья «вписываются» в систему, которая создана на сегодняшний день. Так что есть задача на ближайшее будущее. Предстоит также позаботиться о реабилитации тех, кого инфаркт обошел стороной, но своим дыханием обдал.

Вот что сказал мне Евгений Иванович Чазов о некоторых итогах исследования государственной системы реабилитации:

— По нашим подсчетам, так называемый предотвращенный суммарный экономический ущерб в расчете на сто больных только на первом году составил восемьдесят с половиной тысяч рублей. Но учтите, что инфарктом миокарда ежегодно заболевают десятки тысяч советских граждан. Отсюда можно подсчитать миллионные прибыли, которые получит наше общество от широкого внедрения новейших методов лечения этих больных.

СЕРДЦЕ В НЕВЕСОМОСТИ

Зажегся телеэкран...

— Аппаратура настроена, можно начинать,— раздался в эфире голос Валентина Лебедева.

На экране жило, билось сердце человека. На этот раз абсолютно здорового человека. Более того, космонавта. В Центре управления полетом шел сеанс связи с экипажем долговременной орбитальной научной станции «Салют-7» Анатолием Березовым и Валентином Лебедевым. Испытывался принципиально новый кардиологический прибор — эхокардиограф.

До последнего времени в космосе работала иная кардиологическая аппаратура, хорошая, надежная, достаточно информативная. Но всему свое время. Жизнь, задачи будущих полетов предъявили свои новые требования. А суть здесь в том, что косвенных данных о функции сердца уже недостаточно, нужны прямые. Нужен прибор, позволяющий оценивать состояние клапанного аппарата сердца, измерять толщину мышц желудочков и перегородки, определять диаметр камеры сердца, вычислять объем его полости. Важно получить возможность количественно измерять функции сердца как насоса, то есть гемодинамику. Короче говоря, ученым необходимо понимать, что происходит с сердцем во время длительных космических полетов.

Эхо, по давним понятиям,— волна, отраженная от какого-либо препятствия и принятая наблюдателем. Это физическое явление и было положено в основу эхокардиографа. Сердце — неоднородная среда. Перегородки, клапаны, хорды, сосуды — все имеет свою плотность. Если облучать сердце ультразвуковыми волнами, то, отражаясь от границ раздела сред, они возвратятся назад к приемному устройству с затаенной информацией о глубине своего проникновения. Так что эту информацию предстояло суметь не просто получить, но сделать легкодоступной, даже наглядной.

И вот прибор создан, испытан. Тесное содружество ученых ВКНЦ и других организаций принесло обильные плоды. Особенно важно то, что сердца космонавтов изучались несколько месяцев, на протяжении практически всего полета. Отсюда динамика, изменение функции во времени. Все это взгляд в будущее.

Но и в настоящее тоже. Как это не раз уже бывало, аппаратура и методы, апробированные космической медициной, начинают жизнь и на Земле. Вот и эхокардиограф передается сейчас в серийное производство, чтобы новой аппаратурой пользовались в клиниках, больницах, в машинах «Скорой помощи».

А лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола Юрий Беленков, который в свое время первым в нашей стране начинал ультразвуковые исследования в кардиологии, руководит сейчас лабораторией ядерного магнитного резонанса. Вместе с конструкторами и инженерами завода-изготовителя он занимается изучением и разработкой другого прибора, иного класса, назначения, применения. Более того, речь идет о принципиально новом направлении в медицине.

Человек помещается в большой магнит. Кратковременно создается поле напряженности. Безвредное для организма, но изменяющее свойства находящихся в нем молекул. После отключения поля молекулы возвращаются в исходное состояние, но с разной скоростью. Как быстро они успокаиваются — это исследует вычислительная машина. По полученным данным она рисует «срез» — картину тела человека на любом уровне, который нужен исследователю. Причем вид изображения зависит от того, как, с какими отклонениями от нормы работают органы, попавшие в поле среза. Так что этот метод может быть прописан не только в кардиологии.

Юрий уверенно называет мне срок получения первой клинической информации с этого уникальнейшего прибора — конец нынешнего года.

...И последнее. Если даже не вдаваться в суть работ Всесоюзного кардиологического научного центра, а просто побывать, поприсутствовать, походить — в лабораториях, коридорах, в столовой, наконец. И просто посмотреть на людей... Какие молодые все лица.

Занятие в «школе» для больных, перенесших инфаркт миокарда, и их родственников проводит доктор медицинских наук Д. М. Аронов * Выставка ВКНЦ, —— зал «Достижения кардиологии» * Изображение миокарда, полученное с помощью радиоизотопных методов. * Кандидат медицинских наук П. Ф. Петровский проводит зондирование камер сердца и его сосудов.

ТЕАТР РАСТИТ АКТЕРА

Галина
ГОГОТИШВИЛИ

С молодым танцовщиком Большого театра Алексеем Лазаревым мы говорим о чем угодно, только не о балете. О книгах по искусству; о том, что если бы не балет, то он пошел бы в военно-морское училище; о сыне Сереже,— нет двух лет, а он уже ножкой аттитюд делает,— Лазарев может говорить об этом без конца.

Лазарев рассказывает о своих увлечениях: аквариумных рыбках, которых они разводили с братом; о коллекционировании марок с растениями и животными. Но как только я касалась балетных тем, он уводил разговор, с веселой дерзостью наблюдая за моими попытками что-то «вытащить» из него. Его односложные ответы сразу же гасили самые хитроумные вопросы. Но отмалчивался Лазарев не потому, что ему нечего сказать или нет у него своего мнения; живой язык его остроумен, суждения точны и метки. Узнав его лучше, я поняла, что он просто не любит говорить о себе. Ведь рядом танцует такой, например, артист, как Михаил Лавровский, которого Лазарев бесконечно уважает. С каким одушевлением рассказывает он об этом прекрасном танцовщике, его таланте, человеческой доброте, ровном отношении ко всем — от премьера до самого незаметного молодого артиста; о готовности Лавровского помочь любому...

Лазарев предоставил мне полную свободу самой разбираться в его ролях, не желая навязывать свое видение их.

Десятый сезон танцует Лазарев на сцене Большого, путь от кордебалета до одного из ведущих танцовщиков. В последние несколько лет его имя все чаще стоит в программках балетных спектаклей театра.

Нужно отметить, что за последнее время Лазарев значительно вырос. Сильнее, увереннее стал его танец, академичнее форма, глубже актерское мастерство. Правда, молодой танцовщик был заметен и в маленьких ансамблях, так называемых «четверках», «тройках», обладая, кроме мужественного, выразительного танца, редким даром актерского перевоплощения. И хотя балет диктует иные принципы актерской игры, зарубежная пресса не случайно сравнивала Лазарева по выразительности мимики с актерами немого кино; а за мощные, полные энергии прыжки окрестила его «летающим пастухом» (тогда он танцевал одного из трех пастухов в «Спартаке»).



А. Лазарев — Красс в «Спартаке». Фото Л. Педенчук

Может быть, тот или иной артист производит более выигрышное впечатление внешним блеском своего исполнения. Но, как заметил Шекспир, «за внешний облик — внешний и почет». У Лазарева не обнаружишь желания щегольнуть сложным трюком, эффектным прыжком для того, чтобы «сорвать аплодисменты». Молодой танцовщик владеет особой мерой вкуса да и такта; он не стремится играть «на публику», подавать свою технику. А она впечатляет. Взять хотя бы его Голубую птицу в «Спящей красавице». Партия трудная, все построено на огромном количестве разнообразных сложных прыжков. Как же легко и чисто, в полном согласии с музыкой Чайковского исполняет их Лазарев, отыскивая внутренний ритм каждого, то мощно взмывая в воздух, то рассыпаясь в плавных переливах маленьких прыжков. Но всегда они имеют как бы психологический подтекст, рождаясь словно сами собой просто потому, что именно здесь, по логике развития образа, им место. Поэтому танец Лазарева так часто создает иллюзию импровизации.

...Велики традиции русского балета. Сцена Большого театра обязывает хранить их. Ко многому обязывает молодежь театра и сама работа рядом с такими прославленными мастерами, как Н. Бессмертнова, Н. Тимофеева, Е. Максимова, М. Лавровский, В. Васильев, М. Лиепа, и другими. И как тут не повторить еще раз давно известную истину, что без ежедневной школы, кропотливого труда с балетмейстерами и репетиторами невозможно достичь высокого мастерства.

Не каждый может сказать свое слово в искусстве. И не всем есть что сказать.

Можно ли за ролью уловить человеческую сущность артиста? Да, безусловно. Ибо сами роли свидетельствуют за него или против него. У Алексея Лазарева есть одна особенность, может быть, интуитивная — объяснить природу зла «отрицательного» героя.

...Упоенный победами, своей властью жестокий Красс. Не утонченный патриций, а воин, привыкший к триумфам во славу Рима. Потому так торжествующа его улыбка, победен блеск глаз, горделив жест руки, сжимающей легионский жезл с римским орлом. Взгляд поверх толпы,— Красс убежден, что мир существует только для него. Но как задета гордость полководца, презрительно отпущенного на свободу Спартаком!.. Свобода из рук раба, ему, прославленному Крассу?! Он даже теряется на мгновение. И чувство унижения, захлестнувшее Красса, его стыд, отчаяние настолько ярко передает Лазарев, что они просто физически ощутимы. Его Красс не может жить, дышать, пока не отомстит за свой позор! Он теряет свое превосходство, неспособный понять благородство противника. Сам бы он на месте Спартака убил, не задумываясь. В жестоких, яростных прыжках Красс то взлетает в воздух, то, словно ослепленный ненавистью, закручивается в стремительных пируэтах.

Артист не обеляет Красса — месть за добро не самое лучшее качество характера, но перед зрителем мечущийся, живой человек, чувства которого понятны без слов. Но вот Спартак убит... И гаснет лицо Красса, тускнеют глаза. Как на распутье, стоит он, опустошенный. Что-то сломалось в нем — словно убил Красс не вождя восставших рабов, а свою душу. Крепко сжав легионский жезл, во главе солдат уходит он к новым победам. И что-то трагическое есть в его мерной, механической поступи...

Красс — лишь один из примеров той глубины в обрисовке человеческого характера, которая отличает и другие работы Алексея Лазарева. Он танцовщик монологического типа. И — как слова драматического актера — всегда красноречивы его тело, лицо, глаза, передающие самые тонкие, «ускользающие» оттенки чувств. Это обнаружилось уже в первой его большой роли — Виктор в «Ангаре». Своего современника сыграть труднее, чем историческое лицо. Но партия Виктора далась Лазареву удивительно легко, словно бы слилась с его индивидуальностью.

И вот очередная работа артиста, виртуозная, психологически сложная,— образ Яшки в «Золотом веке», поставленном Юрием Григоровичем, балетмейстером, тонко и четко чувствующим пластические образы и ювелирно работающим над ними с танцовщиками. Именно в его постановках — балетах «Ангара», «Ромео и Джульетта», «Спящая красавица», «Спартак» — раскрылся Лазарев как яркий танцовщик и актер.

Алексею Лазареву двадцать семь лет. Он сейчас занимает одно из заметных мест среди балетной молодежи, за годы работы на сцене подтвердив свое право называться солистом балета Большого театра.

Это — высокое звание.

Владимир КАШИН

Мужское оружие

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

IV

Подполковник не ошибся в капитане Бреусе. В то время, как он в гостинице рисовал графики и раздумывал о причастности продавщицы Кульбачки к трагедии в Вербивке, Юрий Иванович, закрывшись в своем душном кабинете на втором этаже райотдела, тоже разбирал версию: убийца — Ганна Кульбачка.

Капитан пошел дальше Коваля. Новые данные, свидетельствующие, что восьмого июля вечером Кульбачка тайком ходила к Лагуте, открывали простор самым смелым предположениям. Версия, над которой сначала чуть не издевался Литвин, сейчас подтверждалась фактами, и капитан торжествовал.

Правда, в тот вечер во дворе Лагуты и вблизи двора, кроме Ганны Кульбачки, толпилось немало народу: соседи, милиционеры, понятые. Но они во внимание не принимались. За огородом Лагуты, на обочине лесной дороги, остались еще и другие следы женских туфель и мужских ботинок. Кто эти люди, установить пока что Бреусу не удалось. Да это, собственно говоря, не столь существенно.

Капитан тоже любил рассуждать с карандашом в руках. Бреус не чертил никаких графиков, зато, задумавшись, рисовал время от времени на бумаге маленькие парабеллумы — узконосые и толстозадые. Начальник уголовного розыска не очень-то умел рисовать, и пистолеты у него выходили сначала кривобокие, неприглядные. Но теперь он набил руку, и аккуратные парабеллумы сплошь усеяли лист бумаги, лежащий перед ним.

И вдруг капитан неожиданно для самого себя дорисовал к последнему пистолету женщину. В представлении начальника уголовного розыска уже вставала полная картина преступления, какая ему виделась. Главным действующим лицом этого события была продавщица с парабеллумом в вытянутой руке.

...Удушливый июльский вечер над Росью. Ганна Кульбачка дождалась первых звезд и, завернув в тряпку парабеллум, вышла из хаты. Второй раз Чепиков терял возле ларька пистолет, и Ганна снова его находила. Спрятав эту ненужную ей вещь в подвале дома, она о ней вскоре забыла.

Но в последние дни создавались весьма неприятные обстоятельства. Женщины собрали подписи против Кульбачки, как будто поставили перед собой цель свести продавщицу со света или в крайнем случае выжить ее из Вербивки. Это заставило ее подумать о том, как избавиться от найденного пистолета. После таких писем и жалоб всякое может случиться. Милиция давно точит на нее зубы. Вдруг нагрянет с обыском, и пистолет в ее хате в таком случае будет совсем некстати.

Поначалу она решила забросить парабеллум в реку. В последнюю минуту почему-то стало жалко терять это тускло поблескивающее, грозное и могучее оружие, что солидно оттягивало руку и было подвластно ей. Так иногда бывает: человек бережет ненужную вещь, не надеясь использовать, но и не в силах расстаться с нею...

Решила Ганна перепрятать пистолет у Лагуты, где уже сохраняла свои ценности, так как твердо была уверена, что ни обыски, ни конфискации плотнику не угрожают.

Продавщица вышла на дорогу, придерживая завернутый в тряпку парабеллум под мышкой и пристально вглядываясь в темноту.

На улице никого не было. В другом конце села лаяли собаки. Дневная пыль улеглась, и ровной матовой лентой сбегала безлюдная дорога в прозрачном лунном свете по невысокому нагорью к реке.

Пробиралась женщина к Лагуте тайком и не хотела, чтобы видели ее, поэтому она пошла не прямой дорогой, а огородами и задворками — поближе к грабовому лесу, забиравшему к реке, чуть вправо от дома любовника.

Пробежала по знакомой тропинке и вышла на опушку — за ней начинался двор Лагуты. Плотник не только не отгородился от Степаниды Клеменко, но не поставил забор со стороны леса, словно подчеркивая этим, что никого не боится, что человек он с открытой душой и нет у него ни секретов от людей, ни страха перед богом. Прежде чем войти в сад, постояла немного, прислушиваясь. Кругом было тихо. Едва слышно плескалась река, и в заливе квакали лягушки, да где-то далеко пьяные голоса бессвязно выводили песню.

Вдруг совсем близко скрипуче прокричал коростель. Ганна вздрогнула. Потом ей почудилось, словно из дома Лагуты донесся голос Петра и еще чей-то женский, взволнованный. Она не поверила своим ушам: «В такой поздний час?!»

Пробежала садом и, крадучись, стала приближаться к хате.

Слух не подвел Кульбачку. В хате в самом деле разговаривали. Петро и Мария. Ганна успокоилась: Мария Чепикова. Но!.. Разговор — далеко не благочестивый, не о душе, не о боге...

Ганна стала замечать: что-то неладное творится с Марией. Конечно, та с детства была немного пришиблена, не такая, как другие девушки, людей избегала и все о чем-то мечтала, блуждала, словно призрак. А потом пошла замуж за старого Ивана. Детей у них нет. Она и стала бога почитать, в голубку превратилась, повадилась к Петру за утешением.

А Петру она зачем? Еще одна обращается за помощью к Иисусу Христу? До сих пор и она, Ганна, так думала. А теперь, вишь, дело какой оборот принимает!

Кульбачка стояла возле открытого окна и слышала все, что происходило в хате. Она дрожала от злости.

Когда они вышли во двор и Петро, провожая Марию, не стыдясь, говорил ей ласковые слова, те слова, которые принадлежат ей одной, Ганне, женщина почувствовала, как спазма подступила к горлу.

Черной стрелой пронеслась мысль о пропавших деньгах и ценностях, с таким трудом собранных для взлелеянной в мечтах красивой жизни с Петром. Но сейчас и это было не так важно, не так больно, как то, что разрушены все ее иллюзии, оскорблены самые чистые женские чувства.

Ганна подошла к любовникам совсем близко. Уже не пряталась. И, увидев ее, Петро и Мария замерли на месте. Трудно сейчас определить, в кого первого она выстрелила. Да это и не имеет значения. Уронив пистолет, который обжигал ей руку, она не помня себя бросилась через сад, мимо леса назад, домой!

Когда прибежал Чепиков, Кульбачки во дворе уже не было. Он кинулся к лежавшей на земле жене, а потом, натолкнувшись на свой же парабеллум, испугался и, подчиняясь инстинкту самосохранения, бросил оружие в речку...

Версия выстраивалась как будто логично. Правда, капитан во многом домысливал ее, но она всегда зиждилась на цепочке выверенных фактов и на таких ситуациях, которые, хотя и не полностью доведены до конца, вполне могут стать достоверными.

Словно подтверждая свою мысль, капитан удовлетворенно стукнул ладонью по столу и встал. Пускай теперь майор, даже сам Коваль попытаются возразить ему! Единственное, что беспокоило его,— воспоминание о нераспознанных следах каких-то людей на дороге за домом Лагуты... Но сейчас это не имело существенного значения, и он, чтоб освободиться от не покидавших его сомнений, дал себе слово добраться и до этих запоздалых гуляк!..

V

Сегодня у Коваля выдался необыкновенный день. В гостинице ждала его еще одна неожиданность.

Возвратившись вечером из райотдела, он включил в своей маленькой комнатке свет и увидел письмо: обыкновенный заклеенный конверт с маркой, но без адреса и почтового штемпеля. Письмо едва держалось на краю стола, и Ковалю не нужно было экспертизы, чтоб представить себе траекторию, по которой оно пролетело через открытую форточку.

Поколебавшись несколько секунд, открыл конверт. На стол выпал листик бумаги. На нем были наклеены вырезанные из газеты буквы. Их клеили, по-видимому, с помощью пинцета. Строка получилась неровная.

«Их было только двое. Очевидец».

Такого странного письма Коваль еще никогда не получал.

Некоторое время он неподвижно стоял среди комнаты. Затем еще раз пробежал глазами короткое послание, кинулся к окну, словно надеялся кого-нибудь там увидеть. Осмотрев оконную раму, он резким движением распахнул обе створки.

Сделал он это скорее машинально, чем сознательно, так как было бы наивно предполагать, что под окном остались какие-либо следы анонима. Здесь все заасфальтировано от самой гостиницы до многолюдной площади, и теплая предвечерняя пыль прибита сотнями подошв.

Коваль улыбнулся своему порыву и снова задумался.

Кто автор письма? И о чем он хочет сообщить?

Чтоб не стереть отпечатки пальцев, которые могли сохраниться на листике бумаги и на конверте, подполковник завернул письмо в носовой платок. У него возникло много вопросов, на которые следовало найти ответ.

Итак: новое действующее лицо — «очевидец».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 6—11.

Вполне понятно, что речь идет об убийстве на селе.

Но что означает «Их было только двое»? Как понимать? Кто эти двое? Двое преступников или две жертвы? Лишь с большой натяжкой можно отнести фразу к преступникам. Слово «только» мешает такому пониманию.

Ну, а то, что жертв было две, и без того известно, зачем сообщать анонимным письмом?

Снова и снова мысленно возвращался Коваль к подписи: «Очевидец». К чему и к каким выводам пытается направить его анонимный автор? И что из того, наконец, что «их было только двое»?

Неопределенность фразы, незаконченность мысли делали анонимку шарадой, и у Коваля от множества возникавших вариантов кружилась голова.

А в самом ли деле это очевидец? Может, неизвестное лицо хочет сбить его с толку, запутать? Кому же это понадобилось?

И наконец, может, просто неуместная шутка какого-нибудь местного бездельника?

Впрочем, вряд ли...

Надо быть решительным и ловким человеком, чтоб среди белого дня, а может, даже и вечером, когда возле гостиницы вспыхивает яркий, как прожектор, фонарь, незаметно подойти к окну и бросить в маленькую форточку письмо. Кто и зачем будет так рисковать?

Кроме того, человек должен был знать, что его, Коваля, в настоящее время нет в гостинице. Иначе анонима легко было бы раскрыть и даже поймать.

Кто же мог знать, где находится подполковник?

Ни на один из этих вопросов Коваль не находил ответа. Он решил пока что никому не рассказывать про письмо. Положил платок с конвертом в карман и вышел из номера.

Подойдя к комнате, где жила немолодая привлекательная женщина, выполняющая обязанности и администратора и уборщицы, он постучал в дверь.

— Мироновна,— обратился подполковник к женщине, когда она вышла в коридор,— никто ко мне не приходил?

Та с недоумением на него посмотрела.

— Никто.

— И по телефону не спрашивали? Где я? Когда приду?

— Не спрашивали...— сочувственно и даже с грустью, что не может положительно ответить такому почтенному человеку, произнесла хозяйка гостиницы.

— Ну, ладно,— задумчиво сказал подполковник.— А вы, Мироновна, не видели кого-нибудь здесь под окнами?

— Боже упаси! — всплеснула руками женщина.— Я б ему шваброй голову разбила!.. У вас что-то пропало? — забеспокоилась она.

— Нет, ничего не пропало. Это я на всякий случай спрашиваю. Вы тут посматривайте, пожалуйста,— ответил Коваль и вышел на улицу.

Сумерки окутали площадь возле гостиницы, длинную улицу вдоль Роси, яблоневые сады, далекие холмы, покрытые лесом.

Коваль не замечал очарования угасающего вечера. Он все время думал о письме, потом решил:

«Поначалу следует выяснить, не продавались ли конверты с такой маркой в местном почтовом отделении...»

Что бы ни делал в этот вечер Коваль, он не переставал думать об анонимном письме. Это было как наваждение. Возвратившись в гостиницу, он снова засел за свои графики. Долго сидел задумавшись.

Почему следы крови были не только там, где нашли трупы, а по всему двору? Почему эти следы закружились большим колесом? Не происходила ли здесь борьба? Может, в этом ключ к разгадке преступления?

А чья кровь разбрызгана по двору, будто металась жертва в агонии?

Марии Чепиковой или Лагуты?

Кто из них был убит первым?

Кто умер сразу, а кто еще продолжал жить после смертельного ранения?

И какой промежуток между выстрелами?

Стремился убийца застрелить сразу обоих, покончив с ними хладнокровно и не спеша, или он заколебался поднять руку на вторую свою жертву?

Итак, кто был первой жертвой и почему?

Коваль достал схему следов крови, начерченную им наспех во дворе Лагуты, и стал ее срисовывать на чистый лист.

Потом долго рассматривал схему, снизу изобразил какого-то чертика и вдруг, словно подталкиваемый изнутри, быстро схватил еще один лист бумаги и принялся писать.

«Вопросы к судебно-медицинской экспертизе,— вывел он сверху.—

1. Установить, одновременно ли наступила смерть Марии Чепиковой и Петра Лагуты.

2. Если не одновременно, то кто умер раньше и насколько раньше?

3. Чья кровь разбрызгана во дворе?

4. Следы крови Марии Чепиковой на одежде Ивана Чепикова по форме — капли или пятна? Как они могли оказаться?

5. Расстояние, с которого была застрелена Мария Чепикова?

6. Расстояние, с которого был убит Петро Лагута?»

Закончив писать, Коваль еще раз прочитал вопросы. Некоторые из них были сложные. Но, подумал он, так или иначе, а эксперты приложат все усилия, чтобы ответить...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Сидя в камере, Чепиков перебирал в памяти каждый день прожитой с Марией жизни. Трагические события неожиданно отступили назад, а детали, которые раньше казались ему незначительными, не заслуживающими внимания, вдруг приобрели значимость и заслонили собой все остальное. Обостренная память сохранила их.

...Мария возвращалась из Черкасс уставшая, подавленная.

Особенно поражали угасшие глаза. Впрочем, не совсем угасшие. Что-то в них светилось, но так отчужденно, точно искусственный холодный свет, от которого все вокруг, и живое лицо, кажется мертвым.

Два дня после приезда Мария держалась замкнуто, избегала людей, даже матери. Она ходила по комнате, словно призрак, механически исполняла привычную работу, порой бросала ее, не доводила до конца, вдруг останавливалась и о чем-то думала.

Но Чепиков относил все это за счет усталости в дороге, хождения по врачам, томительного ожидания в очередях.

Утром и вечером она закрывалась в другой комнате и — Чепиков уже знал — молилась. Приложив ухо к двери, он слышал ее бормотание, какие-то странные слова, обращенные к богу. Да и замок в дверь спальни он сам врезал, уступив ее просьбам после очередного возвращения из города. Оживлялась она лишь тогда, когда встречала соседа Петра возле дома или во дворе. Лагута умел успокоить ее, говорил какие-то, как казалось Чепикову, бессмысленные, но складные, приятные слова, обещал женщине все, что ей хочется, от имени бога, уверенно, твердо, словно он сам, Петр Лагута, был господом.

Иван Тимофеевич понимал свою супругу и терпел ее странности. Мария была болезненна, а после рождения мертвого ребенка измучилась, упала духом. Он видел, что каждая поездка в Черкассы, каждое посещение врачей, безрезультатные процедуры еще больше ослабляют и угнетают ее. Однако отговаривать Марию от этих поездок, лишить ее последней надежды Чепиков не хотел. Тем более что через день-другой после возвращения Мария приходила в себя, будто снова возвращалась к жизни, и до последующей ее поездки его смутная тревога как-то забывалась.

Однако со временем Чепиков все сильней понимал, что замыкается круг, из которого он никак не может вырваться. Иван Тимофеевич прожил нелегкую жизнь, не раз смотрел смерти в глаза и был способен на решительные действия и твердые поступки. Но каждый раз он сдерживал себя, считая, что своим неожиданным поведением может навредить дорогому человеку.

После неоднократных уговоров, бесед и просьб он наконец понял, что слова не достигают цели, и предложил ей отвлечься, поехать в Киев, в Москву или в Ленинград. Мария как будто соглашалась с ним, но когда подходило время уезжать, она под каким-нибудь предлогом отказывалась: то ей нездоровилось, то у нее домашние дела, то работа в артели. Чепикову казалось, что и здесь не обошлось без влияния соседа, который любил повторять, что человек должен искать радость в самом себе, общаясь с богом, и не растрачивать душу на мирскую суету.

Сам Иван Тимофеевич Чепиков не имел возможности возить супругу в Черкассы и был доволен, если ей удавалось добраться туда попутной машиной.

Но однажды, наблюдая, как собирается Мария в город, он испытал не то что подозрение, скорее беспокойство: самому захотелось узнать, как ее врачи лечат, что ей говорят, что за люди, у которых она ночует, когда задерживается иной раз в Черкассах. И он решил разобраться во всем этом.

Отпросился у бригадира и сказал, что поедет вместе с ней.

Мария не возражала.

Мало сказать, не возражала, глаза ее радостно засверкали: давно бы так!

В город ехали на старой полуторке потребсоюза вместе с Ганной Кульбачкой, которая спешила на областную базу.

Мария была нежна с ним. Чепиков давно не видел ее такой ласковой, с открытым, ясным взглядом.

Чудеса, и только!

В кабину с шофером Николаем она не села, несмотря на то, что забираться в кузов с больной ногой ей было тяжело. Чепикову и Ганне пришлось буквально тащить ее за руки.

Они сидели вдвоем на доске, крепко обнявшись. Казалось, что дорога, убегающая от них, уносит и все их невзгоды и тревоги.

Возле больницы полуторка остановилась. Иван Тимофеевич с Кульбачкой помогли Марии спуститься с машины. Потом она о чем-то пошепталась с продавщицей, и та поспешила на свою базу.

Несмотря на нескончаемые очереди в длинных коридорах поликлиники, Мария быстро вошла в нужный ей кабинет. Чепиков заметил, что ориентируется она здесь легко, медицинские сестры называют ее по имени, встречают как хорошо знакомого человека. Даже некоторые больные, по-видимому, постоянные посетители поликлиники, с нею здоровались.

Ивану Тимофеевичу показалось, что прошло не больше часа, в течение которого Мария успела побывать в двух кабинетах и на процедурах. Хотел было Чепиков зайти вместе с ней к врачу — узнать, сколько еще будет продолжаться лечение и, наконец, нужно ли оно. Ведь нога не излечивается, жена по-прежнему хромает, а что касается надежды иметь ребенка, то Чепиков от тех же самых врачей твердо знал, что ребенка у Марии никогда не будет. Зачем же ей ездить сюда, мучиться, тратить время и деньги?

Да, и деньги! Каждый раз, собираясь в поездку, Мария завязывала порядочный узел гостинцев для своих, как она говорила, спасителей. Вот и на этот раз привезла с собой тяжеленную сумку.

Но к врачам Ивана Тимофеевича Мария не пустила. И Чепиков в ожидании прохаживался по коридору.

Когда Мария закончила свои хождения, Чепиков обратил внимание, что сумку с гостинцами она оставила под стулом, где сидела в очереди.

— Ты вот забыла,— напомнил Чепиков.— Для своих спасителей.

Мария посмотрела на сумку.

— А-а, это... Это для других,— твердо ответила,— для спасителей духа.

Чепиков не понял жену, но не стал расспра-

шивать, достал сумку из-под стула и побрел вслед за ней на улицу.

— А теперь куда?— спросил он, сощурив глаза от яркого солнца.— Домой?

Ему показалось, что все эти процедуры с обходом врачей заняли у Марии немного времени.

— Домой? — Мария вскинула на него глаза.— Ты же хотел с людьми познакомиться, где я бываю...

Он посмотрел на сосредоточенное лицо супруги, и ему вдруг захотелось сделать ей что-нибудь приятное.

— Может, походим по магазинам, купим тебе туфли или еще что-нибудь? Гляди, каблуки совсем сбились.

Мария покачала головой.

— Устала я. Пойдем отдохнем, оставим вещи у людей, а там видно будет.

Они долго шли по улице. Здесь рядом с новыми высокими зданиями уцелели и старые, одноэтажные дома, утопающие в густой зелени садов.

Остановились возле высокого забора в конце улицы, там, где она вплотную подходила к сосновому лесу. Во дворе за забором виднелся небольшой угол свежевыкрашенной железной крыши.

Мария подошла к калитке и с видом бывавшего здесь человека нажала на едва заметную кнопку, выкрашенную, как и калитка, в зеленый цвет. Где-то в глубине двора едва слышно прозвенел звонок.

Ждали недолго. Послышались шаги, и донесся чей-то тяжелый вздох.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Сестра Мария,— ответила Чепикова, и Иван Тимофеевич едва узнал голос супруги — так нежно и ласково он прозвучал.

Калитка открылась, и Чепиков увидел невысокую полную женщину лет пятидесяти с угловатыми чертами мрачного лица. Не подымая глаз, она сурово спросила:

— Кто такой?

— Муж мой, сестра Федора,— смиренно ответила Мария,— к благодати его веду, пускай и он сподобится...

У Чепикова внутри все застыло. Он знал, что в последнее время Мария стала совсем набожной. Но чтоб здесь, в чужом городе, она этим занималась!

И вот так, не предупредив, потащить его в какое-то гнездо «сподобиться благодати»! Какой «благодати», черт возьми?

Он возмутился, но взял себя в руки, промолчал.

— А наставник Михайло разрешил? — так же сурово спросила женщина.

— С братом Михайлом говорила и я и брат Петро. Господу угодно растить свое воинство, спасать души.

Сестра Федора, немного поколебавшись, пошире открыла калитку и отошла в сторону, пропуская гостей.

Чепиков решительно шагнул во двор. Это был снова бой, бой за Марию, за себя, и он, бывший солдат, не имел права отступать.

...Они были одеты в белые, длинные, до пят льняные сорочки, и поэтому внешне все выглядело как будто пристойно.

С ужасом Иван Тимофеевич увидел, что и Мария надела такую же сорочку. Раньше он ее в таком наряде никогда не видел.

По-видимому, возвращаясь в Вербивку, она оставляла сорочку здесь.

Самому Чепикову пришлось надеть белый балахон, который ему повелительно протянул пресвитер Михайло, но он надел его поверх одежды. Единственно, чем поступился,— снял ботинки и теперь стоял босой, ощущая ногами приятную прохладу гладкого деревянного пола, покрытого масляной краской.

Сначала брат Михайло прочитал нечто вроде проповеди. В ней говорилось о том, что человеку мало уготовано радостей в жизни и он всего только маленькая гаечка той бесчувственной машины, которая, высосав из него последние силы, выбрасывает жалкие останки в землю. Только в потустороннем мире существует истинная жизнь, и только к ней, праведной жиз-



ни, и надо готовиться, каждый день просить у всевышнего, каяться в грехах и ожидать помощи от небесной силы. Потому что духовную жизнь в отличие от физической, которую человеку даруют грешные родители, надлежит получать только от бога.

Чепиков наблюдал, с каким благоговением эти несколько человек, одетые в белое, слушают своего духовного отца, и не понимал, какая же сила заставляет их слепо и покорно следовать за этим крепким, коренастым мужчиной, который определенно не чурается наслаждений греховной жизни.

Он уже знал от Марии, что на миру брат Михайло работает экспедитором на спиртном заводе и, хотя тайно принимает в своем доме

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. Г. КОРНИЛОВА

ЖИВЕТ В КОСТРОМЕ ПИСАТЕЛЬ...

На центральной костромской улице почти каждый день можно видеть высокого стройного человека в старомодных очках из толстого стекла. Он идет, сильно опираясь на палочку, и со стороны кажется, что у него с трудом гнутся колени. Многие люди приветливо здороваются с ним, но даже они, знакомые его, пожалуй, не знают точно, что у писателя Владимира Григорьевича Корнилова вместо ног протезы. Ноги свои двадцатилетний лейтенант Корнилов оставил в Белоруссии, под Витебском. Тогда, в сорок четвертом, в тех местах бои шли жесточайшие, а он со своим взводом действовал в самом пекле...

Когда говорят о войне, он хмурится и как бы уходит в себя. Только однажды, в День Победы, когда из-за балконной их двери доносилась рвущая душу солдатская музыка, Владимир Григорьевич сходил в другую комнату и, возвратившись оттуда, протянул руку — на широкой сильной его ладони блеснули золотыми краями два ордена Отечественной войны первой степени...

— Жалею, что до Берлина не дошел,— сказал он тихо.— А так мечтал дойти именно до Берлина...

Все свои военные переживания Владимир Корнилов вложил в роман «Годины», который был напечатан в журнале «Волга» и только что вышел отдельной книгой. «Годины» — это как бы продолжение его первого романа, «Семигорье». Многие герои, так полюбившиеся читателю, перешагнули из первого тома во второй. И положительные и отрицательные. Это и Алеша, и Васенка, Макар, Юрочка, Красношеин. Из мирного времени писатель бросил их в войну и показал нам, кто чего стоит, когда характер берется на излом, когда человек попадает в сложнейшие условия, оказывается наедине со своей совестью, лицом к лицу перед долгом и честью...



Прозу Владимира Корнилова нельзя читать быстро, она густа, плотно сбита. У него нет ничего лишнего, случайного, взятого для украшательства и «оживляжа», чем грешат иные литераторы. В каждой фразе видна основательная, вдумчивая работа. По десять лет жизни отдал писатель на каждый свой роман. Его «Семигорье» после журнальной публикации выдержало подряд четыре издания, книгу напечатали в «Роман-газете». Я не критик и не берусь разбирать последнюю его вещь, выскажу лишь свое читательское мнение: «Годины» подняли Владимира Корнилова на новую литературную высоту...

Я знаю Владимира Григорьевича больше тридцати лет. Еще в пятидесятом году я встретил его в Литературном институте. Молодой представительный парень с копной волнистых волос стоял у стенда в коридоре и о чем-то горячо спорил с соседями. Вот тогда и запомнилось мне его выразительное лицо. Он в то время уже заканчивал институт, был партгруппоргом курса...

А по-настоящему мы познакомились с ним в Костроме, куда он переехал из Куйбышева. В Куйбышеве Владимир Григорьевич несколько лет возглавлял писательскую организацию, редактировал альманах «Волга». Так случилось, что и в Костроме ему доверили областной литературный коллектив, которым он руководит вот уже больше двадцати лет. За это время Костромская писательская организация выросла не только численно, но и качественно: почти все прозаики, поэты и критики вышли на российскую и всесоюзную дорогу, постоянно издаются в Москве. Конечно, литераторы работают в одиночку, каждый в меру своего таланта, но у них бывает куда больше душевного горения, когда им в чем-то помогают: получить толковую консультацию, поскорее издать сборник, поселиться в новой квартире, взять творческую командировку. И Владимир Григорьевич с неизменной своей палочкой регулярно обходит городские и областные учреждения, хлопочет, упрашивает, требует. В этом отношении он очень «настырный», редкие канцеляристы, питающие любовь к волоките, выдерживают его строгий прямой взгляд. И вообще, когда дело касается правды, честности и партийности, он пробивается на любую костромскую трибуну и говорит смело, убедительно, невзирая на личности.

Недалеко от Костромского моря, от тех мест, где когда-то дед Мазай спасал бедных своих зайцев, есть хуторок Заозерье. На все лето иногда уезжает туда Владимир Григорьевич со своей женой Жанной Павловной, женщиной редкой души. Там у них свой деревенский дом. Здесь у большой, чистой воды ему хорошо и плодотворно работается. Бывая изредка у них на хуторе, я люблю беседовать с Корниловым. Прогонят в ближнем селе стадо, опустится густой сизый туман над лугами, а мы все сидим на деревянных ступеньках, дожидаясь темноты. Владимир Григорьевич то рассказывает о местном колхозе, о котором он только что написал очерк для журнала «Наш современник», то выспрашивает меня, бывшего командира пулеметной роты, о нашем и немецком оружии, о деталях какого-то конкретного боя. Это он, работая над романом, проверял себя. Он во всем соблюдает точность: и в жизни и в книгах. Он не хочет допускать приблизительности. И пишет в основном только о том, что хорошо знает, что сам видел, сам пережил и сам перестрадал. И это чувствуется в его первой же повести «Лесной хозяин», в сборниках рассказов и очерков, в пьесе «Без отца», в двух последних романах...

Мимо корниловского дома проходит дорога из Починка в Орлово, и жители, возвращаясь с полей и лугов, останавливаются у заборчика, окликают хозяев:

— Григорич, где ты там?

И запросто, по-соседски открывают калитку, садятся за стол, делятся деревенскими новостями. Вокруг Заозерья раскинулись красивые леса, в основном хвойные, с молодыми березнячками, и бывает, что здесь появляются браконьеры, гремят выстрелы в самое запретное время. Колхозники говорят, что это городские хулиганят, у них в деревнях таких разбойников нет.

— Надо их, Григорич, тряхонуть хорошенько, мы тебе скажем, из каких они контор, совсем, понимаешь, обнаглели, дьяволы...

И Владимир Григорьевич на какое-то время откладывает свою основную литературную работу, чтобы выступить в «Правде», «Советской России», в местных газетах. Писатель, где бы он ни жил, должен быть бойцом и защитником всего справедливого. Так всегда было. Так поступает и Владимир Корнилов...

Недавно Владимир Григорьевич приезжал в Москву, и мы с ним встретились.

— Отдохни,— говорю я ему,— ишь какой том свалил... Рассказами займись, новеллами...

— Пока некогда. Потом уж какнибудь... Мои герои в третий роман просятся, в наши дни. Уже начал...

Юрий ГРИБОВ

верующих людей, сам редко когда участвует в молитвах. А сегодня, познакомившись с Чепиковым, пресвитер сказал, что сестра Мария и брат Петро давно говорят о нем как о человеке честном, достойном вступить в их великое братство, которое не преследует иной цели, кроме как духовного совершенствования и преданности господу богу. Ибо всевидящий всегда нисходит к ним.

Слушая хриплый голос брата Михайла, Чепиков мучительно думал, стараясь понять, почему Мария и особенно Петро Лагута хотят обратить его в свою веру.

Закончились проповеди, началось пение. Пели невпопад: сначала о благодати, потом о любви к богу и чудесном мире, который ждет их по ту сторону короткой и бессмысленной жизни на земле.

Брат Михайло стоял на невысоком помосте. Сойдя со своего места, он нажал незаметную для глаза кнопку на стене, и в комнате зазвучали тихие мелодичные звуки божественной музыки. Пресвитер вскользь посмотрел на Чепикова, вид которого явно говорил, что непосвященный христианин не ощущает той благодати, которая необходима для верующего.

Постепенно молитвенный хор звучал все сильнее.

Чепиков не спускал глаз с супруги. Мария пела тоненьким приятным голосом, и видимое в профиль лицо ее, побледневшее в духоте, показалось Чепикову необычайно вдохновенным, отчужденным, словно он впервые видит его.

В просторной комнате, где было не больше десяти человек, от перегара свечей становилось трудно дышать — окна были наглухо закрыты ставнями, чтоб не пробивались наружу ни звуки, ни свет. У Чепикова, привыкшего к свежему воздуху, от мерцающего огня свечей, а может, от все нарастающей духоты стала кружиться голова, и комната поплыла перед глазами.

Потом Чепиков стал присматриваться к Ганне, стоявшей между Марией и братом Михайлом, и ему показалось (а может, это тоже была лишь игра света и тени), что Кульбачка с едва заметным презрением разглядывает молящихся. Когда ее взгляд остановился на Чепикове, который не пел, она насупилась.

Он и сам чувствовал, что у него растерянный и глупый вид.

Как бы хотелось Ивану Тимофеевичу, чтоб вместе с ним взгляд Ганки поймала Мария и поняла. Возможно, тогда Чепикову посчастливилось бы увести ее отсюда, увести от этого безумства.

Иван Тимофеевич собрался было протянуть руку, чтоб дернуть супругу за сорочку, но его рука застыла в воздухе — Мария никого не замечала вокруг: ни Ганны, ни своего мужа, ни даже пресвитера. И Чепиков с болью понял, что причиной ее отчужденности были совсем не болезнь, не женская тоска по ребенку — причина оказалась значительно глубже, намного серьезней той, чем он до сих пор предполагал. Все эти люди, которые сейчас стояли рядом с ней, давно уже стали ей ближе и родней собственной семьи.

Погрузившись в тяжелые раздумья, Чепиков не заметил, как пресвитер Михайло подал знак, и все разом опустились на колени. И так, продолжая стоять с закрытыми глазами, люди, словно белые призраки, подымали над головой скрещенные руки, надеясь дотянуться до господа бога и прикоснуться к нему.

Иван Тимофеевич не знал, как ему себя вести, что делать. Ему не хотелось принимать участие в этом лицедействе, но он боялся разгневить пресвитера, который способен в любую минуту выставить его за дверь, разъединить с супругой — ведь власть духовного отца и его братьев и сестер над Марией сильнее всех чувств. Заметив суровый взгляд брата Михайла, он и в самом деле вдруг почувствовал, что ему тяжело, ноги сами подкашиваются и какая-то неведомая сила заставляет его стать на колени. И не только стать, а так же, как и все, говорить что-то, лепетать и выкрикивать.

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

Продолжение следует.

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

В УСАДЬБЕ МЕНДЕЛЕЕВА

О продаже небольшого имения Боблово, неподалеку от Клина, Дмитрий Иванович Менделеев услышал случайно в 1865 году в вагоне поезда по дороге из Петербурга в Москву. Заехал посмотреть и навсегда влюбился в тревожную красоту этого «угла рая», сохранившегося в неприкосновенности, несмотря на сравнительную близость от железной дороги и больших городов. Усадьба продавалась с молотка, и Менделеев приобрел ее в долг, пополам с профессором Н. И. Ильиным. С тех пор название крохотной подмосковной деревеньки, по имени которой звалась и усадьба, некогда принадлежавшая князю Дадиани, стало известно всей ученой России, а затем и миру.

Дмитрий Иванович погружался в благодатную тишь Боблова после суеты и хлопот шумного университетского Петербурга. Здесь хорошо работалось и думалось, стенами его рабочего кабинета становились аллеи парка, березовая роща, окрестные поля. В тишине этих замечательных мест вынашивал он свои «Заветные мысли», размышлял над «Основами химии», работал над другими научными трудами. А окрестные жители до сих пор уверены, что именно в Боблове «придумал» Менделеев свою великую таблицу.

Приобретя Боблово, Дмитрий Иванович как бы открыл для многих очарование этого уголка Подмосковья. Вскоре он уговорил своего близкого друга, ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова, купить соседнюю усадьбу Шахматово. В ее «благоуханной глуши» расцвел талант Александра Блока. Шахматово и Петербург — два крыла, на которых воспарила его поэзия.

минающий средневековый замок. По пути мы вспомним, что Дмитрий Иванович Менделеев сам строил его. Сначала вычертил план, затем сделал из картона маленькую модель, нанимал рабочих, руководил постройкой. Здание вышло примечательное (могло ли быть иное у Менделеева?) — нижний этаж каменный, со сводами, верхний — деревянный, легкий, с крытой стеклянной галереей и несколькими балконами, обвитыми диким виноградом. Рассказывают, что стены лаборатории, которую Менделеев устроил наверху рядом с кабинетом, он пропитал особым негорючим составом, чтобы, не дай бог, не случился пожар из-за какого-нибудь неудачного опыта.

Но вот и вязовая аллея. Так и кажется, что по ней только что промчалась тройка лихого клинского ямщика Засорина, быстрее всех доставлявшего Дмитрия Ивановича в усадьбу. Все так же встречают гостей Боблова старые вязы, но дома Менделеева уже давно нет. Сгорел он в 1919 году, и лишь огромные земляные валы на месте фундамента, поросшие травой и пронзенные корнями деревьев, помогут сейчас определить его место.

Здесь мы несколько отвлечемся от нашего небольшого путешествия. Этот очерк преследует одну цель — помочь возрождению усадьбы Боблово в том виде, в каком она была при Менделееве. И чтобы сразу отвести доводы скептиков, напомним: дом Пушкина в Михайловском сгорел в том же 1919 году, восстановлен в 1937 году; опять сгорел во время войны, восстановлен в 1949 году. Вновь построены полностью уничтоженные усадьбы Репина в Пенатах, Тургенева в Спасском-Лутовинове, Чехова в Мелихове, Ганнибала в Петровском, начато восстановление усадьбы Блока Шахматово — она всего в семи километрах от Боблова, и этот перечень можно было бы продолжить. Так что добрые примеры есть, и они нередки. Да ведь и правда то, что поставить пусть новый, но такой же, как прежде, дом великого человека на старом месте — это как бы вновь материализовать нечто таинственно живущее, разлитое, но не уничтоженное под кронами старинных парков. Недаром в таких случаях говорят о возрождении — втором рождении некогда разрушенного великого.

Восстановленные усадьбы замечательных людей должны начинать новую жизнь — музейную, заповедную. Музеи — хранилища памяти, и не случайно создаются они в городах и сельских местах, где обитали и творили знаменитые наши соотечественники. Под петербургским, московским, михайловским небом по-разному проявлялась душа Пушкина — об этом

велосипедисты, приехавшие на своих диковинных машинах из Москвы. Позже им довелось помогать в поисках шара. Описывая в специальной брошюре полет, Менделеев отметил, что очень хорошо, что так много людей присутствовало при этом эксперименте. Он решал своим полетом не только массу интереснейших задач, «не чуждых наших обычных общежитейских интересов, потому что они касаются разрешения понятия о погоде», но и преследовал, как ему сразу стало ясно, цель просветительскую — «теперь же, здесь, в Клину, это торжество науки должно было совершаться перед этой толпой, и пусть она изъявляет свою радость, как умеет и знает. В лице — она чтит науку».

То, что произошло далее, нельзя расценить иначе, как подвиг Дмитрия Ивановича во имя науки. Намокший шар не смог поднять двух аэронавтов, до затмения оставались считанные минуты, и Менделеев буквально умолил поручика Кованько дать ему возможность лететь одному. Это уже был откровенный риск, до тех пор Менделеев на аэростатах никогда не летал и управлять ими не умел. Биограф ученого Г. Смирнов приводит его слова, объясняющие мотивы решения: «Немалую роль...— писал Менделеев,— играло... то соображение, что о нас, профессорах и вообще ученых, обыкновенно думают повсюду, что мы говорим, советуем, но практически делом владеть не умеем, что и нам, как щедринским генералам, всегда нужен мужик, для того, чтобы делать дело, а иначе у нас все из рук валится. Мне хотелось демонстрировать, что это мнение... несправедливо в отношении к естествоиспытателям, чтобы всем стала когда-нибудь известна правда вместо предрассудка».

Шар с одним аэронавтом стремительно оторвался от земли, перед присутствующими мелькнула высокая фигура Менделеева с развевающимися из-под нахлобученной шляпы длинными волосами и воздетыми руками — профессор разбирался в веревках, стремясь регулировать полет.

Вестей от исследователя долго не было. И вдруг в Клин поступила телеграмма: «Шар видели — Менделеева нет». Велосипедисты, кля-

Бывают странные, как говорил Пушкин, сближения. Мне, например, запомнились и показались убедительными слова из очерка о блоковском Шахматове: «Причина и следствие не всегда улавливаются нашим, пусть и аналитическим умом. Можно лишь с небольшой долей парадоксальности утверждать, что если бы великий русский ученый Менделеев не купил в 1865 году имение Боблово, то не было бы у нас поэта Блока, по крайней мере таким, каким мы его знаем. А может быть, не было бы и вообще».

Рядом с Бобловым, в Бабайках, часто бывал изобретатель радио А. С. Попов. Интересно, что между его домом и домом Менделеева был проведен первый в Подмосковье сеанс радиосвязи. Неподалеку располагались имения Фонвизиных, Татищевых, в Клину жил П. И. Чайковский. Боблово, стоящее на самом высоком среди окрестных холмов, притягивало к себе многих. От дома открывалась поразительная «многоверстная русская даль», покорившая знатока и ценителя пейзажа А. И. Куинджи, приезжавшего сюда к своему другу.

Анна Ивановна Менделеева писала, что «в Бобловской местности есть что-то цельное, законченное, как в произведении талантливого художника; ничего не хотелось бы изменить, прибавить, убавить или переставить. Местность гористая — три больших горы: Бобловская, Спасская и Дорошевская. Между ними в долине извивается река Лотосня с лугами и лесами. Главная линия этих холмов с рекой, с широким горизонтом дает какое-то былинное настроение. Усадьба наша стояла наверху Бобловской горы в парке. К ней подъезжали с одной стороны по вязовой аллее, а с другой — по березовой».

Что ж, попытаемся и мы разыскать Боблово, связанное, оказывается, и с наукой и с культурой крепчайшей причинно-следственной связью. Приехать в Боблово, увидеть дом Менделеева, казалось бы, чего проще? Станция Клин, от нее около двадцати километров, а затем — старинная вязовая аллея и в глубине обширного парка должен бы стоять дом, напо-

рассказывают три его музея; в Москве, Тарханах, в Пятигорске и на Тамани узнаем мы разное о Лермонтове. И Менделеев по-новому открывается нам в этом многовековом парке (по сравнению с Ленинградом, где при университете находится музей Менделеева), глубже и объемнее вырисовывается на фоне былинной природы могучий характер и гений.

Но пока мы можем лишь с грустью постоять на руинах его дома и попытаться представить жизнь, которая поистине била ключом здесь около века тому назад.

...В начале августа 1887 года обитатели Боблова волновались. 7 августа ожидалось полное солнечное затмение, которое лучше всего можно было видеть в Центральной России. Около Клина, находившегося в полосе полного затмения, уже расположились наблюдатели Русского физико-химического общества. Менделееву предложили провести изучение затмения с воздушного шара, для чего в Клин направлялся опытный аэронавт поручик лейбгвардии Кованько «со всеми приборами и электрической лампочкой...». Быть может, кто-то улыбнется сейчас, читая эти строки, но не забудем, что в конце XIX века наблюдение затмения с аэростата обещало немало новых открытий, и Менделеев с его гигантской жаждой познания не мог пройти мимо такой возможности. Но и риск был немалый. Утром 6 августа в Боблово примчался любимый Менделеевым И. Е. Репин. Он специально приехал из Петербурга, чтобы зарисовать взлет и полет шара. Репин рассказал, что уже начато наполнение аэростата водородом и что, как он слышал, Кованько — опытный специалист и будет прекрасным спутником. Менделеев быстро собрал в особую корзину приборы, приготовленные для метеорологических и физических наблюдений, и отправился в Клин. Ученый был поражен толпой, собравшейся посмотреть на затмение и полет. Из Петербурга, Москвы, Твери, окрестных деревень и усадеб стекались любопытные. Особое внимание привлекли

нущий себя Кованько, сын Менделеева Владимир разъехались, чтобы найти хоть какие-нибудь следы. Но лишь на следующий день в Боблово доставили сообщение: «Спустился благополучно в 9 часов утра Калязинский уезд Тверской губернии».

В отчете Менделеев подробно описал этот необычный полет, который затем считал одним из примечательнейших событий в жизни. Воздушный поток унес шар довольно далеко от Клина. Путешественник приземлился у села Спас-Угол, в щедринских местах. Вскоре он возвратился в Боблово, откуда собирался сразу же отправиться в Манчестер, на съезд естествоиспытателей. По пути в усадьбу, в Клину, местные жители устроили Менделееву торжественную встречу, хотели даже распрячь лошадей и везти героя сами, но Дмитрий Иванович воспротивился. А в соседних деревнях крестьяне долго говорили: «Митрий Иванович на пузыре летал и эту самую небу проломил, за это вот его химиком и сделали».

Так, неподалеку от Боблова проявил Менделеев свой характер, неукротимое стремление к научному познанию, которое не могла остановить явная опасность и забота о собственной жизни. Он любил риск, но риск, оправданный будущим научным результатом. Ведь не кто иной, как Менделеев, разработал, например, проект похода на ледоколе к Северному полюсу, он настолько верил в успех, что хотел взять в эту экспедицию жену и старшего сына. Проект Менделеева был отвергнут чиновничьей бюрократией, чтобы осуществиться почти через век. «Такому дерзкому человеку, как Менделеев, я помочь отказываюсь»,— заявил один из великих князей. «Счастливые идеи» Менделеева, многие из которых оказались пророческими, часто вызывали недоуменное непонимание, а порой и сопротивление власть придержащих. «Ну не стыдно ли нам,— писал его младший современник,— что такой великий ученый, как Менделеев, был ничто в ведомстве просвещения, а какие-то графы Толстые, Дмитрий и Иван, ничем не отличимые и незамеченные, были министрами просвещения?.. Люди милые, блестящие, любезные целые десятилетия вели Россию неуклонно к пропасти — в то самое время, как мудрецы народные — и какого размера! — Менделеевы и Толстые изнывали от кошмарного сознания, от бессилия, от невозможности что-нибудь сделать».

...Как-то мы приехали в Боблово ранней осенью. Мой спутник, немало повидавший на своем веку, прошедший войну, знающий цену и человеческому труду и памяти, долго сокрушенно бродил по парку, слившемуся с посаженным самим Менделеевым лесом, подходил к некогда радующему зеркально-чистой водой пруду, теперь заболоченному и затянутому ядовито-зеленой ряской, разыскивал остатки аллей и садовые растения, то тут, то там вырывающиеся из зарослей подлеска, и угнетенно молчал. И лишь когда набрели мы на бренчавшую на ветру, покоробленную и во многих местах простреленную жестянку, на которой сквозь ржавчину можно было прочитать надпись: «Здесь находилась усадьба, где с 1865 года в летние месяцы жил и работал великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев»,— он наконец произнес: «Не думал я, что доведется увидеть такое...— помолчал и добавил:— Такое глумление над памятью великого человека». Угнетала пустынность, забытость этого заросшего парка, над ним как бы сгустилась туча глухого забвения.

Подумалось тогда: как же в Клину, в Московской области, в Академии наук СССР, наконец, как же ни у кого не пробудилось чувство стыда за такое отношение к святыне, почему будущее усадьбы Менделеева буквально потонуло в бюрократическом бумажном море? С тех пор прошло около двух лет. Практически ничто не изменилось в Боблове. Лишь один московский журналист изготовил как сумел несколько металлических памятных досок и по собственной инициативе установил их в различных уголках усадьбы, отметив места, где был дом; где аллея, в которой произошло решающее объяснение Блока и его будущей жены, дочери Менделеева; где сенной сарай, в котором действовал знаменитый «бобловский театр», и Блок играл Гамлета, Скупого рыцаря, короля Клавдия. Да в отремонтированных совхозом двух комнатах сохранившегося, правда, в крайне искаженном виде, дома родственников и соседей Менделеева — Смирновых всеми правдами и неправдами разместился крохотный музей, а точнее, выставка, посвященная ученому, созданная на общественных началах трогательными заботами энтузиаста, кандидата химических наук О. Н. Качинской. Казалось бы, клинские товарищи могли только радоваться, что искорка жизни, связанная с Менделеевым, вдруг возникла в Боблове. Но до самого последнего времени организатор выставки выдерживала настоящий натиск, когда выставку чуть ли не с помощью милиции местные власти хотели попросту выбросить из заброшенного дома Смирновых.

Без большого энтузиазма и заботы относятся к Боблову и в совхозе «Динамо», на территории которого сейчас находится усадьба. Это тем более огорчает, что именно Боблово превратил Дмитрий Иванович в первую опытную агрономическую станцию в России. Небольшое бобловское поле (здесь было мало пахотной земли, и ее занял Менделеев под свои опыты) стало полем смелых экспериментов. Здесь Менделеев воплощал в жизнь давнюю мечту — продвижение науки в сельское хозяйство. Известно свидетельство современницы, запомнившей его слова, что в будущем крестьянский труд, благодаря знаниям и технике, будет разновидностью умственного труда. Эксперимент в Боблове дал прекрасные плоды: в результате введения многополья, применения удобрений, сельскохозяйственных машин, разумного использования лугов урожай возрос более чем вдвое. Окрестные крестьяне поражались. «Хорошо помню,— пишет племянница Дмитрия Ивановича, Н. Я. Капустина-Губкина,— как раз во двор к Дмитрию Ивановичу пришли несколько мужиков по какому-то делу и, кончив его, спросили:

— Скажи-кася ты, Митрий Иваныч, хлеб-то у тебя как родился хорошо за Аржаным прудом... Талан это у тебя али счастье?

Я стояла тут же и видела, как весело и ясно сверкнули синие глаза Дмитрия Ивановича, он хитро усмехнулся и сказал:

— Конешно, братцы, талан...

Потом за обедом он, смеясь, рассказал это... и прибавил:

— Зачем же я скажу, что это только мое счастье. В талане заслуги больше...»

О своих сельскохозяйственных опытах Менделеев доложил на заседании Вольного экономического общества, где обнародовал программу организации в России системы опытных полей в разных губерниях, впервые осуществленную в нашей стране. Участвовал в работе и молодой К. А. Тимирязев, позднее отмечавший огромное значение этого начинания. Менделеев первым поставил и проблему широкого применения в сельскохозяйственном производстве минеральных удобрений. «Вопрос об удобрении приобретает интерес самый существенный оттого, что он тесно связан с вопросом о пище, а следовательно, и о довольстве самым необходимым всех людей. Едва ли есть другой вопрос техники, который бы столь необходимо было решать в ближайшей будущности». Таблицы с результатами бобловских опытов и записи по сельскому хозяйству Менделеев передал в Петровскую земледельческую и лесную академию...

Печально сейчас в Боблове. Пусто, уныло, заброшенно. Разрушается единственное сохранившееся здание, помнящее Менделеева,— дом Ильина-Смирновых (в основе своей памятник XVIII века), в запустении парк. Несколько лет тому назад, когда начиналась работа по созданию проекта Государственного музея-заповедника А. А. Блока в соседнем Шахматове, архитекторы всесоюзного объединения «Союзреставрация» начали было исследование Боблова, логично полагая, что усадьба Менделеева должна восстанавливаться параллельно с домом Блока, составив в будущем единый музейный комплекс, подобный пушкинским Михайловскому и Тригорскому, с той, конечно, разницей, что в Тригорском поэт отдыхал душой среди милых друзей и барышень, а в Боблове обитал гений. Но работа реставраторов в Боблове была быстро прекращена по непонятному решению руководства объединения.

Наконец, усадьба Менделеева привлекла внимание Министерства химической промышленности. По его заданию специалисты одного из отраслевых проектных институтов разработали проект восстановления Боблова, первоначально планируя устроить там наряду с музеем нечто вроде зоны отдыха для химиков — с финской баней, бильярдной, автостоянками и другими атрибутами современного «культурного» отдыха и сервиса. И название тем, кто должен по этому проекту размещаться в Боблове, есть соответствующее — «Пользователи». (Представляете — «пользователи усадьбы Менделеева»?!) Будем надеяться, что до воплощения этого странного варианта «восстановления» Боблова дело не дойдет, и для своего отдыха и прогулок химики совместно с Мособлсоветом изберут иное место. Усадьба великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева — исторический памятник мирового значения, и его судьба определяется законом «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и Конституцией СССР.

Можно только приветствовать, когда под дома отдыха, санатории, как выставочные и концертные залы используются отреставрированные старые постройки. В глубине, да и не глубине России (близ того же Боблова) сохранилось еще немало заброшенных зданий прошлых веков, зияющих проломами окон,— их, безусловно, необходимо восстанавливать и приспосабливать для службы людям. Но памятники, чья судьба неотрывна от имен и событий, значительных в отечественной истории, культуре, науке, должны возрождаться и превращаться в музеи, заповедники, мемориалы. Только в этом случае они будут действенно служить патриотическому и нравственному воспитанию. Сюда должны приходить паломники, чтобы знакомиться с историей, узнавать жизнь замечательных людей, связанных с этим местом, в священной тишине, а не под рев транзисторов, магнитофонов и стук волейбольного мяча погружаться в минувшее. Именно к памятникам такого рода относится менделеевское Боблово.

Конечно, обнадеживает, что Министерство химической промышленности хотя и поздно, но все же занялось Бобловом. Совместно с Министерством культуры РСФСР, в чьем ведении находятся сейчас все памятники истории и культуры; Мособлсоветом, который пока, увы, поразительно безынициативен по отношению к Боблову; Всесоюзным химическим обществом имени Менделеева; АН СССР Минхимпром может и должен выступить инициатором и организатором возрождения усадьбы и создания здесь Государственного музея Д. И. Менделеева. И специалисты «Госниихлорпроекта» (главный инженер проекта С. П. Хованов), уже вошедшие в «проблему Боблова», накопившие немалый опыт, с увлечением и большой заинтересованностью работавшие над проектом, могли бы сделать еще немало доброго и полезного в этом важном начинании. Несомненно также, что Министерство химической промышленности и его организации обладают значительными возможностями для реставрационных работ в усадьбе первого химика России и дело их чести — эти возможности использовать. Наверное, Министерству культуры РСФСР и Мособлсовету имеет смысл рассмотреть уже разработанный проект, внести в него необходимые коррективы и не откладывая браться за дело восстановления Боблова.

Не вызывает сомнения очередность работ в усадьбе — вначале реставрация (реставрация, а не просто ремонт, как планирует «Госниихлорпроект») дома Ильина-Смирновых и размещение в нем выставки, посвященной Менделееву; расчистка парка (ее прекрасно мог бы выполнить при компетентном руководстве специалистов по ландшафтно-парковой архитектуре строительный отряд МХТИ имени Д. И. Менделеева, студенты которого уже работали на восстановлении ряда памятников истории); прокладка нескольких километров дороги с мостом через Лутосню и затем восстановление дома ученого и организация в нем музея. Но кто же конкретно будет создавать этот музей, кто будет координировать усилия различных ведомств по возрождению усадьбы? Логично, чтобы организаторская работа по восстановлению Боблова была возложена на дирекцию создающегося заповедника «Шахматово». Но, конечно, руководить им должны специалисты высокого класса, а не случайные отставники-хозяйственники или неподготовленные люди, как может случиться, если при формировании дирекции заповедника не будут учитываться компетентность, деловитость, профессиональная подготовка тех, кому предстоит решать в недалеком будущем очень непростые задачи. В них должно быть редкое сочетание таланта с любовью к своему делу, энтузиазма с обширными знаниями. Иначе ничего путного не получится. Суть же проблемы точно резюмирована в мнении видных советских академиков и писателей П. Л. Капицы, Н. Н. Семенова, Д. С. Лихачева, М. П. Алексеева, И. В. Петрянова-Соколова, А. Л. Яншина, Л. М. Леонова, Я. М. Колотыркина, И. В. Тананаева, Б. М. Кедрова и других, которые, отмечая, что «в настоящее время усадьба гениального русского ученого, гордости отечественной науки находится в заброшенном состоянии и гибнет», предлагают «приступить к восстановлению подмосковной усадьбы ученого Боблово, находящейся в Клинском районе Московской области, к созданию мемориального Дома-музея Д. И. Менделеева в Боблове, с включением музея-усадьбы в организующийся вблизи, в Шахматове, по постановлению Совета Министров РСФСР Государственный музей-заповедник А. А. Блока, назвав его в дальнейшем Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник Д. И. Менделеева и А. А. Блока».

Дело это надо начинать выполнять не откладывая, ведь через год исполняется 150 лет со дня рождения Менделеева. Противникам восстановления Боблова и организации здесь музея (а такие люди, видимо, есть, чем иным можно объяснить удручающее состояние этого "памятного подмосковного места") хотелось бы в заключение еще раз напомнить о значении личности Менделеева словами опубликованной в 1907 году статьи «Памяти Менделеева», краткой, но поражающе исчерпывающей его характеристики: «Менделеев был человек не столько настоящей, сколько будущей России, предтеча ее грядущей славы. Враг утопий, где мечтательное невежество авторов находит стоголосое эхо в наивном невежестве поклонников, Менделеев больше чем верил: он достоверно знал, что счастье народное возможно, что оно чрезвычайно близко, стоит только внести в жизнь поправки, которые давно ясны для научного зрения. И Менделеев неустанно проповедовал, просвещал общество, выступая в качестве не только гениального исследователя, но выдающегося профессора, публициста, техника, чиновника, государственного человека. Если он, отрываясь от лаборатории, писал о стеклянном производстве и маслобойном деле, о технике земледелия, о муке и крахмале, о вазелине и винокурении, о химической технологии и пр. и пр., если он ездил то в Закавказье, то в Пенсильванию изучать нефть, то в Донецкую область изучать уголь, если мечтал с Макаровым об открытии Северного полюса, если летал на воздушном шаре и изучал спиритизм, если писал о школе, для учителей и поднятии уровня Азовского моря, если погружался в таможенный тариф и в колоссальный материал переписки, если он умел в каждую работу свою, самую трудную, вложить догадку и здравый смысл, то что же это значит? Только то, что, кроме всеобъемлющего ума, он любил Россию. Великий ученый, признанный всеми академиями, кроме русской, Менделеев готов был разорвать для родины свою душу...»

Так неужели мы допустим, чтобы бурьян забвения покрывал место, где более сорока лет жил и творил гений?



Д. Налбандян. КОЛХОЗНИК ИЗ СЕЛА ТУШИНО П. С. ИВАНОВ. 1980.



Д. Налбандян. УТРО. 1982.

ЕЩЕ ДО ВЫХОДА НА СЦЕНУ...

РАЗДУМЬЯ О СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Драма. Особый литературный жанр. Как известно, один из сложнейших.

Писатель, создавший драму, то есть воплотивший свой замысел в образах, но как бы «без себя», как бы «вне» собственного участия, оставив решительно нас, читателей, наедине со своими героями и тем самым дав героям полную возможность «самостоятельно» выразить его писательское кредо, его идею, — делает нас, хотим мы того или нет, своеобразными участниками будущего спектакля... Прочитав драму, мы уже сами словно пережили, сами «сыграли» этот спектакль в своем воображении. Представили себе вполне четко не только облик действующих лиц и ту обстановку, в которой они действуют, но вполне реально ощутили самое заветное, самое главное в драме: **характеры героев**. И, конечно, ту скрытую **цель**, ради которой писатель, собственно, и создал пьесу.

Так, еще до выхода на сцену, драма оживает в нашем воображении. И мы радуемся либо огорчаемся, близко знакомясь с событиями, с участниками этих событий. С их поступками, за которыми непременно скрывается заветная человеческая суть. С их мыслями, радостями и горестями, в которых мы узнаем уже нечто большее, чем знает даже сам герой. Мы узнаем Время. Узнаем эпоху, сформировавшую мысли, а значит, и поступки героев. Быть может, узнаем самих себя, свои сегодняшние дни. И это, пожалуй, всегда бывает нам интереснее всего по той простой причине, что **современность**, очерченная событиями драмы, помогает нам (либо заставляет нас) быть активнее, действеннее, энергичнее, делает наше гражданственное бытие, духовное зрение требовательней, острей и зорче...

Именно так, волнуясь, переживая неравнодушно все перипетии, все неожиданные осложнения, возникающие одно за другим с неуклонным внутренним нарастанием, читаешь пьесу А. Мишарина «Равняется четырем Франциям».

Вот уж где драматург хочешь не хочешь, а заставит, наверное, каждого из нас, читателей, почувствовать себя непосредственными участниками острейшего душевного, нравственного конфликта. Здесь идет — по нарастающей — глубинный и потому никому не безразличный спор о том, каким сегодня быть человеку, руководителю. Да еще такому человеку, которому доверены судьбы, жизнь людей, иногда самое существование их на Земле...

Интереснейшая эта пьеса, которую читаешь и перечитываешь, насыщена до отказа действием, событием, поступком, свершением... Короче — открытием сути буквально каждого из действующих лиц, несмотря на то, что ведь они вроде бы крайне ограничены местом, где мы встречаемся с ними и где лишь постепенно узнаем подоплеку каждого из них. И хотя они не покидают кабинета первого секретаря крайкома партии, у нас возникает отчетливое ощущение, что в этом кабинете становится виден не только каждый человек со всею его подноготною, но как бы виден даже и самый край. Огромный, равный по размаху своему, по деловому и нравственному потенциалу, по замыслам и перспективам, быть может, даже и много больше, чем четырем Франциям...

Пересказывать эту пьесу, наверное, не следует. Там, где театр еще не вывел героев А. Мишарина на сценические подмостки, читатель будет сам иметь живую радость познакомиться с интересными и очень непростыми людьми — руководителями огромного приморского региона...

Сложнейшая специфика края, возможно, накладывает как бы даже сама по себе определенный — и очень непростой — отпечаток на человеческое поведение. На открытые и скрытые взаимоотношения людей. На весь стиль их общения между собой — чаще всего очень сдержанный стиль... Сдержанный даже тогда, когда сами события, из-за которых собрались все эти люди в кабинете Михаила Ивановича Шахматова, первого секретаря крайкома партии (выдвинутого на руководящую работу в Москву), принимают не только сложный, но экстремальный характер...

В океане сильнейший шторм. Вышедший в море корабль «Челюскинец» накануне неизбежной гибели. Однако сигнал SOS, означающий просьбу о помощи, командир судна не подает. До последней, до самой крайней минуты он надеется на свою команду — а это бывшие «бичи», «шпана»...

Обстановка, все отношения — моральные, духовные — накалены до предела. И по мере того, как усиливается шторм, все более отчетливыми становятся характеры — честные, бескомпромиссные, прочные либо же готовые отступить в сторону, лишь бы избежать ответственности; осторожные, «гибкие», готовые переложить ответственность на другого, пойти на любую сделку, любой компромисс, только «не замарать себя», остаться в стороне...

Каков же ты, человек нынешний? Как ты сам относишься к окружающим тебя людям? К делу своему?..

Вот о чем — настойчиво, страстно — спрашивает нас пьеса, созданная А. Мишариным, думается, одно из самых интересных, глубоких произведений сегодняшней драматургии, где гражданственные принципы автора никого не оставляют безразличными.

По мере того как нарастает ураган, накаляются и отношения героев. Выявляются скрытые, не угаданные нами ранее черты характеров, и с каждой репликой мы становимся все более прозорливыми... Самая боль, радость, горе, волнение, удивление — все эмоции действующих лиц — это и наши эмоции. Наше личностное переживание. Наша сопричастность происходящему, которая **обогащает нас**.

...Облик современника — именно этический, нравственный облик человека сегодняшнего, живое волнение его души и сердца, конфликт правды с неправдой — такова суть и пьесы «Минное поле», которая создана туркменским писателем А. Агабаевым. Думается, она получит право выхода на сцену не только на родине автора... Сам драматург назвал свое произведение мелодрамой. Пусть так... Хотя в пьесе нет никаких свойственных именно мелодраме особенных преувеличений ни в происходящих событиях, ни в переживаниях героев. Здесь живы воспоминания минувшей войны, поэтому характеры героев, самое развитие отношений, чреватых неумолимо грозными внутренними взрывами, автор не случайно сравнивает с минным полем...

Минувшая война внесла в жизнь людей столько трагических сложностей, порою так запутала и осложнила многие судьбы, сделав в иных случаях ситуации необыкновенные и нереальные вполне обыкновенными и доказательными, что мы не видим сегодня никаких преувеличений в самом невероятном, казалось бы, стечении обстоятельств, порожденных в «Минном поле» войной. Все сложные жизненные ситуации здесь проистекают как раз в связи с тем, что старушка туркменка Бостан Медедова до нынешнего дня верила и надеялась, что из семерых ее сыновей, погибших за Родину, хоть один вернется домой. И вдруг она слышит по радио из Ашхабада выступление героя войны Нарчи Медедова. Он рассказывает о себе, о своей жизни... Подпасок... Потом учитель... Потом фронт... Потом он пропал без вести... Это ее сын — считает Бостан,— никаких сомнений быть не может!.. Пусть внучка старой Бостан, веселая и умная Кейик, тотчас пишет письмо Нарче Медедову: мол, явись скорее, сынок родной, переступи порог отчего дома, и я умру спокойно...

Бостан слепа... Она потеряла зрение, когда ткала свои ковры. Изумительная красота сделала их бесценным сокровищем. И вдруг разгорается конфликт вовсе неожиданный: ведь ковры — это огромное национальное богатство. И давно уже зарится на него хищный и жадный соотечественник Бостан — некий Таганов. Он никак не хочет приезда Нарчи Медедова! А когда Нарча все-таки приезжает, Шерип Таганов озабочен лишь тем, как бы ковры Бостан «не уплыли» от него к Нарче.

Кто же приехал к знатной Бостан — сын или однофамилец?.. Нарча по доброте своей хочет утешить, успокоить старую женщину. Таганов же добивается «разоблачения» Нарчи.

Бостан плачет, кричит, что это сын. Сын!.. Пусть люди посмотрят на левую руку Нарчи — там родимое пятно ниже локтя... Но нет живой руки у бывшего сапера — потерял ее на берегу Балатона, в Венгрии; теперь у него протез...

Пьеса заканчивается в кабинете секретаря райкома партии: здесь тоже проясняются истинные мотивы поведения каждого из героев... Нарча решил, что никогда не оставит Бостан — старую, слепую, одинокую... Разоблачаются и мотивы поведения Таганова. Секретарь райкома жестко говорит ему: «Чтобы выйти из доверия, войны не требуется, тут вполне подходит мирное время». Не может быть коммунистом Таганов! Просмотрели Таганова!.. А Нарча Медедов не выдержал волнений... И теперь придется Бостан хоронить ее названого сына...

Даже если согласиться с авторским определением жанра пьесы, названного мелодрамой, в ней так или иначе содержится большой нравственный заряд. Она жива неподдельным человеческим теплом, искренностью чувств, не говоря уже о значении той жизненной схватки, где конфликт разрешается победой добра и бескорыстия над злом, хитростью, стяжательством и эгоизмом. Бессердечие — вот что оказалось сегодняшним «минным полем»... А ведь Нарча — герой. Пережив плен и страшные пытки, не выдержал гнусных подозрений человека маленького и подлого...

И еще одна пьеса... Еще один безрукий человек. С той, впрочем, разницей, что жизнь его только-только началась. Студент Алеша, почти мальчик. У него нет обеих рук... Мы не увидим его на сцене, даже если пойдем на спектакль «Наедине со всеми». Только голос его будет звучать: голос, тщетно взывающий о помощи, о поддержке, хотя обращен юношей к его собственным родителям! Но им не до того. Они — муж и жена — заняты тем, что выясняют отношения между собой. Отношения, полные грязи, подлости...

Я говорю о пьесе «Наедине со всеми», написанной А. Гельманом.

Пожалуй, смотреть ее на сцене даже несколько легче, чем читать. В зале вокруг тебя все-таки живые люди. А когда остаешься **наедине** с автором и его героями — что называется, в положении «один на один» (без «всех»),— то делается тебе, читателю, жутко.

Сколько же душевной грязи накопили в себе родители Алеши, супруги Голубевы, Андрей и Наташа; сколько в них равнодушия к судьбе сына и яростной неприязни друг к другу! Сколько притворства, коварства в их отношениях друг к другу, к судьбе собственного ребенка, к его драме. Ведь Андрей-то Голубев, оказывается, знал, что посылал Алешу, своего мальчика, работать в самую опасную зону на стройпло-

щадке. Посылал туда и других.

Это был последний день квартала, и ему, Голубеву Андрею, надо было найти «двадцать тысяч к плану»! Ради этого отправлял он людей на высоковольтную линию... А на другой день, когда сыну в больнице отняли руки, он прежде всего побежал включать в квартальный план «эту липу», как безжалостно и злобно говорит мужу Наташа.

Пересказать все мерзости, со злобным наслаждением, я бы сказала садистски вываливаемые друг другу поочередно Андреем и Наташей, немыслимо... Нельзя представить себе реально, «всамделишно» такой человеческой низости, какую старательно нагнетает автор. Особенно ужасает финал, когда Наташа бросает свой дом — пожалуй, что и навсегда. И потом, когда вдруг тревожный голос мальчика, Алеши Голубева, по телефону спрашивает: «Все будет хорошо, правда, папа?..»

Это финал. Больничная нянечка кладет трубку. И Голубев слышит только короткие, громкие, тревожные гудки... Они звучат как «сигналы тревоги», подчеркивает автор. Но в этом разъяснении нет ни малейшей необходимости. Тревога действительно есть. И она очень, очень велика... Зачем нагнетать такой ужас, отвращение читателей пьесы к бесчеловечному человеку с выхолощенным начисто понятием не только о чести и совести, но просто о самой примитивной, общежитейской порядочности?..

Думается, об этическом, духовном **воспитании людей волшебной силой драматургии** автор даже и не задумывается. Его пьеса откровенно сенсационна... Сосредоточившись на предельной низости, моральном уродстве «героев», автор буквально не знает удержу.

Самое же страшное здесь в том, что рядом с нравственными уродами **нет больше никого!**

Голубевы живут словно на необитаемом острове. Вокруг них царит какая-то страшная, мертвая зона, черная пустота... Пожалуй, это больше всего отталкивает от пьесы, ибо она неправдива в главном. В том, что начисто отрывает, отторгает «героев» от общества. От сути окружающей нас жизни. От главных ее моральных законов.

Изолированные наглухо от людей по воле автора, Голубевы ведут не только пустое существование. Они — опять же по воле автора — еще и лгут. Поэтому пьеса — еще до выхода героев на сцену — вызывает чувство протеста.

Что ж говорить о переживаниях зрителя, когда пьеса эта на сцене иных театров (как ни удивительно) все-таки появляется?!

В постановлении ЦК КПСС «О работе партийной организации Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы» обращается внимание всех работников искусства на необходимость создавать произведения, показывающие красоту советского образа жизни. Долг театров, а значит, драматургии — достоверно и ярко отображать нашу современность. «Важно, чтобы в спектаклях,— говорится в постановлении,— раскрывались лучшие черты советского человека, присущие ему идейная зрелость, масштабность мыслей и дел, умение находить правильные решения в острых конфликтных ситуациях, чувство коллективизма, нравственная чистота».



Рекордный прыжок Тамары Быковой. Фото МТИ — ТАСС

МИРОВОЙ РЕКОРД ТАМАРЫ БЫКОВОЙ

В четырнадцатый раз проводился чемпионат Европы по легкой атлетике в закрытых помещениях. Во Дворце спорта в Будапеште соревновались 270 спортсменов из 24 стран.

Наша команда, основу которой составляли еще не обстрелянные в международных состязаниях молодые легкоатлеты, добилась прекрасного результата, завоевав 8 золотых, 5 серебряных и 3 бронзовые медали. Мужчины соревновались в двенадцати видах, женщины в десяти.

Но особенно надо отметить достижение, показанное в секторе для прыжков в высоту. Давно советские поклонники легкой атлетики не испытывали такой радости: наша спортсменка установила мировой рекорд, который можно считать феноменальным. Студентка факультета журналистики Ростовского университета Тамара Быкова преодолела планку на высоте 2 метра 3 сантиметра. Причем следует учесть, что уже начиная с высоты 197 сантиметров она прыгала одна, конкурентки не смогли взять этот рубеж.

Тамара побила не только рекорд для залов, но и рекорд, установленный на афинском стадионе. За всю историю легкой атлетики в первый раз рекордсменом мира в этом виде стала советская спортсменка.

Пожелаем Тамаре Быковой новых, еще больших высот на предстоящих летом чемпионатах.

ДЕБЮТАНТЫ СТАНОВЯТСЯ ЧЕМПИОНАМИ



Елена Валова и Олег Васильев. Фото ЮПИ — ТАСС

На закончившемся в Хельсинки чемпионате мира по фигурному катанию советская пара — ленинградцы Елена Валова и Олег Васильев — в острой борьбе с прошлогодними чемпионами — фигуристами из ГДР С. Бэсс и Т. Тирбахом — завоевали золотые медали. Елена и Олег впервые были включены в сборную страны, формировавшуюся для участия в мировом первенстве, но проявили настоящий бойцовский характер. Воспитанники тренера Т. Москвиной продемонстрировали отличную технику, самые сложные элементы они исполняли на высоких скоростях. Об их мастерстве и отличной подготовке говорит хотя бы тот факт, что они единственные из всех участников соревнований в парном катании выполнили параллельный тройной прыжок.

Елена Водорезова, которую в предыдущие годы преследовали травмы и болезни, нашла в себе мужество вернуться в строй и добилась великолепного результата, завоевав бронзовую медаль. Впервые на мировых чемпионатах советская фигуристка вошла в тройку призеров.

Чемпионы Европы в танцах на льду Н. Бестемьянова и А. Букин стали обладателями серебряных медалей.

А счастье было так возможно...

Р. САРИМОВ

ФЕЛЬЕТОН

В поезде я познакомился с одной голубоглазой скотницей из Вологодской области. Расставаясь, мы договорились о встрече, и она назначила мне свидание у бывшего сельского клуба. Почему у бывшего, а не у настоящего, подумал я про себя. Сразу бы и танцевать пошли. Но возражать вслух не стал. Я был готов идти за ней и на старую мельницу...

— Где у вас тут бывший клуб? — окликнул я первого встречного, прибыв в назначенный срок в село Митицино.

— Клуб? А что это такое?

— Это, — объясняю, — очаг культуры, где поют, пляшут и слушают лекции о вреде алкоголя.

— Не знаю такого,— мотает головой мой новый знакомый. — Сколько живу тут, досуг свой провожу на завалинке, перебиваясь с картишек на домино.

Неужели, думаю, моя спутница надо мной подшутила?

Обратился с тем же вопросом к старейшему на селе.

— Есть такое дело! — обрадовал меня он. — Я частенько хожу туда вспоминать свою молодость.

Дед привел к густым зарослям на околице:

— Вот тебе и твой бывший клуб.

Без проводника мне бы в жизнь этого очага не найти! Фундамент и кое-какая кладка ушли глубоко в бурьян. В лебеду ушли и разбросанные там и сям бетонные конструкции.

— Какой век? — кивнул я на убогие останки древнего сооружения.

— Какой там век! — махнул дед рукой. — Ему от роду-то лет десять.

— А чего же от него тогда так мало осталось?

— Так это же не весь клуб, а долгостройка-недостройка.

От деда я узнал, как долго-долго боролись в совхозе «Домшино» за свой очаг культуры. Пока наконец парни из ПМК-270 «Вологдасельстроя» засучив рукава не взялись за дело. А взявшись, в первый же год освоили... пять процентов сметной стоимости клуба. Но, видно, без привычки сильно натерли руки. Потому что долго после этого не показывались. «Через две зимы, через две весны» отдохнули как надо и вернулись снова. Освоили еще два процента. Но это было все же не последнее явление строителей: спустя несколько лет парни нагрянули нежданно и, навалившись дружно, осилили еще один процент.

Истратив на объект около сорока тысяч, подрядчик похоронил его и навсегда исчез из жизни заказчика.

— Как вам удалось такое? — полюбопытствовал я позже у главного инженера треста «Вологдасельстрой» В. Брусиловского. — Неужели же вас совсем не теребили?

Оказывается, еще как теребили-то! Наседали всем скопом: «Скотопром» — снизу, облисполком — сверху. А сельчане толкали сбоку. Но строители стойко выдержали все «теребления» — и подарили клубу возможность сгнить на корню.



Рисунок Э. Десятник.

— Будем теперь заказывать новый клуб на новом месте новому подрядчику, — с оптимизмом говорит секретарь парткома совхоза С. Ерофеев. — А то трест «Череповецсельстрой», которому спихнул нас неудавшийся подрядчик через свой главк, не берется возводить новый клуб на развалинах старого.

— Увы! — взяла слово председатель профкома А. Неелова. — Нет даже проекта на новый клуб. И до того волнующего момента, когда мы сможем, наконец, сплясать в своем клубе «сударыню-барыню» или посмотреть кинофильм, может пройти еще десяток лет...

Впрочем, тогда он, возможно, и не понадобится. С момента закладки несостоявшегося клуба число рабочих в совхозе уже сократилось вдвое. И если старый клуб был заложен на триста мест, то новый планируется только на двести. Из расчета на оставшееся население.

Может быть, думаю, и моя сероокая скотница перебралась туда, где есть какой-то очаг культуры? Потому что я так и не дождался ее у бывшего небывшего клуба.

— А есть в вашем Шекснинском районе где-нибудь клуб? — спрашиваю митинцев с надеждой.

— Вроде был в селе Нифантово...

Я поспешил туда. Но опоздал... На целую вечность. От того деревянного очага культуры осталась лишь одна зола. И сгорело ветхое строение так давно, что и пепел-то его можно было обнаружить, только докопавшись до культурного слоя. Между тем здесь расположены два преуспевающих хозяйства — бригада колхоза «Шексна» и птицефабрика «Шекснинская». Только коллектив последней насчитывает в своих рядах тысячу человек, большую часть которых составляет молодежь. А клуба — ни одного! Если, конечно, не считать летнюю кинобудку из горбыля нетесаного. Сначала этот сарайчик в пустыре я было принял за трансформаторную будку-времянку. Но разглядев через щели в стене-заборе нестройные ряды табуреток в «зале», понял, что это и есть «очаг культуры» нифантовцев.

— Почему не возведете приличный клуб? — приступил я к директору фабрики Г. Перченко.— Обнищали, что ли, совсем?

Хозяйственник обиделся. Оказывается, я имел дело с мультимиллионерами. Череповецкое объединение «Мясо — птица», куда входит и шекснинская фабрика, получает в год тринадцать-четырнадцать миллионов прибыли. И львиную долю этого богатства дают шекснинские птичники.

— Куда же деваете этакую прорву денег? Не в чулок же?

— Увы! — вздыхает бедный миллионер. — Мы только создаем прибыль, а распоряжается ею объединение.

Если уж, думаю, и переехала куда-нибудь моя ненаглядная скотница, то не сюда. Помчался скорее в Череповецкий район, где находилось головное предприятие богатейшего объединения.

Увидев меня, генеральный директор А. Спиридонов начал сразу жаловаться на трудности. Конечно, таковые имеют место. Но ведь у себя, в Климовском, директор их как-то сумел преодолеть: отгрохал на зависть шекснинцам дворец муз, да еще с немалыми художественными излишествами... Нет, я не против красивых дворцов. Пусть пляшут и веселятся климовцы. Только где же справедливость? У одних — дворцы, у других — сараи. А создают прибыль птичники сообща.

Побывал я без успехов еще не в одном районе этой нечерноземной области. По словам председателя Шекснинского райисполкома В. Дмитриева, за десять последних лет во всем районе был построен всего один Дом культуры.

Тогда я зашел за разъяснениями к начальнику производственного управления сельского хозяйства Вологодского облисполкома В. Барышникову (он же заместитель председателя облисполкома).

— Только за шесть последних лет построено клубов на семь тысяч восемьсот пятьдесят пять мест! услышал я бодрые слова.

Подождите ликовать, читатель. Это всего двадцать шесть трехсотместных клубов. Или четыре таких очага культуры в год на четыреста хозяйств. Разбросайте найденное число на количество деревень — получится конфуз. Знал бы — не тратил времени на пустые хлопоты. Наверняка моя скотница давно уже перебралась в город. Или она назначила мне это свидание нарочно? И теперь сидит ждет у себя в Митицине результатов своей акции.

Вологодская область.

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ ЧИТАТЕЛЯ

В. МОРОЗОВА

СТРИЖКА С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Искусство парикмахера существует с незапамятных времен. Каких только причесок не придумывали во все времена, чтобы сделать людей красивыми,— бабетты, тюльпаны, пажи, гавроши, ежики, диско, ретро, бриз, ветерок и т. д. и т. п. И в наши дни это искусство не стоит на месте.

Как известно, основой любой хорошей прически является стрижка, требующая большого умения, мастерства, вкуса и, конечно, скажете вы, хороших ножниц. Вот тут-то и начинаются чудеса.

«Четыре года работаю я женским парикмахером в «Магнолии», одном из крупных салонов Краснодара,— поведала нам в письме читательница Н. В. Григорьева.— Очень люблю свою профессию. Так интересно осваивать новинки, особенно стрижки. Но беда в том, что современные прически требуют не только фантазии и мастерства, но и специального инструмента — удобных, хорошо отточенных ножниц, филировочных ножниц, расчесок с трезубцем, круглых щеток, фенов большой мощности и еще целого ряда специальных инструментов. А всего этого нет, не хватает даже обычных ножниц, да и качество тех, что есть, никак не соответствует современным требованиям. А ведь без нас, парикмахеров, не обходится ни один человек. Так неужели же нельзя подумать о создании специального инструмента для нас, профессионалов?»

Что же происходит? Парикмахерские вроде не закрываются, мастера работают и, судя по тому, что большинство людей ходят стриженые и даже причесанные, план в основном выполняется. Стало быть, стричь можно и без ножниц?

И вот мы в Краснодаре, на главной улице — Красной. Дом быта с салоном-парикмахерской. Ходим по залам, беседуем с мастерами, рассматриваем инструмент.

— Эту расческу с трезубцем привезли мне из Башкирии...

— Очень удобная массажная щетка из Грузии, сеточки тоже грузинские...

— Хвостик немецкий, зажимы, электрощипцы из Москвы...

— Киевский фен, который мы получили, хорош только для индивидуального пользования. Нам его хватает на полгода.

— Бигуди нужны с ершиком. Те, что мы получаем, не годятся. Слишком широкая пайка, локон получается не круглый, а с перегибами.

— Халаты всем купили в Харькове, в командировке...

— Комплекты для дезрастворов, ваты, мыла, пудры изобретаем каждый кто как может...

— Ножницы тупые, их точи не точи — проку мало. Филировочных вообще не поступает...

В маникюрном зале.

— Пилка корундовая годится только для филировки. Профессионалу нужны пилки с крупной насечкой...

— Кисточки беличьи, колонковые — от самодеятельных умельцев...

— Посуду для лака собираем сами по домам, по знакомым, как старьевщики...

— Щипцы из такого мягкого металла, что хватает их лишь на год. Приходится покупать опять же у умельцев. Вот смотрите, «щечки» высокие, удобные в работе и сточатся не скоро. Модель самодеятельная по эскизу мастера.

Ответы подобного рода мы слышали и в других салонах Краснодара, в «Березке», «Магнолии», маленьких парикмахерских. Картина, как видите, складывалась неутешительная. Мастера есть, есть желание работать по-новому, есть даже хорошие показатели по выполнению плана, а инструмента «фирменного», специального, профессионального нет. Правда, главный технолог А. Т. Яровой показал нам три пары заветных ножниц, когда-то присланных на апробацию в Краснодар, ножниц отличных, не уступающих по качеству, как говорится, мировым стандартам, но опытная небольшая партия так, вероятно, и осталась опытной.

Не повезло и местному краснодарскому изобретателю фена, прочного, мощного, долговечного, но, как решили в инстанциях, неоригинального, непригодного к промышленному производству. Как, впрочем, и все другие изобретения кустарей-одиночек, чьими услугами просто вынуждены пользоваться мастера, упорно считающие, что без ножниц не пострижешь.

Мы обратились в Министерство бытового обслуживания РСФСР, к начальнику Главного управления непроизводственных и бытовых услуг М. Ф. Шатскому.

— К сожалению, положение, сложившееся в парикмахерских Краснодара, вовсе не исключительное. Только в Российской Федерации работает 154 тысячи людей в сфере парикмахерских услуг. И совершенно справедливо требование обеспечить их инструментом. Каждый год мы запрашиваем минимальную цифру своих потребностей в ножницах — 300 тысяч, а получаем лишь 180 тысяч. Стало быть, половина мастеров должна стричь вас без ножниц, голыми руками, не говоря уже об остальном инструменте. Нужен, очень нужен нам инструмент.

Последнее время много говорится о культуре сервиса, о повышении его качества. Достичь этого можно, на мой взгляд, только при условии более внимательного отношения большой промышленности к нуждам сферы услуг.

Бытовое обслуживание — одна из самых молодых отраслей народного хозяйства. Настала пора и ей уделить больше внимания, подумать серьезно о том, чтобы обеспечить ее работников необходимым хорошим инструментом. Глядя на импортные наборы для парикмахера, маникюрные наборы, можно только позавидовать высокому качеству их исполнения, продуманности, целесообразности каждого тщательно отработанного инструмента. И, конечно, невольно задаешь себе вопрос: «А кто же у нас возьмется за выпуск подобных наборов?»

Подсчитаем хотя бы приблизительно, сколько ведомств и министерств должно принять участие в изготовлении лишь одного такого набора для парикмахеров.

Упаковка-короб — из кожи или кожзаменителя, расчески, бигуди из пластмассы, щетки из щетины, пеньюары из ткани, фен электрический, ножницы из металла. Стало быть, министерства легкой, текстильной, химической, местной, электротехнической промышленности должны изыскать возможность выпуска перечисленного инструмента на своих предприятиях. Да еще ведь кто-то должен координировать и комплектовать эти наборы.

Возможно, картина, нарисованная нами, не точна, и вопрос этот можно решить гораздо проще. Хотелось бы, чтобы это было так.

Но в чем мы совершенно убеждены, так это в том, что парикмахер не может жить без инструмента, так же, как любой мастеровой человек, будь то слесарь, портной, обойщик, кровельщик или плотник.

РАССКАЗ

НИИ-ИСТОРИЯ

Владимир СЛУЦКИЙ

С самого начала рабочего дня у меня появилось странное ощущение. Вроде бы все было нормально. Никаких выговоров, кроме премии, мне не причиталось. Личная жизнь устроена, даже собаку недавно купил. Значит, и с этой стороны все было нормально. Я пошел в буфет и выпил бутылку кефира, но странное ощущение не только не пропало, а возрастало с каждой минутой. Я посмотрел в окно. На бульваре сидели два студента и считали на логарифмической линейке. И в этот момент, да, именно в этот момент я понял, что́ со мной произошло.

Мне хотелось работать! Чувство вызывало приятное томление своей новизной.

«А почему бы и не попробовать?» — пришла мне в голову оригинальная мысль. Я начал перебирать у себя на столе покрытые пылью бумаги. Среди них были какие-то научные планы, расчеты, графики, в общем, ничего интересного, а работать все равно хотелось.

— Что сидишь как в воду опущенный? — услышал я голос инженера Сапрыкина.— Мат в три хода не получается или об отпуске мечтаешь?

— Да мне, понимаешь, поработать захотелось.

— А ты... в медпункт ходил? — забеспокоился Сапрыкин.

— Ходил,— соврал я,— говорят, иди работай.

— Что, так и сказали?

— Так и сказали,— подтвердил я.

— Ну, люди! Ну, люди! — возмутился Сапрыкин.— Никакого сострадания. Тут с человеком такое происходит, а они... Ну, ничего, ты, главное, не унывай. Я вместе с тобой буду работать. Ты только скажи, что нужно делать.

— Вот этого я как раз и не знаю,— признался я.— Наверное, разучился работать.

— Ну, это ты брось! — перебил меня Сапрыкин.— Мы же с тобой недавно институт кончили. Кстати, не помнишь — какой?

— Если бы помнил! — горестно вздохнул я.

— Ничего, ничего. Ты только не волнуйся. Сейчас что-нибудь придумаем,— стал успокаивать меня Сапрыкин. А потом и говорит: — Мы в каком учреждении работаем?

— Как-то не интересовался,— ответил я.— Меня сюда по распределению направили.

— Ладно, тогда пойдем-ка к начальнику отдела. Он уж точно работу даст.

Когда мы вошли в кабинет начальника, тот, прикрыв рукой какой-то листок, внушительно сказал заместителю:

— Дэ-восемь.

— Убит! — коротко вскрикнул заместитель.

— Вам что, товарищи? — обратился к нам начальник, отрываясь от игры.

— Мы работать хотим,— выпалил Сапрыкин.

— Вот и хорошо,— обрадовался начальник.— Мне как раз нужно двух человек послать на овощную базу.

— Мы так не хотим, мы не так хотим,— вызывающе сказал Сапрыкин.

— Ну, так сразу бы и сказали,— разозлился начальник.— «Науку и жизнь» только что разносили по отделам. А там почти на каждой странице ваш любимый «Психологический практикум». А на будущее,— продолжал начальник,— запомните: из дому надо работу брать.

— Да мы...— начал было Сапрыкин, но я взял его за руку и вывел из кабинета. Мне работать хочется, а они тут разговоры разводят.

— Ладно,— закипятился Сапрыкин,— мы это дело так не оставим. К шефу пойдем.

Пришли. В приемной сидят две секретарши, чай пьют, а на нас даже наклеенных ресниц не подняли. Зашли мы в кабинет.

— Молодцы, что пришли,— обрадовался нам шеф.— Я вот здесь над одним вопросом бьюсь, а посоветоваться не с кем. В общем, рыба семейства карповых? Четыре буквы.

— Карп,— подсказал Сапрыкин.

— Правильно,— восхищенно сказал шеф и быстро записал слово в лежащий перед ним журнал.

— Александр Петрович,— возник в селекторе голос секретарши,— вас в трест на просмотр итальянского фильма вызывают. Просили передать: дети до шестнадцати лет не допускаются.

— Ничего не поделаешь. Работа,— извинился перед нами шеф.

— Что будем делать? — спросил вконец расстроенный Сапрыкин, когда мы вышли на улицу.

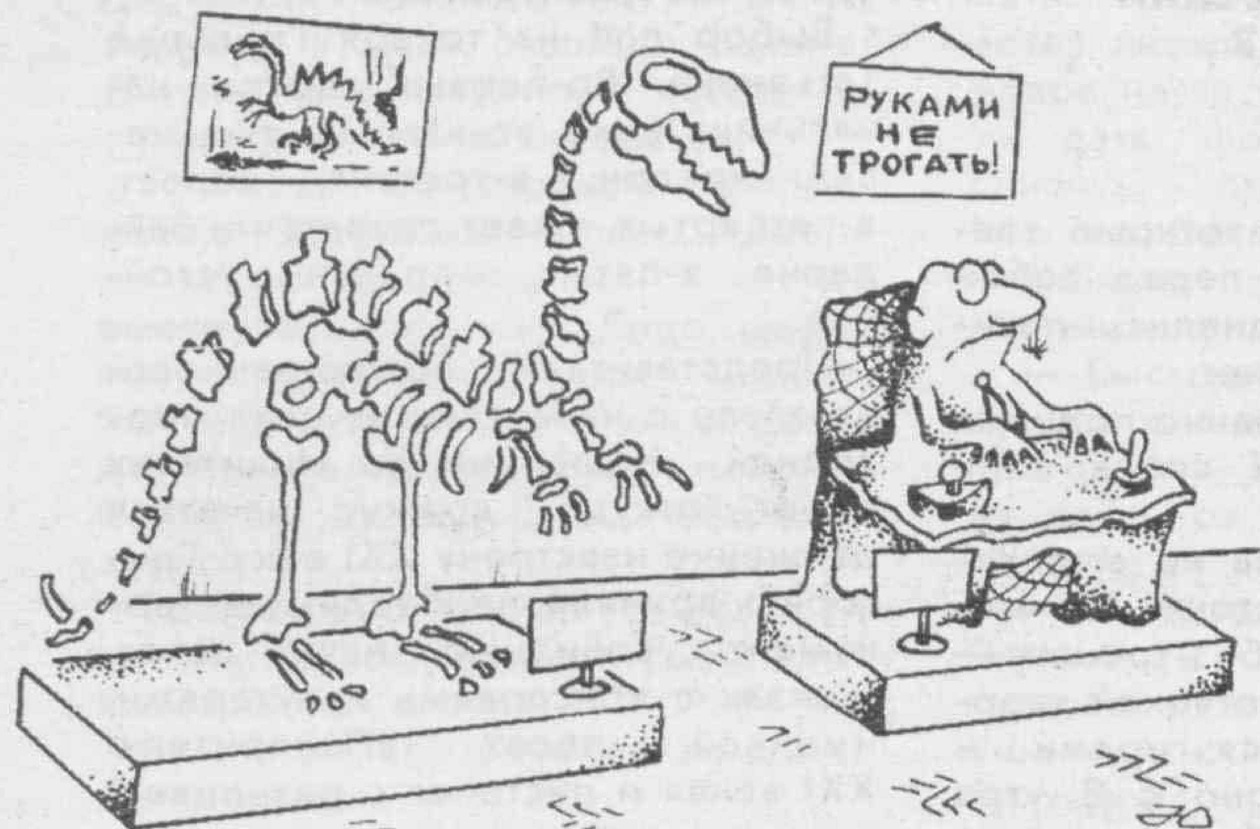
Я прислушался к себе: работать хотелось явно меньше, а может, и совсем уже не хотелось.

— Знаешь что? — сказал я.— Вернемся на работу. Мне уже лучше.

— А ты не врешь? — засомневался Сапрыкин.— Может быть, ты меня просто волновать не хочешь?

— Нет, мне действительно лучше, а ты, Сапрыкин, настоящий друг,— сказал я, и мой голос предательски задрожал.

Мы вернулись на работу, а через час я уже настолько оправился, что выиграл у Сапрыкина две партии в поддавки, чем и успокоил его окончательно.



Гомо бюрократус.

Рисунок Ю. НОВГОРОДЦЕВА (Томск).



Хлеба — налево, хлеба — направо.

Рисунки В. ВОЕВОДИНА.



Рисунок О. ТЕСЛЕРА



Рисунок Н. МАЛОВА.



Рисунок В. НЕНАШЕВА (Ставрополь).



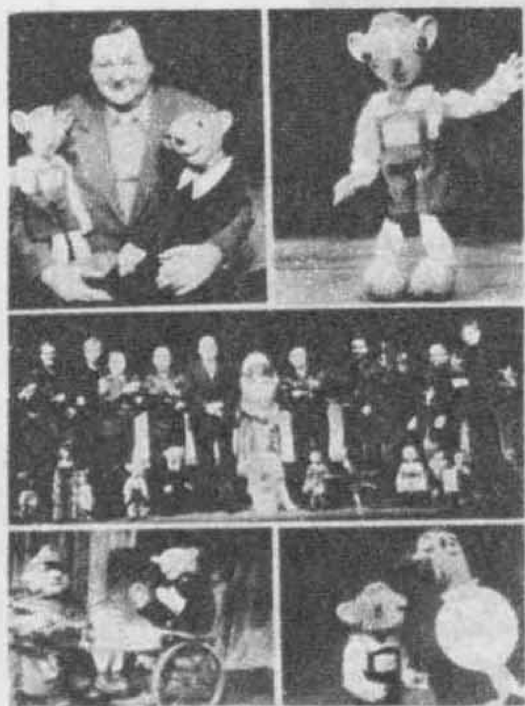


Рисунок А. МОРЕВА



Рисунок И. СУРОВЦЕВА (Воронеж)

ИНТЕРВЬЮ ДАЕТ ГУРВИНЕК



— Ну вот,— сказал Гурвинек, заглядывая сквозь щелочку занавеса в зрительный зал,— яблоку негде упасть!

— А разве здесь, в театре Образцова, с потолка падают яблоки?— озадачил сына папаша Спейбл.

— Осмелюсь доложить!— воскликнул невесть откуда выкатившийся на инвалидной коляске бравый солдат Швейк.— Довольно о яблоках. Вы не забыли, досточтенные, как будет по-русски «Здравствуйте, дорогие зрители?» Ведь сегодня мы играем на русском языке...

Тут деревянных актеров, не дав им договорить, подхватили кукловоды Богуслав Шульц, Любош Гомола и Гелена Штахова. Я только и успел условиться с Гурвинеком, что он даст интервью после представления.

...Зал опустел. Мы сидим с Гурвинеком и главным режиссером театра народным артистом ЧССР Милошем Киршнером, удобно устроившись возле аквариума с золотыми рыбками.

— Сколько тебе лет?— спросил я у деревянного мальчишки в коротких штанишках.

— Больше пятидесяти, — ответил он серьезно.— А моему папе Спейблу на шесть лет больше. Вообще-то у меня целых три папы...

Гурвинек говорил правду. Придумал его учитель гимназии из Пльзени Йозеф Скупа для своего театра, в котором уже жил смешной папаша Спейбл с огромными ушами, в очках, мешковатом фраке и огромных деревенских башмаках. Спейбл, по замыслу автора, должен был олицетворять человеческие слабости — мещанство, ограниченность, невежество. В роли его своеобразного оппонента выступал чешский Петрушка — Гурвинек. Спейбл осуждал все новое, постоянно поучая и наставляя пытливого и любознательного малыша. Популярность театра Скупы за короткое время выросла настолько, что из самодеятельного он превратился в первый профессиональный кукольный театр Чехословакии. Йозеф Скупа был в нем одновременно и актером и художником, певцом и музыкантом, осветителем и главное — душой.

— Где ты сейчас живешь, Гурвинек?

— Вообще-то я прописан в Праге — на Виноградах. Там находится наш театр. В школу не хожу, но географию и языки знаю неплохо. Мы ведь объездили полмира, нас знают на четырех континентах. Со зрителями я разговаривал на шестнадцати языках!

— Как же это удается?

Чтобы говорить в Японии по-японски, во Франции по-французски, в Швеции по-шведски, а в Москве по-русски, режиссер Киршнер изучал специальную теорию. Не было случая, чтобы в какой-либо стране нас не понимали. А если тебя понимают, то друзей появляется много-премного.

Отвечая на мои вопросы, Гурвинек смешно подергивался на своих ниточках (он ведь кукла-марионетка), которые не выпускал из рук режиссер Милош Киршнер.

— А не разрешите ли вы, товарищ режиссер, поговорить с вашим любимцем тет-а-тет?

— Боюсь, это вам не удастся,— улыбнулся в ответ Милош.— Ведь я озвучиваю обе роли — Гурвинека и Спейбла — на сцене, записываю их голоса на радио и граммофонных пластинках, которых вышло целых пятьдесят. У вас есть еще вопросы?

— Хотелось бы узнать, в чем секрет долголетия Гурвинека...

— Считайте, что отвечать продолжает он. Скажу сам только одно: этим двоим не занимать чувства юмора. Ушастый «мудрец» с сыном не пали духом даже в мрачные дни фашистской оккупации. Незатейливые спектакли с их участием объединяли зрителей, заставляли верить в победу разума над черными силами. За два года до освобождения Праги фашистские власти закрыли театр, а его руководителя Йозефа Скупу бросили в концентрационный лагерь, Спейбла и Гурвинека заперли в сейф пльзенского гестапо. Вот как боялись фашисты кукол!

— Интересно, а какой спектакль в театре больше всего любишь ты, Гурвинек?— спросил я малыша.

— Он называется «Гурвинек среди жучков», а написал эту сказку еще в двадцатых годах основатель театра Йозеф Скупа вместе с Францем Венигом. «Среди жучков» я появлялся на сцене больше двух тысяч раз.

— И все-таки: перед кем нравится выступать больше — перед детьми или взрослыми?

— Театр Спейбла и Гурвинека не называется детским, хотя в его репертуаре половина спектаклей для маленьких. Мы растем, характеры наши меняются вместе с нами. Папаша Спейбл перевоспитался, мещанином и невежей его теперь не назовешь. Было бы нехорошо до сих пор над ним насмехаться. Хотя я его сын, но позволю заметить, что мы теперь равные партнеры на сцене. Выступать же перед детьми надо так, как и перед взрослыми, только немного лучше...

— Представь, что ты заблудился в Москве...

— Я здесь уже шестой раз и просто попросил бы показать мне дорогу к театру нашего большого друга Сергея Владимировича Образцова. Дружим мы давно, еще в 1924 году Сергей Владимирович гостил в Праге и увидел в журнале «Наш лоуткарж» фотографию папаши Спейбла. Возвратившись домой, он по фотопортрету сделал свою куклу титулярного советника. А самые что ни на есть деловые и дружеские контакты завязались вскоре после войны — Центральный театр кукол приехал в 1948 году в Прагу на гастроли, через год мы выступили впервые в Москве.

— Что ж, спасибо за интервью. Может, мы на память сделаем фотографии?

Согласие было получено, и вам, читатель, остается теперь посмотреть четвертую обложку нашего журнала.

Беседу вел В. КОВАЛЕВ.

Евгений ДУБРОВИН

ВОКРУГ

ПОЧТИ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

I

Григорий Татьянин открыл глаза и увидел прямо перед собой окно. За окном виднелись лесистые сопки и валил снег.

«Что за черт! — мрачно подумал Татьянин.— Вчера ни сопок, ни снега не было».

Комната тоже была не его: какие-то дурацкие цветочки на стенах, потолок белый, без трещин — не то что в его холостяцкой квартире: сосед увлекался гирями и бомбил его регулярно с 8 утра и до 10 вечера с небольшими перерывами на обед.

Что же могло случиться? Григорий напряг память. Ага... Вчера он отправился в поход вокруг земного шара. От Никитских ворот... Татьянин все хорошо помнил до Никитских ворот, а как только сделал шаг от Никитских ворот, память сразу отшибло.

Идея отправиться в поход вокруг земного шара принадлежала другу и начальнику Григория, Петру Кошарину. Петр считался «моторным» начальником цеха. Он везде успевал. Временами казалось, что Петр мог возникать сразу в нескольких местах. Но не это создало славу Кошарину «моторного». Славу создали многочисленные, иногда просто удивительные начинания.

Взять хотя бы такое: «поставить в цехе для эстетики финиковые пальмы и закрепить их за рабочими местами. То есть чтобы каждый рабочий чувствовал ответственность за пальму: поливал, удобрял, рыхлил землю и так далее. Начинание было с большим энтузиазмом подхвачено всем заводом, но его пришлось вскоре прикрыть, так как у пальм многие поставили скамейки, повесили гитары, поставили тумбочки, в которых хранились не только инструменты.

Вскоре в быт цеха прочно вошли выражения: «сходил к пальме», «попальмимся», «пальмём на троих», «пальмоопохмелился» и другие. Начинание прикрыли, но слава о Петре Кошарине уже разнеслась. Портрет Кошарина напечатала многотиражка, а телевидение даже сняло сюжет: «Пальмовый эффект Петра Кошарина».

Но, конечно, самым дерзким было его начинание «Вокруг земного шара навстречу XXI веку». Идея была такая: кто-то из цеха Кошарина идет пешком до Владивостока, затем плывет через Тихий океан на байдарке, потом снова идет, опять плывет. И так далее. А навстречу землепроходцу движется XXI век. В какой-то точке земного шара они встречаются, и местное население фиксирует этот факт. Затем человек возвращается.

На все путешествие отводилось 17 лет. Оплачивать поход должен цех за счет сверхплановой продукции, а также по статье «Культурно-массовая работа».

Выбор пал на токаря Григория Татьянина. Во-первых, друг начальника цеха, во-вторых, физически крепок, в-третьих, холост, в-четвертых, умеет плавать на байдарке, в-пятых, морально устойчив.

Представители общественности во главе с начальником цеха проводили Кошарина до Никитских ворот, откуда должно начаться движение навстречу XXI веку. Григорию вручили необходимые документы, солидную пачку денег, рюкзак с консервами и сухарями, именной посох «Покорителю XXI века» и пистолет с разноцветными ракетами, если землепроходец заблудится в тайге или на него нападет медведь-шатун.

Обнялись, поцеловались, сказали причитающиеся слова, однако разойтись не смогли, сколько ни пытались. Каждый думал о важности момента. Семнадцать лет. Все ли встретятся через семнадцать лет вот в таком составе?.. Татьянин несколько раз поднимал правую ногу, чтобы сделать первый шаг навстречу веку, но тут же испуганно опускал ее. Наконец кто-то неуверенно сказал:

— Нехорошо как-то, такое дело... и на сухую. Попальмиться бы...

Кошарин сразу ожил, словно только и ждал этих слов:

— Верно! Даже если корабль спускают, и то шампанское бьют... Надо бы и нам разбить пару пальмочек на счастье.

— Только не о голову,— сострил Григорий.

— Чисто символически,— успокоил друга Кошарин.

Представители общественности, десять человек, воспрянули духом, печаль пропала, и вся компания почти бегом направилась в ближайший ресторан. Начали «символически» в обед, а закончили шумно, по-цыгански, когда уже тушили свет...

Затем снова двинулись к Никитским воротам. По пути давали Григорию дельные советы.

— Медведя подпускай поближе, жди, пока разинет пасть. А потом в пасть — ракетой.

— Не женись, даже временно. Жена висит гирей на ногах прогресса.

— В Конго купи попугая. Говорят, там дешевые попугаи.

— Заверни на Галапагосские острова. По телеку Сенкевич говорил: «Красотки — закачаешься».

— Директору привези индейский барабан. Он барабаны собирает.

Затем у Никитских ворот Григорий сделал шаг, который ему не удавался до этого,— и память как ножом обрезало.

А теперь вот где он? Сопки ка-

кие-то, снег идет, незнакомая комната... Что за страна? Какой год? Да, что там год! Какой век? Встретил ли он XXI век или еще находится в пути? Может быть, по дороге, где-нибудь в Африке, он подхватил какой-то экзотический вирус и у него отшибло память? Да, так оно, наверно, и есть...

На кухне кто-то скребется.

Григорий со страхом приподнялся. Скрипнула кровать. Дверь на кухню приоткрылась, и оттуда высунулась старушка. Лицо широкое, скуластое, волосы черные, жесткие. Может быть, он в Канаде или на Аляске? Да, похоже. Сопки за окном. Снег... Вот черт занес!

Григорий с трудом выковырял из памяти оставшиеся со школы иностранные слова.

— Эй, мутер, шпрехен зи дойч? Дай вассер...

Завалил такое дело! Алкаш! Почему тебя занесло в Домодедово? Ты должен был топать и топать! Семнадцать лет топать! — Вдруг голос начальника упал до плача.— Ну, что мне теперь делать? По радио передавали, в газетах писали... Нам оборудование новое из-за твоего похода обещали дать, фонды прибавить, план снизить, прогрессивку... Боже! Что же делать?.. Что делать?..

Бабкина пятерка улетела на кошаринское нытье.

— Высылай мне денег, и я начну все сначала! — прервал друга Григорий.— Завтра прилечу и двину опять от Никитских ворот! Ты понял?

— С катушек сошел! — завопил Петр.— Да тогда всему делу крышка! Нет, ты уж исчезни! Ушел — и с концами. Медведь тебя задрал, крокодил проглотил, в



Голова Татьянина стонала, как пустой чугун, по которому бьют половником.

— Чего-то, сынок?

— По-русски шпрехаешь? Слава богу. Какой сейчас век?

— С утра был восемьдесят третий годик, сынок... Пивка дать холодненького?

— Есть? Тащи, бабка! — радостно прохрипел Татьянин жестяным голосом.

После пары бутылок «Жигулевского» чугун перестал гудеть.

— Куда это меня, бабка, занесло?

— Владивосток это, сынок. Владивосток. Вчерась на пристань пошла рыбки купить, а ты там пьяненький, скандалишь. В лодку хотел залезть. Плыть куда-то... Милиция — забирать, да я вступилась. Жалко стало. Взяла с собой...

— М-да,— сказал мрачно Григорий.— Рванул я крепко навстречу веку. Опередил время...

Ни денег, ни документов, естественно, не было. Татьянин занял у бабки пятерку и пошел на почту звонить на родной завод.

Трубку взял Кошарин. Он долго не мог понять, в чем дело: какой Владивосток? Какой Григорий? При чем здесь бабка с «Жигулевским»?

Потом до него дошло.

— Идиот! — завопил Петр. — Зачем ты рванул во Владивосток?

Амазонке утоп — меня не касается! Это твое личное дело! Мы же сохраним вечную память о тебе в своих сердцах!

Трубку швырнули. Частые гудки. Безденежному, бездокументному, потерявшему подотчетную досаафовскую ракетницу, Татьянину ничего не оставалось, как вернуться назад к бабке.

— Друг называется,— бормотал по пути убитый всем случившимся Григорий.— Пустил на съедение медведям... Бросил в беде.

Бабке ничего объяснять было не надо. Она сбегала за пивом, пожарила яичницу.

— Оставайся у меня, сынок. У тебя никого нет и у меня... Век недолго доживать осталось,— говорила спасительница Татьянина, жалостливо глядя на своего найденыша.— Квартиру тебе оставлю. Квартирка, сам видел, хорошая. Море рядом, лес... На работу устроишься. У нас тут фабричка неподалеку. Не знаю уж, что они там делают, по ящиков тыщу. Видать, прилично зарабатывают... Директор там хороший. По фамилии Лисицын.

«И в самом деле исчезну,— подумал Григорий злорадно.— Друга в пасть медведю бросил. Похоронил, мерзавец. Ну, ничего, через семнадцать лет с тебя спросят, куда я делся».

II

Директор по фамилии Лисицын оказался добродушным лысым толстяком. Он сидел в небольшом, загроможденном старой мебелью кабинете и мрачно смотрел прямо перед собой. За спиной директора уныло загибался вниз черный пыльный график.

— Летун? — спросил он Григория.

— Пешеход,— ответил Татьянин.

— Все мы пешеходы,— философски заметил директор.— Что умеешь делать?

— Многое. Но в основном хожу вокруг земного шара,— не смог удержаться, чтобы не похвалиться, Григорий.

— Остряк-самоучка?

— Нисколько,— обиделся Татьянин.— Сейчас многие ходят, ездят, летают во славу родного предприятия. А что, у вас нет никакого начинания?

— Нет,— уныло сказал Лисицын.

— Понятно,— кивнул сочувственно Татьянин.— Поэтому и дела неважны.— Григорий покосился на график.

— При чем здесь дела? — не согласился директор.— Дела неважны потому, что нет сырья, людей, подводят поставщики...

— План?

— Не тянем,— вздохнул Лисицын.

Григорий поднял палец.

— Эх, темнота... А если бы, например, пошел от вас человек вокруг земного шара, то план снизили бы. И люди бы к вам потянулись. И поставщики зауважали.

— Это почему же?

— Не знаю. Но так всегда бывает.

— Ага... Ну-ка, расскажи поподробнее насчет этого вашего начинания.

Татьянин прикусил язык, но было уже поздно. Глаза директора фанатически поблескивали.

III

В поход вокруг земного шара, теперь уже в обратную сторону, Татьянина провожали рано утром. Было тепло, шел мягкий снег.

На вершине сопки разложили одеяло, уставили его бутылками и яствами. Лисицын произнес речь, представители общественности крикнули: «Ура!» Бабка с узелком горячих пирожков заплакала. Григорий, одетый в полушубок и унты, сорвал с плеча двухстволку и шарахнул сразу из двух стволов. Эхо прокатилось по тайге.

— Значит, так,— наставлял директор, раскрасневшийся после выпитого коньяка.— Пойдешь мимо этих сопок, возьмешь левее и держись все время по распадку. А там дуй прямо до самой Москвы. В Москве не задерживайся. Топай до станции Чоп. Ну, да там тебе подскажут...

Представители общественности не отставали от начальства в количестве советов.

— В реке Нил опасайся крокодилов. В случае чего, бей волчьей дробью в пасть.

При словах «крокодил» и «волчья дробь» бабка снова заплакала.

— В Африке купи макаку. С макакой идти веселей.

— Но бабуинов опасайся. Сенкевич говорил по телеку: опасная тварь.

— Не женись. Держись подальше от Испании. Сенкевич говорил: испанки красивые — спасу нет.

— Ну, отходную.

— Посошок!

— Стремянную!

— Чтоб земля тебе пухом! То есть наоборот...

— Сыночек ты наш, дорогой! — вдруг не своим голосом зарыдала бабка.— Да на кого ж ты нас покинул?

IV

Григорий медленно пришел в себя. Он стоял у Никитских ворот. Было морозно. Сияла луна. Татьянин медленно, с удивлением оглядывал себя. На нем было потрепанное демисезонное пальто. Из кармана торчал обломок приклада ружья, в руках оленьи рога.

Несмотря на странный вид, прохожие мало обращали внимания на Татьянина. Их взоры были прикованы к толпе, окружавшей энергичного человека.

— Расступитесь... вот это место. Здесь он сделал первый шаг... Где он теперь, наш герой? В пути. Пока, вероятно, еще недалеко ушел, но уйдет! Добьется своего! Упрямый! Мой лучший друг. Прошло совсем немного времени, и мы провожаем в путь второго. Говори, Коля!

Вперед вытолкнули человека в костюме верхолаза, со стальными когтями, свисавшими с пояса, и мощной фарой, укрепленной на каске.

Коля покачнулся и пробормотал:

— Я... залезу!

— Лезь, Коля! Помни: наш цех с тобой, рядом! — Петр Кошарин похлопал верхолаза по плечу.— Пошли, ребята, промочим горло!

Толпа ушла. Верхолаз остался один. Он в растерянности смотрел на крышу дома напротив.

Григорий тронул парня за плечо.

— Куда лезть, парень?

— Черт... забыл... как это... Эль... Аль...

— Эльбрус?

— Да нет вроде...

— Эверест?

— Не... Длинно как-то и через черточку...

— Альфа-Центавра?

— А это что такое?

— Ну, черт с ним... Потом вспомнишь... Деньги дали?

— Полно.

— Тогда пошли со мной вокруг земного шара. А там видно будет.

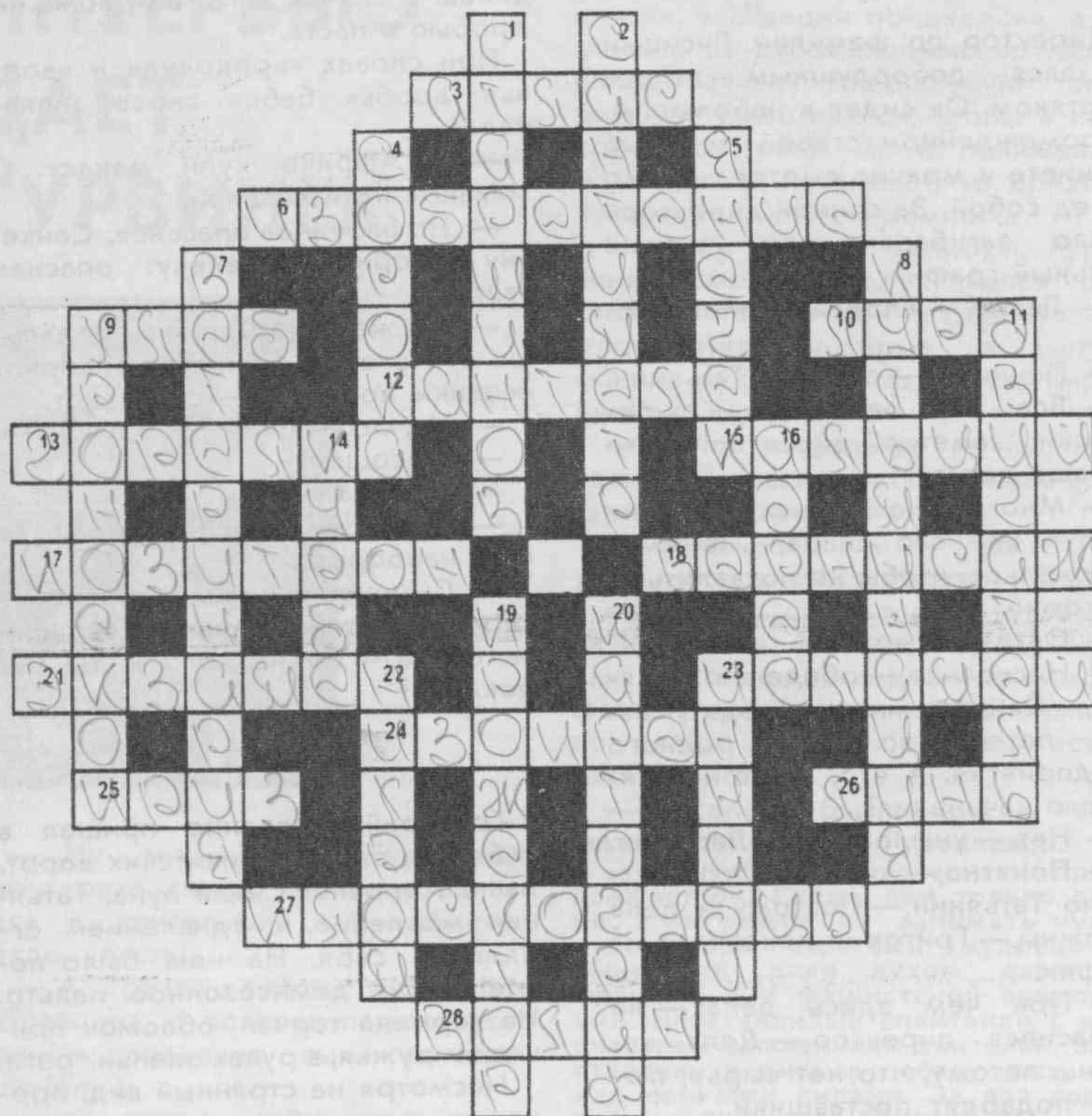
— А дорогу ты знаешь? — спросил верхолаз.

— Сначала доберемся до Владивостока. А там уж проще. Включай фару.

И они, обнявшись, пошли.

ЗЕМНОГО ШАРА

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Горная система на северо-западе Африки. 6. Новое техническое решение задачи. 9. Повесть А. Н. Толстого. 10. Курорт на юге Франции. 12. Карело-финский музыкальный инструмент. 13. Устройство для образования смесей топлива с воздухом, кислородом. 15. Химический элемент, металл. 17. Античастица. 18. Торжественное открытие выставки. 21. Проверка знаний, испытание. 23. Народный танец кабардинцев и адыгейцев. 24. Углеводород, жидкость, сырье для получения каучуков. 25. Награда победителю в соревновании. 26. Рыба семейства карповых. 27. Инструмент, вид клещей. 28. Мяч для игры в бадминтон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Советский хоккеист, двукратный олимпийский чемпион. 2. Единица длины. 4. Птица семейства вороновых. 5. Чешский композитор. 7. Наука о лечении животных. 8. Точка высшего подъема, развития. 9. Прибор для сравнения показаний двух часов. 11. Машина, преобразующая определенный вид энергии в механическую работу. 14. Французский живописец, активный участник Парижской коммуны. 16. Письменное поздравление по случаю юбилея. 19. Мощный осветительный прибор. 20. Специалист по составлению чертежей земной поверхности. 22. Жаростойкий сплав. 23. Азербайджанский женский танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Картофель. 7. Гончар. 8. Ягдташ. 10. Гипербола. 13. Карасу. 14. Скутер. 15. Кутум. 17. Роль. 18. Алеш. 19. Джомолунгма. 20. Ритм. 22. Слон. 23. Стриж. 25. Перрон. 26. Ефанов. 27. Ирригация. 30. Укаяли. 31. Эдисон. 32. Террариум.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Казаки». 2. Фокстрот. 3. Глагол. 5. «Кобзарь». 6. Капсула. 9. Калорифер. 10. Гурджаани. 11. Ассамблея. 12. Березовой. 15. Кумыс. 16. Манеж. 21. Морозка. 22. Стадион. 24. Регистан. 28. Рельеф. 29. Индаур.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Наталья Геллерт с дочкой Жанаргуль и сыном Арманом. (См. в номере материал «Наташин каравай»).

Фото Ю. Лушина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Спейбл + Гурвинек» + Милош Киршнер, народный артист ЧССР, руководитель знаменитого пражского театра марионеток * «Я — Гурвинек!» * Актеры и куклы * Папаша Спейбл беседует со Швейком, а Гурвинек — с конферансье из театра Образцова. (См. в номере материал «Интервью дает Гурвинек»).

Фото И. Гаврилова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.02.83. Подписано к печати 15.03.83. А 00640
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 864. Заказ № 182.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА

В НЕБ

Городская весна начинается с раскатистого воркования голубей. Правда, в городе голубей на тротуарах и площадях больше, чем в небе. В небе, сверкая на раннем солнце, кругами ходят баловни судьбы, породистые красавцы, держатели коих являются членами клуба любителей голубей. Москвич Анатолий Васильевич Воробьев — один из двух тысяч членов городского клуба столичных голубятников. Детская забава обернулась страстью на всю жизнь. Профессиональный военный, вышедший на пенсию, Анатолий Васильевич ни на день не оставляет пернатых друзей без внимания и не по возрасту восторженного восхищения...

Звездный час московских голубятников — 1957 год. В тот год спешно, буквально накануне Всемирного фестиваля молодежи и студентов, заводили в столице голубей, завозили и расселяли новых; мальчишек и парней перестали бранить домоуправы, наоборот, теперь им помогали доставать корм для прожорливой птицы, добровольцы наделали новые, просторные голубятни, благо тогда еще в Москве было много старых дворов, переулков и закоулков. Гости фестиваля были приятно поражены количеством живых «эмблем мира»!.. Но вот пошли на слом бараки, домишки, а с ними сараи и сарайчики и, конечно, голубятни... Однако клуб, пережив неизбежное, сумел обрести и в новой, многоэтажной Москве счастливую меру сосуществования древнего человеческого пристрастия к ручной птице и почти стопроцентного отсутствия условий для содержания голубей. Голубятни в обновленном виде нередки не только на окраине города, но и в самых его населенных кварталах.

Вместе со своими обитателями они устремляют нас ввысь.

Кирилл БЫКОВ

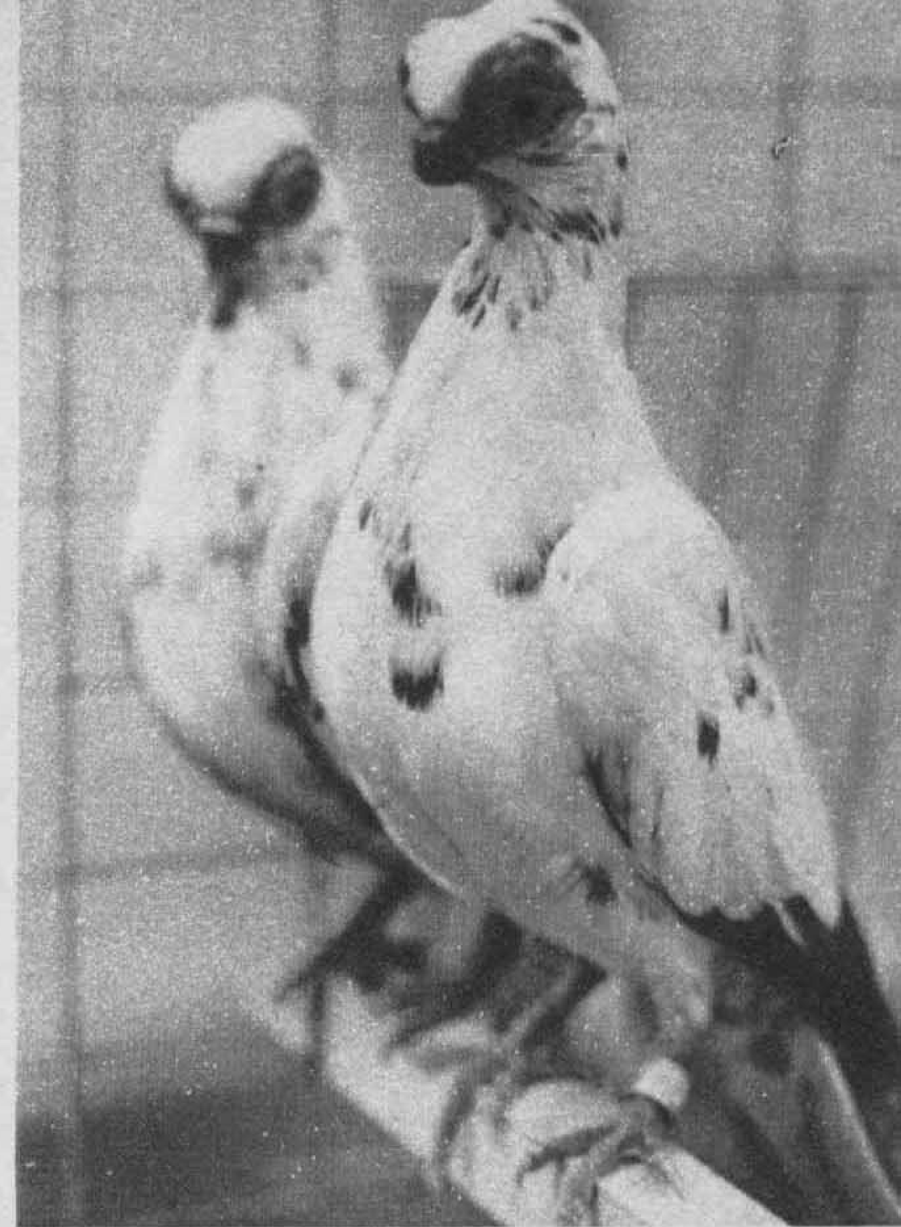
На выставке голубей.

Черно-пегие.



Крюковский.



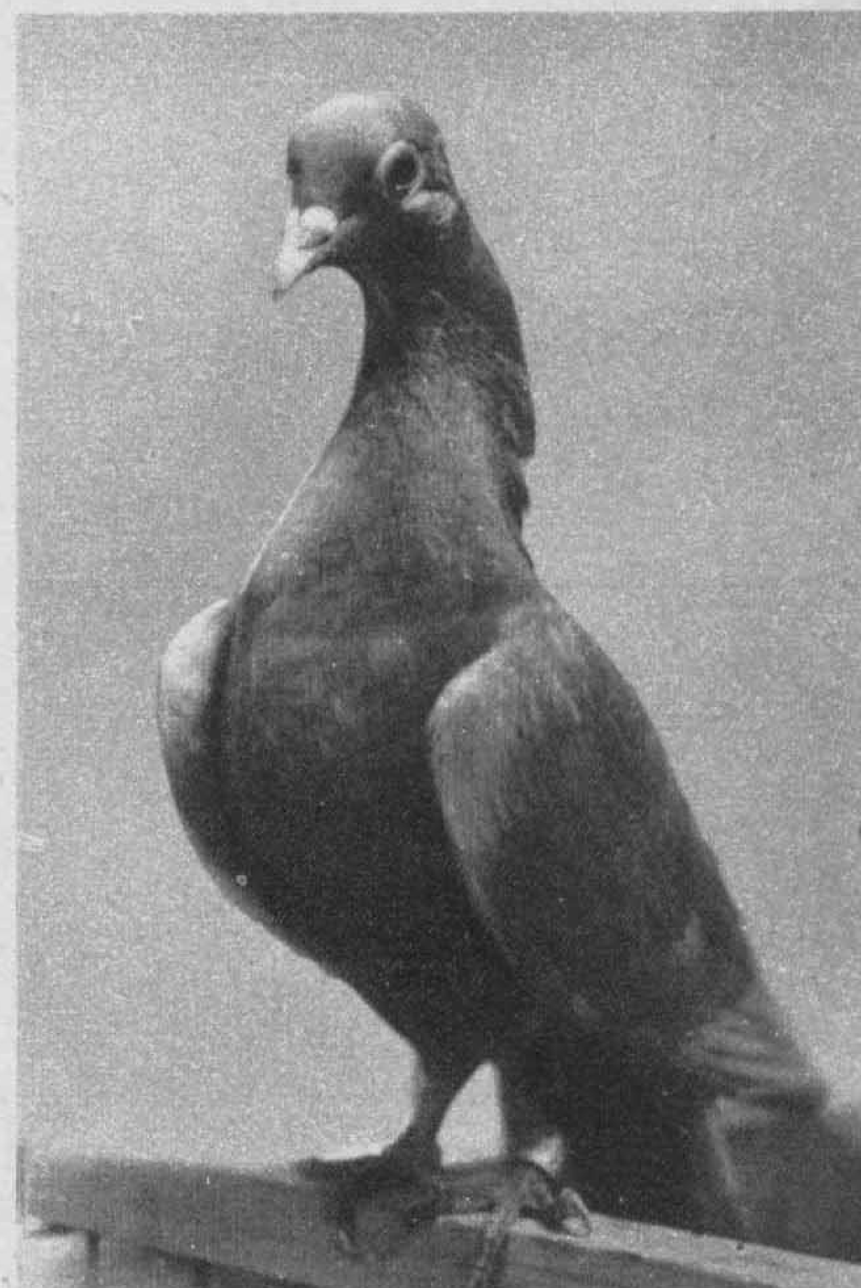


Венские.

Якобин.

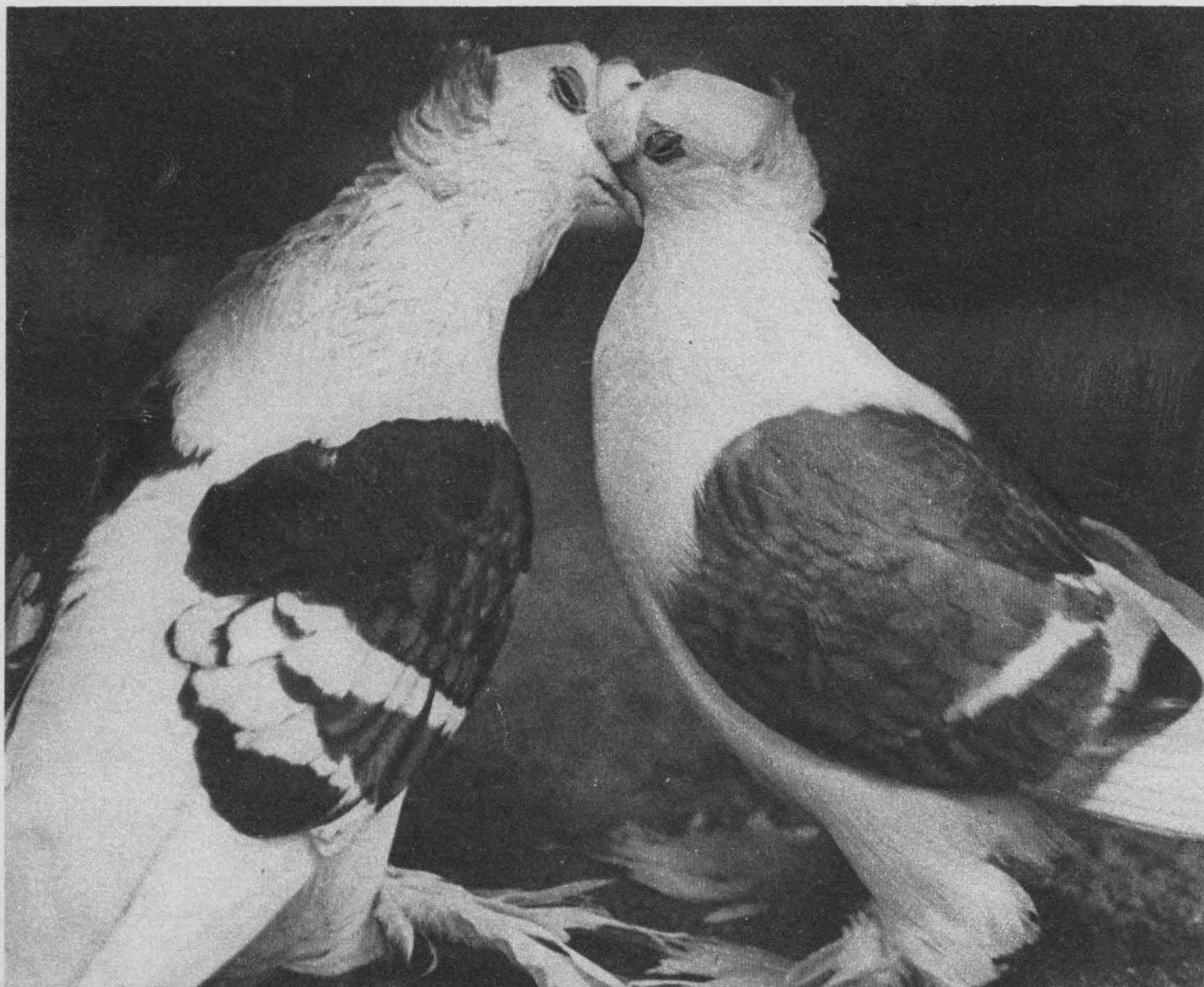


Е ГОЛУБИ



Штутгартский.

Немецкие барабанщики.



Дутыш.






ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663





